

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ

ГОДЪ XX.

Подъ редакціей Л. М. Лопатина.

Книга IV (99).

СЕНТЯБРЬ-ОКТАБРЬ.—1909 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.
Пименовская ул., соб. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Алексѣй Сергѣевичъ Бѣлкинъ †. М. К. Любавскаго.	I
<hr/>	
Задачи современной психологіи Г. Челпанова	285
Ближайшія задачи экспериментальной педагогики. Н. Ви- ноградова.	309
<hr/>	
Витализмъ и задачи научной біологіи въ вопросѣ о жизни. Вл. Карпова.	523
Прагматизмъ. Ал. Балабана	574
Предметъ и методъ социологіи. В. М. Хвостова	619
Русскій послѣдователь Г. Когена. П. И. Новгородцева.	636
Отчетъ о международномъ конгрессѣ по психологіи въ Женевѣ 1909 г. В. Волковичъ и З. Столица.	662

Критика и библиографія.

I. Библиографическій листокъ.

Извѣстія и замѣтки.

Анкета по вопросу о постановкѣ преподаванія психологіи
въ мужской гимназій.

Полемика.

Что такое объективная психологія. В. Бехтерева. 685

Объявленія.

Алексѣй Сергѣевичъ Бѣлкинъ.

(† 17 іюля 1909 г.)

Въ лицѣ скончавшагося 17 іюля сего года А. С. Бѣлкина русская философская наука потеряла одного изъ скромныхъ, но идеально одушевленныхъ работниковъ, пожертвовавшихъ ей всѣмъ—молодостью, матеріальнымъ достаткомъ, карьерою, семейнымъ счастьемъ...

Алексѣй Сергѣевичъ былъ сынъ богатаго московскаго коммерсанта. Родился онъ 13 сентября 1856 г. Среднее образованіе получилъ въ Московской практической академіи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1875 году. По выходѣ изъ этой школы Алексѣю Сергѣевичу предстояло сдѣлаться ближайшимъ помощникомъ и съ теченіемъ времени замѣстителемъ своего отца по веденію крупнаго мѣховаго дѣла, перваго тогда въ Москвѣ, приносившаго его владѣльцу огромный доходъ. Но у Алексѣя Сергѣевича уже съ ранняго дѣтства былъ зажженъ иной огонь въ душѣ. Кажется, двухъ лѣтъ отъ роду лишился онъ своей матери. Никто ему ея не замѣнилъ. Родительскій домъ, вся обстановка, все, что наполняло жизнь этого дома, сдѣлались ему чужды. Въ его запискахъ сохранился трогательный разсказъ о томъ, какъ онъ ребенкомъ еженедѣльно ѣздилъ навѣщать свою маму на Пятницкое кладбище, какъ онъ часто думалъ объ уходѣ къ ней, и какъ по связи съ этимъ роились въ его головѣ,

давили его дѣтскій умъ неотвязные вопросы бытія... «Задумчивый мальчикъ», говорили объ немъ родные и знакомые. Алексѣй Сергѣевичъ, такимъ образомъ, рано сталъ философомъ... На этомъ психическомъ фундаментѣ, заложенномъ въ дѣтствѣ, шла и дальнѣйшая его духовная стройка. Поступивъ въ школу (Московскую Практическую Академію) для технической выучки, Алексѣй Сергѣевичъ жадно ловилъ тамъ все, что расширяло умственный кругозоръ, формировало жизненное міросозерцаніе, все, что давало работу и пищу мысли. Съ особенною любовью изучалъ онъ математику и естественныя науки, исторію и литературу. Благодарнымъ словомъ поминалъ онъ заботы тогдашняго инспектора Практической академіи И. М. Живаго о разностороннемъ образованіи своихъ питомцевъ, объ ихъ внѣклассномъ чтеніи, а также превосходные уроки исторіи, которые давалъ академистамъ покойный П. П. Мельгуновъ. Уже въ средней школѣ чтеніе, пріобрѣтеніе знаній сдѣлались для Бѣлкина стихіею жизни, необходимою, какъ воздухъ, какъ пища... За недѣлю до начала выпускныхъ экзаменовъ онъ писалъ своему другу А. В. О. о томъ тяжеломъ положеніи, которое ожидаетъ его по выходѣ изъ школы, когда придется съ 9 часовъ утра до 10 вечера сидѣть въ магазинѣ. «Самъ ты согласишься, что при такихъ занятіяхъ не останется времени для чтенія. А если я не буду читать на иностранныхъ языкахъ, напримѣръ, то кромѣ лишенія удовольствія отъ чтенія книги предстоить еще пріятная перспектива забыть и то, что я зналъ до сихъ поръ. Не читая ничего, не предаваясь умственнымъ занятіямъ, вѣдь, наконецъ, очерствѣешь, отстанешь!..»

Не болѣе двухъ лѣтъ могъ вынести юный Бѣлкинъ тяжелой жизни магазиннаго сидѣльца. Состояніе его

духа было за это время крайне подавленное. «Нѣтъ никого, кто бы подкрѣпилъ во мнѣ падающую надежду,—писалъ онъ въ своемъ дневникѣ.—Я одинъ наединѣ съ самимъ собою и предъ лицомъ страшной дѣйствительности. Я тебѣ, моя милая бумага, передаю мои грустныя мысли, хоть ты, я знаю, и не заплачешь». Грустныя мысли состояли въ томъ, какъ трудно выбиться ему на дорогу иную, чѣмъ та, которая ему разстилалась. Эта дорога, писалъ Бѣлкинъ, «устлана коврами, тепла, доходна, но для меня невыносима». «Кончайся скорѣе, борьба, мнѣ стало не въ моготу... Мнѣ кажется, что я просто съ ума сойду. Одно мнѣ утѣшеніе: разговоръ съ Лелей, музыка и чтеніе. Отнимите ихъ, и я погибъ!»

Вопли души Бѣлкина были, наконецъ, услышаны, и весною 1877 года ему дана была возможность готовиться по классическимъ языкамъ къ экзамену на аттестатъ зрѣлости. Уроки начались 20 апрѣля 1877 г. и кончились въ августѣ 1878 года. Чтобы не терять времени, Бѣлкинъ поступилъ въ августѣ 1878 года на историко-филологическій факультетъ стороннимъ слушателемъ съ тѣмъ, чтобы по выдержаніи весною экзамена на аттестатъ зрѣлости зачислиться сразу на второй курсъ. Но увы! этой надеждѣ не пришлось такъ скоро сбыться. На экзаменѣ въ шестой гимназіи Бѣлкинъ, по его разсказу, надѣлалъ въ русскомъ сочиненіи нѣсколько грамматическихъ ошибокъ, невозможныхъ для него въ обычномъ, спокойномъ состояніи. Время тогда было суровое,—самый расцвѣтъ Толстовскаго режима,—и двери университета, уже полуоткрытыя, захлопнулись передъ Бѣлкинымъ. Но на этотъ разъ онъ не ослабѣлъ духомъ и съ новою энергіею принялся за подготовку къ экзаменамъ подъ руководствомъ извѣстнаго преподавателя гимназіи

Е. И. Бѣлявскаго и покойнаго профессора Н. Г. Зубкова. Усилія его увѣнчались, наконецъ, желаннымъ успѣхомъ, и 21 іюня 1880 года Бѣлкинъ получилъ аттестатъ зрѣлости въ Вяземской гимназій, а въ августѣ того же года зачислился студентомъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета.

Шесть лѣтъ просидѣлъ Бѣлкинъ на студенческой скамьѣ, два года стороннимъ слушателемъ и четыре года полноправнымъ студентомъ. За это время онъ неустанно и всесторонне работалъ надъ своимъ научнымъ образованіемъ. Его интересы дѣлились между философскими и историческими науками, которыми онъ занимался не только потому, что состоялъ студентомъ историческаго отдѣленія, но и по внутреннему побужденію, по интересу къ нимъ. Близкимъ людямъ разностороннія занятія Бѣлкина казались по временамъ доказательствомъ того, что онъ ни на чемъ еще не сосредоточился, что онъ ошибочно попалъ на историко-филологическій факультетъ, что по складу его ума ему слѣдовало бы быть на физико-математическомъ. Бѣлкинъ отвѣчалъ, что его интересы лежатъ преимущественно въ области логики, психологіи, исторіи философіи и исторіи точныхъ наукъ. «Я сказалъ также, — пишетъ онъ въ февралѣ 1882 года, — что у меня именно таково направленіе ума, что меня интересуетъ всегда болѣе не то, что говорится, а почему говорится такъ, а не иначе, и вѣрно ли это». И дѣйствительно уже студентомъ Бѣлкинъ проштудировалъ логику Милля и Бэна, психологическіе труды Бэна, Спенсера, Рибо, Троицкаго, исторію философіи Льюиса, Куно-Фишера, Кузэна, проштудировалъ творенія нѣкоторыхъ философовъ: Платона, Бэкона, Адама Смита, Джемса, Милля, Огюста Конта, Спенсера, Дарвина и

др. Кандидатское сочиненіе изготовлено было имъ на тему о теоріи нравственнаго чувства Адама Смита.

По окончаніи курса въ университетѣ, весною 1884 г. для Алексѣя Сергѣевича снова сталъ роковой вопросъ: «а дальше что»? Студенты, показавшіе свое усердіе и успѣхи въ научныхъ занятіяхъ, обыкновенно остаются при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Алексѣй Сергѣевичъ, по своему обычаю, и тутъ опоздалъ, во-время не представилъ кандидатскаго сочиненія, которое давало бы право его руководителю М. М. Троицкому возбудить вопросъ объ оставленіи Бѣлкина при университетѣ.

Повидимому Матвѣй Михайловичъ и не совсѣмъ увѣренъ былъ въ своемъ ученикѣ, въ его усидчивости и способностяхъ. Но Алексѣя Сергѣевича это обстоятельство не обезкуражило, и онъ рѣшился отправиться для продолженія своего образованія за границу, ближайшимъ образомъ въ Берлинъ, куда онъ и прибылъ 19 октября 1885 года.

Въ Берлинѣ Алексѣй Сергѣевичъ прослушалъ въ зимнемъ семестрѣ 1885—1886 года курсы по исторіи философіи Целлера и Дейссена, введеніе въ философію и этику Паульсена и принималъ дѣятельное участіе въ семинаріи Целлера по Аристотелю и Паульсена по Юму. На весенній семестрѣ 1886 года Бѣлкинъ перѣхалъ въ Лейпцигъ и здѣсь работалъ въ психофизиологической лабораторіи Вундта и слушалъ лекціи по психологіи. Эти занятія были, такъ сказать, завершеніемъ его студенческихъ студій, послѣ чего онъ принялся уже за подготовку къ магистерскому экзамену по философіи. Этотъ экзаменъ Алексѣй Сергѣевичъ выдержалъ въ Казани, въ весеннемъ семестрѣ 1891 года. 27 и 28 апрѣля 1892 г. Бѣлкинъ прочиталъ двѣ пробныя лекціи въ Московскомъ уни-

верситетѣ на темы: «Нравственная философія Адама Смита» и «Законъ внушенія Броуна и его вліяніе на психологію Бенеке», послѣ чего принятъ былъ въ число приватъ-доцентовъ Московскаго университета по кафедрѣ философіи.

Для Алексѣя Сергѣевича началась многотрудная преподавательская дѣятельность, въ которую онъ погрузился всецѣло. Въ качествѣ приватъ-доцента А. С. читалъ курсъ по исторіи новой англійской философіи (въ 1892—1893 г.), специальный курсъ по Платону и Аристотелю (въ 1893—1894 г., въ 1894—1895 г.), по исторіи средневѣковой философіи (въ 1895—1896 г.), по психологіи. Одновременно съ тѣмъ А. С. читалъ лекціи по исторіи греческой философіи на коллективныхъ урокахъ Общества учительницъ и воспитательницъ (въ 1892—1893, 1893—1894), по психологіи на педагогическихъ курсахъ (въ 1894—1895) и давалъ уроки педагогики въ Маріинскомъ училищѣ (съ осени 1893 до весны 1896), Екатерининскомъ институтѣ, женской гимназіи г-жи Ржевской. При необыкновенной добросовѣстности А. С. подготовка къ лекціямъ и урокамъ поглощала почти все его рабочее время. Къ этому надо присоединить дѣятельность его въ качествѣ члена (съ 1892 года) и секретаря (съ 1894 г.) Психологическаго общества, члена Комиссіи по организациі домашняго чтенія и редакціи «Библіотеки для самообразованія». А. С. живо интересовался трудами Психологическаго общества и принималъ участіе въ дебатахъ по поводу читавшихся тамъ рефератовъ. Памятны его выступленія при обсужденіи вопроса о свободѣ воли, занявшемъ нѣсколько засѣданій. Но особенно много поработалъ А. С. для Комиссіи по организациі домашняго чтенія. Имъ составлены были планъ занятій философіею и программа чтенія по логикѣ, психо-

логи и педагогикѣ, напечатанныя въ «Сборникахъ» означенной комисіи. Въ качествѣ редактора «Библіотеки для самообразованія» А. С. редактировалъ переводъ логики Минто и подобралъ для него примѣры и задачи, а также переводъ психологіи Бэна.

Но надо было думать и о написаніи диссертациі. А. С. избралъ темою для своей магистерской диссертациі логическое ученіе Уэвеля. Онъ хотѣлъ прослѣдить прежде всего полемику Уэвеля съ Миллемъ и причины сравнительнаго неуспѣха теорій Уэвеля, а также то вліяніе, которое оказалъ Уэвель на дальнѣйшее развитіе логики, иногда сближающейся болѣе съ Уэвелемъ, чѣмъ съ Миллемъ. Написать диссертацию въ Москвѣ въ скоромъ времени было мало шансовъ. Съ другой стороны, А. С. сильно интересовался методами экспериментальныхъ изслѣдованій психическихъ явленій, съ которыми онъ ознакомился въ лабораторіи Вундта въ 1886 году. Все это въ общей сложности и заставило его просить заграничной командировки, которая и дана было ему осенью 1896 года.

Сначала онъ поселился было въ Берлинѣ. Здѣсь помимо занятій въ королевской библіотекѣ Бѣлкинъ собиралъ свѣдѣнія о постановкѣ преподаванія педагогики въ среднихъ школахъ и университетахъ Германіи въ виду того, что хотѣлъ по возвращеніи въ Москву продолжать преподаваніе педагогики въ среднихъ школахъ и начать его въ университетѣ. Въ октябрѣ 1897 года онъ переѣхалъ въ Геттингенъ, чтобы работать въ психологическомъ институтѣ проф. Георга Миллера. Выборъ руководителя обусловился тѣмъ, что Миллеръ получилъ превосходную подготовку, нужную для экспериментатора-психолога, занимался математикой, анатоміей, физиологіей и извѣстенъ самостоятельными трудами въ области физиологіи и пси-

хофизики, за что получилъ почетное званіе доктора медицины. Подъ руководствомъ Миллера А. С. сосредоточился на изслѣдованіи пространственнаго воспріятія и продѣлалъ въ его лабораторіи множество опытовъ. Параллельно съ этимъ А. С. старался выработать изъ себя самостоятельнаго экспериментатора-психолога на манеръ проф. Миллера и съ этою цѣлью старался овладѣть всѣми нужными естественно-научными дисциплинами. Онъ слушалъ не только курсы психологіи Миллера, но и курсы анатоміи проф. Меркеля, фізіологіи Мейснера, анатоміи мозга и гистологіи проф. Калліуса, участвовалъ въ практическихъ занятіяхъ по этимъ предметамъ и настолько овладѣлъ техникою эксперимента въ области психологіи, что оказался въ состояніи самъ создавать нужные для психологическихъ опытовъ аппараты (одинъ изъ этихъ аппаратовъ находится теперь въ помѣщеніи психологическаго семинарія Московскаго университета). Работа по Уэвелю отошла на задній планъ, и все вниманіе А. С. занялъ вопросъ о воспріятіи пространства.

Кромѣ опытовъ А. С. привелъ для себя въ извѣстность и перечиталъ всю относящуюся сюда литературу. Весь добытый матеріалъ онъ сгруппировалъ въ систему, разнесъ по рубрикамъ. Оставалось только приняться за его литературную обработку, но судьба рѣшила иначе.

Въ августѣ 1900 года А. С. вернулся изъ-за границы и тяжело заболѣлъ неврастеніемъ. Онъ прохворалъ всю осень и часть весны и только въ февралѣ съ трудомъ началъ чтеніе курса логики, порученнаго ему факультетомъ. Здоровье его было подорвано въ конецъ, и всѣ знавшіе близко покойнаго Бѣлкина ясно замѣтили это. Въ послѣдующіе годы А. С. читалъ только логику въ университетѣ и велъ практи-

ческія занятія по этому предмету, но уже устранялся отъ всѣхъ другихъ занятій. Пребываніе его въ должности секретаря Психологическаго общества за это время (1900—1903 гг.) было почти номинальнымъ. Даже и лекціи въ университетѣ онъ нерѣдко пропускалъ, вызывая нареканія и подчасъ злобные комментаріи людей, судящихъ другихъ съ высоты собственной душевной низости. Эти нареканія и злобные комментаріи, а также необходимость имѣть заработокъ заставили А. С. весною текущаго года разстаться съ университетомъ и поступить на должность бібліотекаря Государственной Думы. Передъ отъѣздомъ въ Петербургъ А. С. въ разговорѣ съ пишущимъ эти строки выражалъ надежду, что авось теперь ему удастся написать свои диссертациі (матеріалы были у него собраны и для диссертациі объ Уэвелѣ). Это онъ ставилъ задачею своей жизни, необходимымъ оправданіемъ ея въ глазахъ окружающихъ его людей, которые въ большинствѣ относились скептически къ его занятіямъ и стремленіямъ и подчасъ очень грубо это выражали (укажу для примѣра на В. В. Розанова, бывшаго товарища Бѣлкина по университету, который въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ писаній позволилъ себѣ даже поглумиться надъ А. С. Бѣлкинымъ). Передъ тѣмъ, какъ вступить въ отправленіе своей должности, Бѣлкинъ отправился за границу для того, чтобы полѣниться въ Киссингенѣ и познакомиться съ парламентскими бібліотеками на Западѣ. Но уже на дорогѣ съ нимъ случился припадокъ и обморокъ. По приѣздѣ въ Берлинъ онъ тяжело занемогъ, и свезенъ былъ однимъ изъ своихъ давнишнихъ знакомыхъ въ санаторію, гдѣ и скончался неожиданно 17 іюля. А. С. умеръ, повидимому, отъ астмы, развившейся на почвѣ артеріосклероза. Надо

сказать, что несмотря на огромную мускульную силу, которую онъ развивалъ гимнастическими упражненіями, А. С. въ общемъ былъ сосудомъ скудельнымъ. Уже со временъ студенчества жаловался онъ на разные недуги и недомоганія. Товарищи, зная его силу, посмѣивались надъ этимъ, приписывали все мнительности покойнаго. Но, повидимому, А. С. передавалъ настоящія, а не мнимыя ощущенія.

Сгорѣла жизнь Алексѣя Сергѣевича. Остался его прахъ, богатая и тщательно подобранная библіотека, нѣсколько писаныхъ курсовъ и отдѣльныхъ лекцій и груда всевозможныхъ конспектовъ, замѣтокъ, выписокъ, описаній опытовъ и т. д. Кто можетъ соединить и оживить всѣ эти *membra disjecta*?— Повидимому, никто.

Такъ стало-быть Алексѣй Сергѣевичъ по пусту проработалъ весь свой вѣкъ? Не хочется такъ думать, и нѣтъ основаній къ такому заключенію. Алексѣй Сергѣевичъ внесъ въ жизнь свою немалую долю нравственныхъ цѣнностей. Прежде всего онъ явилъ собою примѣръ стойкаго и беззавѣтно-самоотверженнаго служенія наукѣ, чистому знанію. Такіе примѣры не часты, и надо думать, что они не остаются безъ вліянія на окружающую среду. Затѣмъ А. С. кое-чѣмъ и подѣлился изъ приобрѣтенныхъ имъ знаній съ питомцами какъ высшей, такъ и средней школы.

У всѣхъ, кто близко зналъ покойнаго, онъ навсегда останется въ памяти, какъ сердечный, отзывчивый на чужое горе и радость человѣкъ, всегда готовый придти на помощь совѣтомъ, сочувствіемъ и дѣломъ, и память эта навсегда будетъ соединена съ любовью и благодарностью къ почившему.

Матвѣй Любавскій.

Задачи современной психологіи ¹⁾.

Въ настоящемъ собраніи я считаю вполне цѣлесообразнымъ разсмотрѣть вопросъ, имѣющій, какъ мнѣ кажется, важное практическое значеніе, какъ въ научномъ, такъ и въ учебномъ отношеніи, именно вопросъ о томъ, какъ нужно понимать *задачи современной психологіи*. Вопросъ этотъ очень широкой и вслѣдствіе этого на первый взглядъ неопредѣленный, но онъ тотчасъ пріобрѣтеть полную опредѣленность, если я скажу, что намѣреваюсь разсмотрѣть *сравнительную цѣнность различныхъ методовъ изслѣдованія въ современной психологіи*.

Предлагая вашему вниманію этотъ, такъ сказать, программный вопросъ, я исхожу изъ убѣжденія, что для успѣховъ науки очень важно отъ времени до времени подвергать пересмотру вопросы этого рода. Относительно всѣхъ наукъ можно сказать, что въ нихъ часто подъ влияніемъ различныхъ условій правильное пониманіе задачъ затемняется и потому во всѣхъ наукахъ программные вопросы нуждаются въ постоянномъ пересмотрѣ. Въ особенности же это справедливо по отношенію къ психологіи, задачи и предметъ которой, какъ извѣстно, никогда не были опредѣлены въ такой мѣрѣ точно, чтобы не вызывать сомнѣній.

Итакъ, какими методами должна пользоваться современная психологія? Я этотъ вопросъ считаю очереднымъ вопросомъ, вопросомъ жизненной важности, вопросомъ, на-

¹⁾ Докладъ, читанный 2-го іюня 1909 г. на второмъ Всероссийскомъ съѣздѣ по педагогической психологіи. Примѣчанія вставлены послѣ прочтенія доклада.

стойчиво ждущимъ своего рѣшенія. Кажется, что если бы нужно было характеризовать, какъ современное русское образованное общество относится къ задачамъ психологій, то на это лучше всего можно было бы отвѣтить въ слѣдующихъ выраженіяхъ. Въ настоящее время принято думать, что существуютъ двѣ психологій—съ одной стороны новая, современная, научная, экспериментальная психологія, а съ другой стороны прежняя психологія, не-экспериментальная, основанная на такъ-называемомъ самонаблюденіи, философская или даже метафизическая, которая уже отжила свое время и сдѣлалась достояніемъ исторіи или, если выразиться правильнѣе, должна сдѣлаться достояніемъ исторіи.

Я не рѣшаюсь сказать, всѣ ли, кому приходится оцѣнивать значеніе методовъ современной психологій, согласились бы подписаться именно подъ этой формулой, признать ее своей, но рѣшительно утверждаю, что очень многіе, если не всѣ, у насъ дѣйствуютъ такъ, какъ если бы эта формула была совершенно правильна и имѣла руководящее значеніе. Въ настоящее время очень многіе склонны думать, что нужно совершенно прекратить всѣ тѣ изслѣдованія, которыя производятся помимо эксперимента, и заниматься изслѣдованіемъ только такихъ вопросовъ, къ которымъ примѣнимъ экспериментъ.

Я нахожу, что эта формула совершенно неправильна и что она въ очень ложномъ видѣ изображаетъ современное положеніе задачъ психологій. Мнѣ кажется, что эта формула, принятая, впрочемъ, не только у насъ въ Россіи, но и на Западѣ, является очень серьезнымъ препятствіемъ для правильнаго развитія психологій въ особенности потому, что многіе, ошибочно отождествляя *экспериментальную* психологію съ *эмпирической*, только къ одной экспериментальной психологій считаютъ возможнымъ прилагать эпитетъ „научный“.

Я предполагаю рассмотреть, дѣйствительно ли психологія, называемая экспериментальной, *дѣлаетъ излишнимъ*

все то, что было признано въ прежней психологiи. Мнѣ представляется совершенно очевиднымъ, что послѣ того, какъ въ психологiи стали съ большимъ успѣхомъ и съ большой пользой для психологiи примѣнять экспериментальные методы изслѣдованiя, ничего изъ того, что было принято до сихъ поръ въ психологiи, не дѣлается излишнимъ; прибавилось нѣчто новсе, очень существенное, но ничего изъ прежняго не отвергнуто, а потому нельзя говорить, что есть двѣ психологiи. Есть только *одна* психологiя; экспериментальной психологiи, какъ особой *научной дисциплины*, вовсе не существуетъ, а есть только экспериментальные *методы* изслѣдованiя.

Разсмотримъ, въ чемъ заключается сущность экспериментальнаго метода изслѣдованiя, *вноситъ ли онъ что-либо принципиально новое въ психологическое изслѣдованiе*, а, главнымъ образомъ, *исключаетъ ли онъ что-либо изъ тѣхъ способовъ изслѣдованiя, которые были прежде приняты или нѣтъ.* Для этого прежде всего необходимо условиться относительно того, что слѣдуетъ называть *экспериментомъ.*

Какъ извѣстно, общее опредѣленiе эксперимента сводится къ слѣдующему. Если мы изучаемъ какiя-нибудь психическiя событiя или явленiя въ томъ видѣ, въ какомъ они совершаются въ дѣйствительности, причемъ мы не вмѣшиваемся въ ходъ событiй, то это будетъ изученiемъ при помощи простаго воспрiятiя или наблюденiя. Мы, напримѣръ, подмѣчаемъ какой-либо случай ассоциаци по сходству, мы воспринимаемъ какое-либо послѣдовательное изображенiе. Все это случаи простаго наблюденiя психическихъ явленiй. Такого рода изученiе принято называть обыкновенно изслѣдованiемъ при помощи *самонаблюденiя.*

Съ другой стороны, мы можемъ изучать психическiя явленiя, *вмѣшиваясь въ ходъ этихъ явленiй, произвольно созидая* эти явленiя, вызывая ихъ искусственнымъ путемъ и измѣняя тѣ *условія*, при которыхъ они возникаютъ. При такомъ изученiи психическихъ явленiй, какъ и при изученiи явленiй природы, открывается возможность устанавливать

причинную связь явленій. Это будетъ изученіемъ при помощи эксперимента. Если я, напримѣръ, хочу опредѣлить роль внушенія, то могу это сдѣлать, если искусственно вызову это явленіе и стану измѣнять условія, при которыхъ происходитъ внушеніе.

Спрашивается, есть ли коренное различіе между экспериментальнымъ изслѣдованіемъ и изслѣдованіемъ при помощи простого самонаблюденія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ станетъ совершенно яснымъ, если мы дифференцируемъ понятіе эксперимента.

Понятіе эксперимента можно употреблять въ *двухъ* различныхъ значеніяхъ. Съ одной стороны, оно можетъ быть тождественнымъ съ наблюденіемъ явленія, произвольно нами вызываемаго или произвольно нами созидаемаго. Это будетъ тотъ случай, когда мы изучаемъ какое-либо явленіе, вызывая его по собственному произволу. Существеннымъ для этого эксперимента является то, что мы созидаемъ явленіе, что мы его вызываемъ искусственно. Это будетъ экспериментъ въ *широкомъ* смыслѣ слова.

Но экспериментъ можно понимать и въ другомъ смыслѣ, именно какъ изученіе явленій при *условіяхъ*, которыя могутъ быть *видоизмѣняемы*. Это будетъ экспериментъ въ *узкомъ* смыслѣ слова, когда мы, напримѣръ, измѣняя тѣ или другія *физиологическія* условія, измѣняемъ связанные съ ними психическіе процессы. Существеннымъ для этого вида эксперимента является то, что въ немъ могутъ быть видоизмѣняемы условія, при которыхъ совершается изучаемое явленіе. Всѣ виды экспериментальнаго изслѣдованія въ психології могутъ быть подведены подъ эти два основныхъ типа, и оба они примѣняются въ современной психології.

Но спрашивается, примѣнялись ли въ прежней психології эти два способа изслѣдованія, или же они были совершенно чужды прежней психології, психології самонаблюденія и составляютъ достояніе только современной психології? Я думаю, что и въ прежней психології примѣнялся какъ тотъ, такъ и другой видъ эксперимента. Что первый видъ экс-

перимента можетъ быть примѣняемъ—это совершенно ясно. Мы можемъ *вызывать* искусственно, по собственному произволу, то или другое душевное состояніе, представленіе, чувство. Для того, чтобы убѣдиться, что между прежней психологіей и современною никакой существенной разницы нѣтъ, мы рассмотримъ какое-нибудь изслѣдованіе при помощи эксперимента, какъ онъ примѣняется въ современной психологіи, т. е. при помощи внѣшняго воздѣйствія и какъ онъ могъ примѣняться въ прежней психологіи.

Положимъ, что современный психологъ въ психологической лабораторіи хочетъ изучить природу сужденія. Какъ онъ долженъ будетъ поступить для этого? Это онъ станетъ дѣлать приблизительно слѣдующимъ образомъ. Онъ ставитъ различные вопросы, на которые испытуемый субъектъ долженъ дать отвѣтъ. Давая отвѣтъ въ формѣ сужденія, онъ переживаетъ сужденіе и затѣмъ, описывая этотъ процессъ, онъ доставляетъ матеріалъ, на основаніи котораго мы дѣлаемъ предположенія относительно природы сужденія. Что въ такого рода изслѣдованіи мы имѣемъ дѣло съ изслѣдованіемъ, имѣющимъ экспериментальный характеръ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Изученію подвергается искусственно вызываемое явленіе ¹⁾.

Но что дѣлалъ прежній психологъ, когда ему нужно было высказать свой взглядъ на природу сужденія и когда онъ дѣлалъ изслѣдованіе только лишь при помощи самонаблюденія? Онъ точно такимъ же образомъ ставилъ себѣ вопросъ, отвѣчалъ на него въ формѣ сужденія, а затѣмъ старался на самомъ себѣ прослѣдить свои переживанія. Повторяя многократно это явленіе, онъ описывалъ затѣмъ свои переживанія и дѣлалъ заключенія относительно изучаемаго процесса. Есть ли какая-либо существенная разница между тѣмъ, что дѣлалъ прежній психологъ, и тѣмъ, что дѣлаетъ психологъ, изучающій при помощи эксперимента? Мнѣ кажется, нѣтъ.

¹⁾ Объ этомъ подробнѣе см. статью: „Объ экспериментальномъ изслѣдованіи высшихъ умственныхъ процессовъ“. Вопросы философіи кн. 96.

Но можно утверждать, что въ самонаблюденіи можетъ быть примѣняемъ и второй видъ эксперимента, т.-е. мы можемъ *вызывать* тѣ или другія состоянія, которыя мы и измѣняемъ по собственному произволу. Въ самомъ дѣлѣ, вызвавъ въ себѣ какое-нибудь состояніе, напримѣръ, какое-либо представленіе, я всегда могу что-нибудь къ нему прибавить, что-нибудь отъ него отнять. Всѣ такія видоизмѣненія я могу производить въ моемъ внутреннемъ опытѣ и, что самое существенное, безъ какого-либо *воздѣйствія извнѣ*, безъ примѣненія какихъ бы то ни было приборовъ и т. п.; напримѣръ, я вызываю какое-нибудь представленіе съ извѣстною интенсивностью; я могу эту интенсивность ослабить, усилить; могу что-либо присоединить, что-либо отнять, какой-нибудь звукъ я могу мыслить безъ интенсивности и т. п. Словомъ, я могу измѣнять то или иное переживаемое мною психическое состояніе. Возможность произвольнаго видоизмѣненія содержанія нашей духовной дѣятельности ясно показываетъ, что и въ прежней психологіи, въ психологіи такъ называемаго самонаблюденія примѣнялся „экспериментъ“. Какой бы фактъ ни описывалъ психологъ, утверждая, что онъ занимается просто самонаблюденіемъ, на самомъ дѣлѣ вѣдь онъ не описываетъ его на основаніи единичнаго переживанія. Онъ разсматриваетъ описываемый фактъ при различныхъ условіяхъ, а это связано съ примѣненіемъ эксперимента, который можно было бы назвать *внутреннимъ экспериментомъ* въ отличіе отъ *внѣшняго эксперимента*, который по преимуществу примѣняется въ современной экспериментальной психологіи. Различіе между внутреннимъ и внѣшнимъ экспериментомъ сводится къ тому, что во второмъ мы производимъ *видоизмѣненіе психическихъ состояній при помощи внѣшняго воздѣйствія*.

Но получается ли отъ этого какое-либо существенное видоизмѣненіе? Мнѣ кажется, что принципиальной разницы между этими двумя способами изслѣдованія нѣтъ, хотя, разумѣется, едва ли кто-нибудь станетъ оспаривать, что на сторонѣ эксперимента при помощи внѣшняго воздѣйствія есть огромныя преимущества.

Несомнѣнно, что въ экспериментѣ при помощи внѣшняго воздѣйствія мы получаемъ результаты наиболѣе точные и что въ немъ мы имѣемъ наиболѣе совершенную форму психологическаго изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе между изслѣдованіемъ при помощи эксперимента и между изслѣдованіемъ при помощи самонаблюденія разница только по *количеству*, по *степени*. То, что въ процессѣ самонаблюденія изслѣдуется на одномъ лицѣ, то здѣсь можно изслѣдовать на множествѣ лицъ. То, что тамъ изучается на сравнительно немногихъ случаяхъ, здѣсь можетъ изучаться на безгранично большемъ числѣ случаевъ. Вслѣдствіе того, что благодаря внѣшнему эксперименту устраняются ошибки, зависящія отъ индивидуальныхъ особенностей, результаты, получаемые въ настоящее время при помощи экспериментовъ, дѣлаются безспорно точными, несравненно болѣе точными, чѣмъ получавшіеся прежде. Поэтому имъ нужно отдать предпочтеніе передъ прежнимъ способомъ изслѣдованія.

Но получается ли что-либо *принципіально новое* въ этомъ способѣ изслѣдованія? Я рѣшительно утверждаю, что нѣтъ. И прежняя психологія постоянно примѣняла экспериментъ, и только *систематическое* и *планомерное* примѣненіе эксперимента составляетъ достояніе новѣйшей психологіи.

Что новѣйшая экспериментальная психологія не привноситъ чего-либо принципіально новаго, можно показать при помощи слѣдующихъ соображеній. Прежній психологъ пользовался самонаблюденіемъ. Психологъ, производящій экспериментъ, не устраняетъ самонаблюденія, а только, такъ сказать, расширяетъ его. Онъ, благодаря эксперименту, увеличиваетъ *количество* собираемыхъ имъ фактовъ, самые факты онъ элиминируетъ отъ случайностей. Онъ, такъ сказать, *улучшаетъ* изучаемые факты. Но вѣдь и въ экспериментальномъ изслѣдованіи расширяется и увеличивается то же *самое самонаблюденіе, которое являлось основой прежней психологіи*. Экспериментальный методъ изслѣдованія *предполагаетъ* методъ самонаблюденія: нельзя изслѣдовать какія-либо психическія явленія безъ того, чтобы не прибѣгать

къ самонаблюденію. Вѣдь если испытуемый субъектъ даетъ показанія относительно тѣхъ или иныхъ переживаній, то всѣ эти показанія суть показанія на основаніи самонаблюденія. Ясно, что безъ самонаблюденія нельзя произвести никакого психологическаго эксперимента. Самонаблюденіе совсѣмъ не исключается экспериментальнымъ методомъ изслѣдованія. Если къ этому прибавить, что психологи, занимающіеся экспериментальными изслѣдованіями, совѣтуютъ обращать вниманіе на особенности въ самонаблюденіи испытуемыхъ при производствѣ эксперимента, они подробно опрашиваютъ испытуемыхъ лицъ относительно ихъ переживаній, то это является дополнительнымъ доказательствомъ въ пользу важности самонаблюденія.

Нельзя говорить объ исключеніи самонаблюденія экспериментальнымъ способомъ наблюденія еще по той причинѣ, что вѣдь *не всѣ же явленія психическія могутъ быть изучаемы экспериментально*. Какъ же быть съ тѣми явленіями? Вѣдь по отношенію къ нимъ мы поставлены въ безвыходное положеніе—или совсѣмъ ихъ не изучать, или изучать по прежнему способу т.-е. при помощи самонаблюденія. Такъ какъ остается только этотъ послѣдній путь, то ясно, что изслѣдованіе при помощи простого самонаблюденія не исключается введеніемъ экспериментальнаго способа изслѣдованія.

Если въ послѣднее время принято говорить о возможности и желательности *объективнаго изученія психическихъ явленій*, то этотъ терминъ объективнаго изученія нужно понимать въ очень условномъ смыслѣ. Нельзя понятіе объективнаго изученія примѣнять къ психологіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно примѣняется въ физическихъ наукахъ. Нельзя психическія явленія изучать объективно такъ, какъ изучаются, на примѣръ, явленія кровообращенія, дыханія и т. п. Можно вполнѣ согласиться съ предположеніемъ, что, изучая объективныя проявленія психическихъ явленій, физическіе симптомы психическихъ явленій, изъ ихъ взаимнаго соотношенія мы получаемъ возможность дѣлать за-

ключенія относительно природы психическихъ явленій; но вѣдь совершенно ясно, что, такъ сказать, позади физическихъ выраженій мы предполагаемъ *психическія* явленія, потому что вѣдь мы о нихъ и говоримъ, хотя они, можетъ быть, въ данномъ случаѣ недоступны для нашего сознанія. Если мы говоримъ на основаніи объективнаго наблюденія относительно природы психическихъ явленій, то совершенно ясно, что *мы говоримъ о нихъ въ терминахъ нашего самонаблюденія*. Такимъ образомъ, если изученіе взаимоотношеній физическихъ симптомовъ открываетъ намъ отношенія между психическими явленіями, которыя не доступны для нашего самонаблюденія, то такое изученіе не будетъ объективной психологіей, потому что въ концѣ концовъ мы открываемъ связи между психическими явленіями, которыя извѣстны намъ изъ нашего *самонаблюденія*. Весьма часто говорятъ, что мы должны допустить существованіе такъ называемыхъ бессознательныхъ явленій, не доступныхъ намъ изъ нашего самонаблюденія, что въ этомъ смыслѣ они имѣютъ, такъ сказать, физиологическій, объективный характеръ. Но относительно понятія бессознательнаго я долженъ сдѣлать слѣдующія два замѣчанія. Вообще, бессознательныя явленія суть тоже явленія психическія, потому что, на мой взглядъ, понятіе психическаго шире понятія сознательнаго, а во-вторыхъ, о дѣйственномъ характерѣ бессознательнаго мы знаемъ по преимуществу изъ нашего самонаблюденія; мы умозаключаемъ о нихъ въ томъ случаѣ, когда мы не можемъ объяснить изъ самонаблюденія возникновенія тѣхъ или иныхъ психическихъ процессовъ.

Такимъ образомъ ясно, что *нельзя самонаблюденія устранить изъ психологіи. Оно всегда лежитъ въ основѣ и экспериментальной, и такъ называемаго объективнаго изученія психическихъ явленій.*

Если въ настоящее время выдвигаютъ на первый планъ экспериментальную психологію, то есть опасность, что это будетъ понято въ томъ смыслѣ, что всѣ другіе методы

изслѣдованія имѣютъ второстепенное значеніе; но это едва ли будетъ справедливо по отношенію, напримѣръ, къ такъ называемому *генетическому* методу психологіи. Можетъ ли онъ быть устраненъ изъ психологіи, долженъ ли онъ уступить мѣсто экспериментальной психологіи? Я думаю, что этого отнюдь нельзя утверждать. Вѣдь сюда относятся такія области, какъ психологія животныхъ, какъ психологія ребенка и такая важная отрасль, какъ *соціальная психологія*, такъ называемая „*Völkerpsychologie*“ т.-е. психологія, занимающаяся изученіемъ тѣхъ проявленій духовной жизни, которыя являются продуктомъ соціальнаго общенія, какъ напримѣръ, развитіе моральнаго чувства, миѳа, развитіе рѣчи, развитіе искусства и т. п. Изученіе этихъ явленій важно не только само по себѣ, но и для общей психологіи, потому что законы, найденные въ каждой изъ этихъ областей, важны не только въ томъ отношеніи, что мы узнаемъ, какъ шло развитіе моральнаго чувства въ человѣчествѣ, но мы въ этомъ находимъ матеріаль для выясненія развитія общихъ законовъ психической жизни. Этотъ видъ психологическаго изслѣдованія уже принесъ свои плоды. Между тѣмъ, когда рѣчь идетъ о содержаніи и задачахъ современной психологіи, то этотъ видъ изслѣдованія какъ бы отодвигается на задній планъ по сравненію съ экспериментальной психологіей, что нужно считать несправедливымъ, потому что по плодотворности результатовъ генетическая психологія стоитъ не ниже экспериментальной.

Сторонники исключительно экспериментальной психологіи должны, конечно, отрицать все то, что было въ прежней психологіи, другими словами, все то, что не имѣетъ экспериментальнаго характера, и прежде всего должны отрицать значеніе всѣхъ тѣхъ психологическихъ *теорій*, которыя возникаютъ независимо отъ эксперимента. Всѣ такія теоріи принято осуждать, какъ философскія или даже какъ метафизическія. Мнѣ кажется, что пренебрежительное отношеніе именно къ этимъ теоріямъ является серьезнымъ

препятствіемъ для развитія психологіи. Я не стану разсматривать, откуда берутся эти теоріи. Это завело бы насъ слишкомъ далеко. Замѣчу только, что я говорю о тѣхъ теоріяхъ, которыя *не получены экспериментальнымъ путемъ*. Теоріи, какъ извѣстно, противопоставляются фактамъ и эти послѣдніе въ глазахъ многихъ имѣютъ большее научное значеніе, чѣмъ какіе бы то ни было теоріи. Но важное значеніе теорій должно быть тотчасъ признано, какъ только мы примемъ во вниманіе, что всякая наука состоитъ не только изъ фактовъ, но равнымъ образомъ и изъ теорій, которыя созидаются часто независимо отъ фактовъ. Онѣ часто представляютъ собою такъ наз. гипотезы, предположенія. Это предположенія, которыя не покрываются извѣстными намъ фактами, которыя именно потому и создаются, что для нихъ нѣтъ соотвѣтствующихъ фактовъ. Но теоріи эти таковы, что изъ нихъ часто могутъ быть сдѣланы весьма важные выводы. Такъ обстоитъ дѣло во всѣхъ наукахъ, такъ обстоитъ дѣло и въ психологіи. Эту часть психологіи я называлъ бы *теоретической* психологіей или еще правильнѣе *дедуктивной* психологіей. Всѣ вопросы, касающіеся общихъ свойствъ сознанія: вниманія, апперцепціи, воли и т. п., опредѣленій сознательнаго и безсознательнаго и т. п. рѣшаются въ области именно теоретической психологіи.

Но какъ слѣдуетъ отнестись къ этой части психологіи, слѣдуетъ ли ее сохранить, или, какъ не добытую экспериментальнымъ путемъ, слѣдовательно, какъ мало точную, отбросить. Я думаю, что эту часть психологіи не только нельзя отбрасывать, какъ отжившую, какъ устарѣлую, а напротивъ, это есть *та часть психологіи, безъ которой не могутъ существовать никакія вообще психологическія изслѣдованія, въ томъ числѣ и экспериментальныя*.

Самыя простыя соображенія методологическаго характера могутъ намъ показать, что постановкѣ всякаго эксперимента всегда предшествуетъ постановка проблемы, теоріи. Если бы у насъ предварительно не существовали какія-либо теоріи, то у насъ не могло бы быть основаній про-

известнн этотъ, а не другой какой-либо экспериментъ. Поэтому безъ теоретической части психологіи такъ называемая экспериментальная психологія превратилась бы въ бессмысленное собираніе фактовъ, ни для чего ненужныхъ. Вѣдь факты собираются для того, чтобы подтвердить или опровергнуть какую-либо теорію. Теоріи же создаются далеко не всегда изъ обобщенія фактовъ, а весьма часто путемъ *дедуктивннмъ*.

Итакъ, въ психологіи теоретическая или дедуктивная часть является чрезвычайно важной: *безъ нея невозможна экспериментальная психологія*. Конечно, это утвержденіе очень многимъ покажется совершенно неожиданнымъ. Многимъ можетъ показаться, что это утвержденіе имѣетъ въ свою очередь только теоретическій характеръ и въ качествѣ такового неубѣдительно. Но стоитъ обратиться къ современному состоянію научной психологіи въ Германіи въ связи съ развитіемъ экспериментальной психологіи для того, чтобы убѣдиться въ справедливости защищаемого мною положенія.

Состояніе психологіи въ Германіи самымъ явственнымъ образомъ показываетъ, что въ *психологіи теоретическая часть имѣетъ огромное значеніе*. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите въ руки „Очерки психологіи“ Вундта, одного изъ самыхъ видныхъ представителей современной экспериментальной психологіи, и рассмотрите, что представляютъ его разсужденія относительно апперцепціи, ассоціаціи, актуальности и т. п. Есть ли это продуктъ экспериментальнаго изслѣдованія или просто теоріи? Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что просто теоріи. Если Вундтъ, всю свою жизнь посвятившій созиданію экспериментальной психологіи, не отвергаетъ теорій, то я думаю, что мы можемъ пойти по его слѣдамъ. Рассмотрите „*Toppsychologie*“ Штумпфа и вы увидите, что наряду съ экспериментами идутъ очень тонкія разсужденія теоретическаго характера. Въ настоящее время въ Германіи тѣ ученые, которые занимаются экспериментально-психологическими изслѣдованіями, считаются

съ существующими спорными теоріями. Въ числѣ чистыхъ теоретиковъ въ Германіи я могъ бы назвать въ послѣднее время Гуссерля и Липпса. Тѣмъ не менѣе ихъ взгляды и теоріи не оставляются безъ вниманія экспериментаторами: экспериментальныя изслѣдованія послѣдняго времени весьма часто приводятся въ связь съ ихъ теоріями: ихъ теоріи являются поводомъ для экспериментальнаго изслѣдованія. Напримѣръ, въ школѣ Кюльпе въ Вюрцбургѣ. Виртъ, помощникъ Вундта въ завѣдываніи Лейпцигскимъ институтомъ экспериментальной психологии, выпуская свою книгу „О явленіяхъ сознанія“, представляющую сплошь продуктъ экспериментальныхъ изслѣдованій, признается, какъ многимъ онъ обязанъ взглядамъ Липпса ¹⁾ А что представляютъ собою выдающіяся теченія въ современной нѣмецкой психологіи—appercepціонная психологія, такъ удачно вытѣсняющая ассоціативную психологію и такъ называемая „функциональная“ психологія, выводы которой имѣютъ такую важность не только для психологии, но и для физиологіи—именно для теоріи мозговой локализациі; представляютъ ли они собою продуктъ теоріи или продуктъ экспериментальнаго изслѣдованія? Мнѣ кажется, на этотъ вопросъ можно отвѣтить безъ всякихъ колебаній, что они представляютъ продуктъ теоріи.

Да и самое устройство и веденіе психологическихъ институтовъ въ Германіи показываетъ, какъ тамъ смотрятъ на связь теоретической психологіи съ психологіей экспериментальной. Работы психологическихъ институтовъ приводятся въ связь съ работами философскихъ семинарій. Это знакъ того, какую важность придаютъ тамъ руководители институтовъ философскому образованію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и теоретической психологіи. Укажу, напримѣръ, на институтъ Мейнонга въ Грацѣ, Марбе во Франкфуртѣ, Кюльпе въ Вюрцбургѣ. Результаты такой совмѣстной работы сказываются въ томъ, что изслѣдованія молодыхъ психологовъ

¹⁾ См. его Die experimentelle Analyse der Bewusstseinsphenomene 1908. Vorwort стр. VII.

по экспериментальной психологiи въ Германiи обнаруживаютъ солидное теоретическое образованiе.

Есть въ настоящее время направленiе психологiи, которое называется *описательнымъ* или *феноменологическимъ*. Его отличительной чертой является то, что оно ставитъ своей цѣлью описанiе тѣхъ или иныхъ психическихъ процессовъ. Такова, на примѣръ, психологiя Липпса, Гуссерля, Мейнонга. Ихъ описанiя не представляютъ экспериментальнаго изслѣдованiя, а изслѣдованiе при помощи самонаблюденiя. Здѣсь изслѣдуются вопросы о психологической природѣ понятiй, процесса абстракцiи, сужденiя, неконкретнаго мышленiя и т. п. Это все такiе вопросы, относительно которыхъ даже съ трудомъ можно утверждать, что они могутъ изслѣдываться экспериментальнымъ путемъ. Въ послѣднее время эти вопросы изслѣдуются экспериментально въ психологическомъ институтѣ вюрцбургскаго профессора Кюльпе. Теорiи указанныхъ писателей частью подтвердились. Этотъ примѣръ очень ясно показываетъ, что теорiи были предложены раньше, чѣмъ приступили къ экспериментальному изслѣдованiю, которое въ значительной мѣрѣ подтвердило ихъ.

Многимъ кажется, что *постановка экспериментовъ происходитъ независимо отъ теорiй*. Блестящимъ опроверженiемъ этого является настоящiй основатель экспериментальной психологiи—Фехнеръ. Какъ извѣстно, онъ впервые блистательно приложилъ числовыя данныя къ анализу душевныхъ явленiй, первый выработалъ методы экспериментальнаго изслѣдованiя. Спрашивается, чѣмъ же онъ руководился при своемъ изслѣдованiи? Многие думаютъ, что онъ, физикъ, просто задался цѣлью перенести на изслѣдованiе душевныхъ явленiй тѣ методы, которыми онъ пользовался при изслѣдованiяхъ физическихъ. Можно утверждать, что въ дѣйствительности было не такъ. Онъ пришелъ къ открытiю экспериментальныхъ методовъ, руководимый теоретическимъ интересомъ. Онъ хотѣлъ именно опредѣлить взаимоотношенiе между душой и тѣломъ. Въ поискахъ за рѣшенiемъ этого вопроса

онъ и пришелъ къ примѣненію экспериментальныхъ методовъ изслѣдованія психическихъ явленій.

Замѣтимъ дальше, что если употреблять строго научную терминологию, то нужно будетъ признать, что собственно экспериментальной *психологій* не существуетъ, есть только экспериментальные *методы* изслѣдованія. Экспериментальная психологія была бы особой психологіей только въ томъ случаѣ, если бы она имѣла свое особое *содержаніе*; на самомъ же дѣлѣ она своего содержанія не имѣетъ. Она изслѣдуетъ тѣ самые вопросы, которые рѣшала и прежняя психологія безъ помощи эксперимента, но при помощи простого наблюденія. Здѣсь разница только въ *методахъ*, но не въ *содержаніи*. Вслѣдствіе этого никакъ нельзя сказать, что есть особая экспериментальная психологія. Въ настоящее время все содержаніе ея входитъ въ составъ психологіи просто. Въ самомъ дѣлѣ, почему какое-либо положеніе, которое доказано экспериментально, напримѣръ, относительно ассоціи, вниманія и т. п., должно входить въ составъ именно экспериментальной психологіи, а не психологіи просто. Въдѣ и въ прежней психологіи трактуется объ ассоціи, о вниманіи съ той самой точки зрѣнія, которая можетъ интересовать психолога-экспериментатора.

Положеніе экспериментальной психологіи таково, что, хотя она прибавила нѣчто *новое, нѣкоторое безспорное усовершенствованіе*, но она *ничего изъ прежней психологіи не отвергла*. Она ничего не исключаетъ изъ того, что было въ прежней психологіи, и потому тѣ, которые говорятъ, что теперь есть только экспериментальная психологія или, по крайней мѣрѣ, должна существовать только экспериментальная психологія, потому что она болѣе совершенная, уподобляются тому человѣку, который сказалъ бы, что онъ въ настоящее время совсѣмъ не хочетъ пользоваться способомъ передвиженія при помощи хожденія, потому что существуетъ способъ усовершенствованнаго передвиженія при помощи воздухоплаванія. Вѣрно то, что передвиженіе при помощи аэроплановъ представляетъ болѣе усовершенствованный спо-

собъ передвиженія, но вѣдь онъ совершенно не устраняетъ способа передвиженія при помощи хожденія. По самой своей природѣ человѣкъ навѣрное никогда не будетъ въ состояніи отказаться отъ хожденія. При чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ передвиженіе при помощи аэроплановъ является совершенно непримѣнимымъ въ то время, какъ хожденіе вполнѣ примѣнимо. Совершенно такимъ же образомъ обстоитъ и въ психологіи: въ ней есть проблемы, по отношенію къ которымъ экспериментъ совершенно не примѣняется.

Итакъ, экспериментальный способъ изслѣдованія ничего не отвергаетъ изъ прежней психологіи; онъ только самъ прибавляетъ нѣчто *новое*, болѣе *совершенное*, но вѣдь *прибавленіе* чего-либо *новаго* *вовсе* не предполагаетъ, что *все* *прежнее* *устраняется*. Если кто въ этомъ согласенъ со мной, то онъ согласится также и въ томъ, что противопоставленіе экспериментальной психологіи прежней психологіи, будто бы метафизической, ни на чемъ не основано.

Надо покончить съ противопоставленіемъ психологіи экспериментальной психологіи теоретической. Многимъ кажется, что если признать законность экспериментальной психологіи, то это значитъ отрицать теоретическую и, наоборотъ, если кто-либо настаиваетъ на важности теоретической, то это значитъ, что онъ отрицаетъ экспериментъ. Самое правильное признать, что одно не исключаетъ другого. Если кромѣ того признать, что психологическія теоріи не только не являются лишними, а напротивъ, необходимы, ибо безъ теоретической психологіи невозможна экспериментальная психологія, то сдѣлается яснымъ, что нѣтъ двухъ психологій, есть только одна психологія, въ составъ которой входятъ вопросы, изслѣдуемые при помощи экспериментальныхъ методовъ.

Для того, чтобы видѣть, что предлагаемая мною поправка въ общепринятой формулѣ имѣетъ *практическое* значеніе, я постараюсь сдѣлать изъ нея выводы именно примѣнительно къ учебному дѣлу.

Прежде всего съ этой точки зрѣнія совершенно ясно, какъ мы должны оцѣнивать значеніе *экспериментальной психологии*. Какъ извѣстно, еще недавно многіе очень скептически относились къ экспериментальной психологии, но успѣхи ея за послѣднюю четверть столѣтія показали огромную плодотворность употребляемыхъ ею методовъ изслѣдованія. Рѣшены многія проблемы, которыя прежде совсѣмъ не поддавались рѣшенію. Тѣ факты, которые обнаружались благодаря экспериментальнымъ методамъ изслѣдованія, выдвинули новыя проблемы. Къ изслѣдованію многихъ проблемъ примѣнены экспериментальные методы изслѣдованія, которые, хотя не дали еще прочныхъ результатовъ, но тѣмъ не менѣе общають въ будущемъ быть очень плодотворными. Сфера приложенія экспериментальныхъ методовъ все больше и больше расширяется, такъ что со временемъ, можно надѣяться, очень многія проблемы, которыя въ настоящее время не поддаются рѣшенію, будутъ разрѣшены. Въ настоящее время такъ много психологическихъ проблемъ изучается при помощи экспериментальныхъ методовъ изслѣдованія, что разработка многихъ отдѣловъ психологии невозможна безъ примѣненія экспериментальныхъ методовъ.

Такое значеніе экспериментальной психологии обяываетъ стремиться къ тому, чтобы у насъ въ Россіи изученіе экспериментальныхъ методовъ и примѣненіе ихъ распространялось все больше и больше. Желательно, чтобы во всѣхъ русскихъ университетахъ и во всѣхъ тѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ для этого имѣются подходящіе руководители, были учреждены институты экспериментальной психологии. Очень желательно также, чтобы въ ближайшее время всѣ кафедры психологии у насъ въ Россіи были заняты преподавателями, знакомыми съ экспериментально-психологической техникой. Но съ другой стороны я думаю, что въ настоящее время *интересъ къ экспериментальной психологии совершенно напрасно заслоняетъ собою всѣ другіе виды изслѣдованія*. По моему мнѣнію, другія отрасли психологии, напримѣръ,

генетическая психологія, должны составлять предметъ такой же заботливости, какъ и развитіе экспериментальной психологіи. Въ особенности я позволю себѣ обратить вниманіе на теоретическую психологію, безъ которой экспериментальная психологія можетъ выродиться въ просто ремесленную технику. Будутъ производить эксперименты по какому-нибудь принятому шаблону, подобно тому, какъ этимъ вообще можетъ заниматься ремесленникъ. Вѣдь простой работникъ знаетъ, какъ что-либо дѣлается, но не знаетъ, почему такъ дѣлается. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли производить какіе-либо эксперименты, напримѣръ, относительно ассоціацій, если у насъ нѣтъ какой-либо собственной классификаціи ассоціацій? Можно ли произвести какіе-либо эксперименты относительно вниманія, если у насъ нѣтъ какой-либо предварительно построенной теоріи вниманія?

Мнѣ кажется, поэтому, что теоретическую психологію нужно поставить на должное мѣсто. При постановкѣ преподаванія психологіи въ высшей школѣ слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы теоретическое образованіе *предшествовало* изученію и примѣненію экспериментальныхъ методовъ изслѣдованія, потому что, какъ я только что указалъ, безъ основательной теоретической подготовки нельзя производить какихъ бы то ни было экспериментовъ. Если такъ называемая экспериментальная психологія составляетъ только часть психологіи просто, то не слѣдуетъ стремиться къ изученію ея одной, а слѣдуетъ изучать психологію вообще. Если изученіе теоретической психологіи представляется такимъ важнымъ, то ясно, что не слѣдуетъ предъявлять требованія, чтобы, напримѣръ, въ средней школѣ изучалась только экспериментальная психологія, потому что ограничивая даже изученіе психологіи той частью, гдѣ не примѣняются экспериментальные методы изслѣдованія, мы будемъ имѣть вполне достаточно важнаго матеріала для изученія.

Таковы выводы по отношенію къ научной разработкѣ психологіи и къ постановкѣ ея въ высшей и средней школѣ.

Но этимъ не исчерпываются тѣ практическіе выводы, которые можно сдѣлать изъ указаннаго мною положенія. Если признать неразрывную связь экспериментальной психологійи съ теоретической, то сдѣлается яснымъ, что нельзя заводить лабораторій тамъ, гдѣ нѣтъ опытныхъ руководителей, потому что, не говоря уже о сложности самихъ психологическихъ экспериментовъ, отсутствіе достаточной теоретической подготовки сдѣлаетъ работу бесплодной ¹⁾.

1) Я говорю о лабораторіяхъ для самостоятельныхъ изслѣдованій, а не о Психологическихъ кабинетахъ, представляющихъ коллекцію приборовъ для демонстрацій. Цѣлесообразность этихъ послѣднихъ я вполне признаю и даже самъ въ настоящее время занятъ составленіемъ такой коллекціи для гимназій, но я рѣшительно протестую противъ предоставленія людямъ недостаточно подготовленнымъ психологическимъ лабораторій для самостоятельныхъ изслѣдованій.

Въ подтвержденіе своевременности поднятаго мною вопроса могу сослаться на то, что на Международномъ Психологическомъ Конгрессѣ, происходившемъ въ Женевѣ, въ юлѣ текущаго года, по поводу экспериментальной психологійи высказывались тѣ же взгляды, которые защищаю и я (см. отчетъ о конгрессѣ въ настоящемъ №). Могу сослаться также на то, что послѣ прочтенія моего доклада появилась статья Вундта „О чистой и прикладной психологійи“ (Psychologische Studien V. Band, I. und 2. Heft. 1909), въ которой онъ совершенно такимъ же образомъ оцѣниваетъ значеніе современной экспериментальной дидактики и отношеніе теоретической психологійи къ прикладной, какъ это дѣлаю и я. Вотъ, напр., что онъ говоритъ о практическомъ значеніи экспериментальной дидактики: „Каждый опытный педагогъ согласится съ тѣмъ, что для общихъ задачъ воспитанія и обученія *всестороннее психологическое образование* несравненно плодотворнѣе, чѣмъ собраніе отдѣльныхъ техническихъ опытовъ на основаніи собственныхъ или чужихъ экспериментовъ“. Статья его, вызванная, повидимому, желаніемъ высказаться по поводу того направленія, которое защищается въ „Экспериментальной дидактикѣ“ проф. Меймана, заканчивается слѣд. резюме: „Послѣднее стремленіе къ практическому примѣненію приводитъ къ такимъ понятіямъ, въ которыхъ повторяется точка зрѣнія психологійи способностей. Шаблонное примѣненіе понятій способностей заставляетъ отступать на задній планъ описаніе и экспериментальный анализъ психическихъ процессовъ... Гдѣ современная психологійа изъ чрезчуръ ревностнаго стремленія служить практикѣ превращается въ технику заучиванія наизусть (eine rückständige Memoriertechnik), въ ученіе объ образованіи характера, тамъ на эти практическіе слѣдствія можно смотрѣть какъ на вѣрный знакъ того, что они и въ теоріи находятся на ложномъ пути. Если такой изслѣдователь, какъ Мейманъ, который въ своихъ прежнихъ работахъ представилъ блестящіе образцы своей способности анализа психологическихъ проблемъ, вслѣдствіе слишкомъ продолжительнаго

Нельзя, далѣе, поручать собраніе психологическаго матеріала лицамъ неопытнымъ, потому что это легко можетъ привести къ собранію никому ненужнаго матеріала и къ напрасной потерѣ времени. Такого рода собраніе матеріала должно быть предоставлено только лицамъ съ серьезной научно-психологической подготовкой ¹⁾.

Если кто-нибудь подумалъ, что я сколько-нибудь хотѣлъ умалить значеніе экспериментальной психологіи, тотъ со-

или даже исключительнаго занятія методами обученія и подобными практическими вопросами, попалъ на такой сомнительный путь (auf solche bedenkliche Wege gerathen ist), то что же въ такомъ случаѣ ожидать отъ экспериментальныхъ педагоговъ, которые безъ такой подготовки (Vorbereitung) ...хотятъ сформировать воспитаніе и обученіе? Имъ нужно только посоветовать, чтобы они сдѣлались прежде всего всесторонне образованными, а не односторонне ориентированными психологами и затѣмъ приступать къ вопросу, какъ слѣдуетъ ставить новыя задачи въ педагогикѣ.“ Последнія слова Вундта какъ будто бы обращаетъ къ русскимъ экспериментальнымъ педагогамъ.

Приводя послѣднія слова Вундта, я позволилъ бы себѣ выразить надежду, что, можетъ быть, они окажутся достаточнымъ предостереженіемъ для руководителей С.-Петербургской Психологической Лабораторіи въ ихъ чрезвычайномъ стремленіи распространять лабораторіи по экспериментальной дидактикѣ среди русскихъ педагоговъ. Если моимъ предостереженіямъ они не придавали никакой цѣны, то авторитетъ Вундта въ ихъ глазахъ долженъ имѣть безспорное значеніе. Вѣдь не даромъ же они прилагаютъ усилія къ тому, чтобы сочиненіе Вундта „Физиологическая психологія“ сдѣлалось доступнымъ для русскаго читателя.

Въ качествѣ образчика того, какъ въ Германіи смотрятъ на психологическія лабораторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, я приведу выдержку изъ только что вышедшаго номера Zeitschrift für angewandte Psychologie (1909. Н. 1. und 2, стр. 115), журнала, посвященнаго прикладной психологіи: „Устройство маленькихъ психологическихъ лабораторій въ разныхъ учительскихъ семинаріяхъ, гдѣ отсутствуетъ надзоръ спеціалиста (wo die fachliche Aufsicht fehlt) и гдѣ кажущаяся точность аппаратовъ и кри-выхъ можетъ сдѣлаться предметомъ злоупотребленія, было бы настоящимъ несчастіемъ“ (geradezu ein Unglück). Очевидно, въ Германіи ясно сознается опасность такихъ лабораторій, распространеніе которыхъ Петербургская лабораторія ставитъ себѣ въ заслугу.

¹⁾ При чтеніи доклада я назвалъ такого рода матеріалъ „экспериментальнымъ хламомъ“ и думаю, что это названіе совершенно справедливо. Если экспериментально-психологическими изслѣдованіями занимаются для упрямленія, то это можно вполне одобрить, но если неопытные люди думаютъ, что собранный ими матеріалъ можетъ имѣть научное значеніе, то они занимаются собраніемъ „экспериментальнаго хлама“.

вершено неправильно меня понимая. Ничего подобного у меня в намерениях не было; я думалъ только о томъ, чтобы удержать ее отъ вырожденія, чтобы она не сдѣлалась псевдонаукой. Предлагая приводить изученіе экспериментальной психологіи въ связь съ теоретической, я исхожу изъ убѣжденія, что такимъ образомъ можно *углубить* экспериментальныя изслѣдованія и сдѣлать ихъ болѣе серьезными. Я думаю не объ устраненіи экспериментальной психологіи, а *объ основательности ея разработки*. Я не думаю утверждать, что цѣнность экспериментальной психологіи ниже цѣнности теоретической; я хочу только предостеречь отъ опасныхъ послѣдствій пренебреженія теоретической психологіей. Я боюсь того плодящагося *дилеттантизма* въ психологіи, когда очень многіе думаютъ, что въ психологіи можно производить изслѣдованія или собирать факты съ такой же легкостью, съ какой дѣти собираютъ гербарій или коллекцію насѣкомыхъ ¹⁾. Собранная коллекція насѣко-

¹⁾ Эти слова мои подтвердились полностью. Во время преній выяснилось, что нѣкоторые преподаватели психологіи, устроившіе у себя психологическія лабораторіи, занялись изслѣдованіемъ умственныхъ способностей учащихся при помощи тѣхъ психологическихъ приборовъ, которые у нихъ имѣлись въ распоряженіи (измѣреніемъ времени реакціи, изслѣдованіями при помощи тахистоскопа и т. п.). Они ставили, какъ они сами выражались, „диагнозы“. По ихъ словамъ, эти диагнозы принимались въ соображеніе Педагогическими совѣтами. Они даже утверждали, что ихъ диагнозы всегда оказывались безошибочными. Такое поспѣшное практическое примѣненіе психологическихъ измѣреній показываетъ, что они слишкомъ недостаточно *теоретически* подготовлены для самостоятельныхъ изслѣдованій. По этой причинѣ они и думаютъ, что какіе-либо данныя, полученные на тахистоскопѣ, могутъ являться указателемъ вообще умственныхъ способностей учащихся. Смѣю увѣрить такихъ экспериментаторовъ, что въ современной экспериментальной психологіи нѣтъ такихъ методовъ изслѣдованія, при помощи которыхъ можно было бы устанавливать „диагнозы“, пригодные для руководства Педагогическаго совѣта. Преподаватели, которые предлагаютъ свои экспериментальныя изслѣдованія Педагогическимъ совѣтамъ для руководства, заблуждаются и невольно вводятъ въ заблужденіе и другихъ. Я убѣжденъ, что при болѣе глубокомъ теоретическомъ знакомствѣ съ психологіей они были бы въ состояніи разобраться въ ошибочности своихъ примѣненій. Очевидно, руководителя Петербургской психологической лабораторіи, снабжая ихъ психологическими приборами, не снабдили указаніемъ, что ихъ изслѣдованія не могутъ носить такого характера, чтобы Педагогическіе совѣты могли ими руководствоваться.

ныхъ или растений все же можетъ быть полезна, а собранные любителемъ психологическіе факты никому кромѣ самого собирателя не нужны. Ни одинъ психологъ не пожелаетъ ими воспользоваться, потому что всегда у него можетъ быть подозрѣніе относительно того, правильно ли фактъ описанъ. Натуралистъ можетъ воспользоваться коллекціей гимназиста для того, чтобы сдѣлать свои выводы относительно фауны или флоры той или другой мѣстности, а ученый едва ли рѣшится воспользоваться психологическими фактами, описанными лицами завѣдомо лишенными теоретической подготовки.

Я бы даже думалъ, что коллекціонерство можетъ быть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вреднымъ, потому что оно способно порождать дилеттантизмъ. Сколько, напримѣръ, въ послѣднее время развелось всевозможныхъ *анкетъ* для разрѣшенія психологическихъ вопросовъ. Но вѣдь для того, чтобы произвести анкету, необходима теоретическая подготовка: надо умѣть и вопросъ поставить, и умѣть истолковать психологически полученные результаты.

Если мы примемъ, что экспериментальная психологія только часть психологіи, то изъ этого положенія можно сдѣлать слѣдующій практическій выводъ. Если кто-нибудь почему-либо не можетъ заниматься изслѣдованіемъ душевной жизни при помощи экспериментовъ, то это не значитъ, что для него вообще закрытъ доступъ для изученія и даже для самостоятельной разработки психологіи. Есть еще огромныя области психологіи теоретической и психологіи генетической, которыя *могутъ доставить необычайно богатый матеріалъ для самостоятельнаго изслѣдованія* ¹⁾.

¹⁾ Эти слова были мною произнесены, и вслѣдствіе этого для меня совсѣмъ непонятно, какъ могъ предсѣдатель сѣзда, академикъ В. М. Бехтеревъ, въ своемъ заключительномъ словѣ, очевидно, по моему адресу выразить „пожеланіе, чтобы наука не загонялась искусственно въ привилегированныя палаты университетовъ, а пошла бы по широкому и открытому пути практическаго примѣненія къ жизни“ (см. газету „Рѣчь“ № 152). Изъ сказаннаго мною совершенно очевидно, что я не требую того, чтобы „наука искусственно загонялась въ привилегированныя палаты университетовъ“. Но я думаю, что

Такимъ образомъ ясно, что предметомъ нашихъ заботъ должна быть не только экспериментальная психологія, но и другія отрасли психологіи, и въ особенности ея теоретическая часть.

Резюмируя свой докладъ, я бы сказалъ, что съ моей точки зрѣнія весьма желательно, чтобы положень былъ конецъ противопоставленію психологіи экспериментальной—психологіи просто. Мнѣ кажется, что только при признаніи, что психологія едина, что экспериментальная психологія есть только составная часть психологіи просто, создадутся условія, обеспечивающія правильное развитіе психологіи; тогда, можно надѣяться, и развитіе психологіи пойдетъ по правильному пути и психологическія знанія потекутъ по правильному руслу ¹⁾.

Г. Челпановъ.

долгъ университетскихъ преподавателей быть на стражѣ научности; если наука перестаетъ быть наукой, если она извращается, мы обязаны на это указывать. Если она по состоянію своего развитія не можетъ быть разрабатываема внѣ университета или вообще высшаго учебнаго заведенія, то она не должна выходить за предѣлы высшихъ учебныхъ заведеній. Я именно это утверждаю относительно экспериментальной психологіи. Методы ея еще слишкомъ несовершенны, чтобы они могли имѣть практическое примѣненіе, но на ряду съ этимъ я думаю, что всякій интересующійся психологіей можетъ самостоятельно разрабатывать психологію. Такъ какъ слова, приведенныя мною въ текстѣ, были дѣйствительно сказаны на сѣздѣ, то я рѣшительно протестую противъ словъ предсѣдателя. Между обереганіемъ науки отъ профанации и искусственнымъ запираніемъ ея въ стѣнахъ университетовъ есть огромное различіе.

¹⁾ Я позволю себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе по поводу заключительныхъ словъ предсѣдателя сѣзда, академика В. М. Бехтерева. „Въ своемъ заключительномъ словѣ акад. Бехтеревъ, по словамъ газеты „Рѣчь“ № 152, подчеркнул, что въ великомъ спорѣ между теоретиками и экспериментаторами не оказалось ни побѣжденныхъ, ни побѣдителей“. Такъ какъ противъ сторонниковъ исключительно экспериментальной психологіи выступалъ я съ цѣлью убѣдить или привлечь на свою сторону, то, очевидно, что сказать, что въ этомъ вопросѣ не было ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, значитъ сказать, что докладъ мой не имѣлъ никакого значенія. Я думаю, что предсѣдателю сѣзда не принадлежитъ привилегія производить оцѣнки докладовъ тѣмъ болѣе, что онъ самъ былъ въ числѣ моихъ оппонентовъ. Если предсѣдатель, принимавшій участіе въ преніяхъ, объявляетъ, что противникъ не былъ въ состояніи побѣдить его, то вѣдь это равносильно провозглашенію себя непобѣдимымъ! Я думаю далѣе, что у предсѣдателя не было никакихъ данныхъ для оцѣнки результатовъ сѣзда. У него нѣтъ никакихъ основаній

для утверждёнїя, что на съѣздѣ не было *никогда согласныхъ со мною*, а разъ у него такихъ основаній нѣтъ, то онъ и не можетъ утверждать, пользуясь образомъ сраженія, что не было ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ. Съ своей стороны могу привести безспорныя доказательства того, что на съѣздѣ были лица, согласныя со мною. Послѣ съѣзда мною было получено отъ участниковъ съѣзда письмо, покрытое 70 подписями, въ которомъ они выражаютъ солидарность съ высказанными мною взглядами.

Наконецъ, мнѣ кажется, что предсѣдатель съѣзда при оцѣнкѣ результатовъ преній пользовался неправильнымъ „методомъ“. О результатѣ преній нужно судить не по тому, что было въ залѣ съѣзда, а по тому, что будетъ *послѣ* съѣзда, когда о содержаніи преній узнаютъ лица заинтересованныя. Предметомъ спора былъ не столько вопросъ объ отношеніи между теоріей и экспериментомъ, сколько о выводахъ изъ этого положенія, именно, *могутъ ли преподаватели гимназій заводить психологическія лабораторіи для самостоятельныхъ изслѣдованій умственныхъ способностей*. Я на этотъ вопросъ отвѣчаю отрицательно. Руководители Петербургской психологической лабораторіи на этотъ вопросъ *не дали никакого отвѣта*. А. П. Нечаевъ могъ прямо сказать: „я думаю, что въ психологіи, дѣйствительно, есть методы для распознаванія умственныхъ способностей учащихся; эти методы изслѣдованія доступны для преподавателей гимназій. Преподаватели гимназій поступаютъ вполне хорошо, заводя у себя лабораторіи для такихъ изслѣдованій“. Однако, ничего подобнаго А. П. Нечаевъ не сказалъ.

А если кто-либо изъ преподавателей гимназій, который уже завелъ у себя лабораторію, вслѣдствіе того, что не нашелъ поддержки въ лицѣ А. П. Нечаева, станетъ *сомнѣваться* въ своемъ правѣ ставить „діагнозы“? Это я склоненъ считать побѣдой тѣхъ, кто выступалъ въ защиту теоретической психологіи.

Увѣренъ ли предсѣдатель съѣзда въ томъ, что тѣ, которые до сихъ поръ относились *скептически* къ устройству психологическихъ лабораторій для изслѣдованія умственныхъ способностей учащихся, послѣ преній на съѣздѣ не станутъ относиться *совсѣмъ отрицательно* къ такимъ лабораторіямъ?

Будутъ ли педагогическіе совѣты съ такимъ же вниманіемъ относиться къ психологическимъ діагнозамъ, какъ это иногда они дѣлали до сихъ поръ. Нельзя ли думать, что гг. преподаватели, переставши соблазняться ролью „діагностовъ“, перестанутъ заводить у себя и лабораторіи? Все это покажетъ ближайшее будущее. Вотъ здѣсь слѣдуетъ, по моему мнѣнію, искать „побѣдителей и побѣжденныхъ“, а не въ залѣ съѣзда.

Ближайшія задачи экспериментальной педагогики *).

Во время сегодняшняго собранія довольно много говорилось о такъ называемомъ педологическомъ движеніи, о той, по преимуществу экстенсивной работѣ, которая направлена на изученіе дѣтской природы—во всемъ ея объемѣ. Извѣстно то опредѣленіе основной задачи педологіи, которое мы находимъ ясно выраженнымъ уже 13 лѣтъ тому назадъ у одного изъ пионеровъ этой науки—Крисмана, поскольку эта задача усматривается, говоря словами Крисмана, въ томъ, чтобы собрать все, что касается существа и развитія дитяти, и разъ собранъ этотъ матеріалъ, педологія должна свести его въ одно систематическое цѣлое. Единственною цѣлью педологіи должно быть всестороннее естественно-научное изученіе дитяти, ведущее къ полному пониманію его природы. Педологія должна предпринять изслѣдованія въ области дѣтской жизни, чтобы на установленныхъ такимъ образомъ фактахъ могли быть построены общія основы воспитанія. Она должна все свое вниманіе сконцентрировать, какъ въ фокусѣ, на дитяти, чтобы всѣ силы, всѣ приспособленія, всѣ изысканія сосредоточивались около этого центра, способствуя тѣмъ самымъ болѣе основательному исполненію поставленной задачи. Такимъ образомъ, задача педологіи—изученіе дитяти во всемъ объемѣ его

¹⁾ Докладъ, прочитанный на Второмъ Съѣздѣ Педагогической Психологіи въ С.-Петербургѣ 1-го іюня 1909 года.

существа, при чемъ педологія, по мнѣнію представителя этой молодой дисциплины, не составляетъ части какой-либо другой науки,—она стоитъ отдѣльно, на самостоятельномъ, именно ей присущемъ мѣстѣ ¹⁾. Уже какъ особая отрасль этой науки или, вѣрнѣе, какъ особая дисциплина, возникшая на почвѣ педологіи, является экспериментальная педагогика, которая главнымъ орудіемъ изслѣдованія считаетъ не наблюденіе въ широкомъ смыслѣ, а экспериментъ, при чемъ она ставитъ (или, по крайней мѣрѣ, должна ставить) и опредѣленные педагогическія цѣли (мы знаемъ, что матеріаль, собранный педологіей, можетъ быть использованъ самыми разнообразными дисциплинами теоретическаго характера—и общей физиологіей, и общей психологіей, и зоопсихологіей, и антропологіей и т. п.). Намъ извѣстенъ и тотъ количественный успѣхъ, который связанъ съ педологическимъ движеніемъ. Тотъ же Крисманъ еще въ 1896 году указывалъ на массу матеріала, собраннаго въ Америкѣ, главнымъ образомъ, при помощи метода опросовъ. Теперь этотъ матеріаль возросъ до размѣровъ еще болѣе внушительныхъ. За послѣднее десятилѣтіе и въ Западной Европѣ мы видимъ сильно выраженный интересъ къ педологическимъ изслѣдованіямъ, при чемъ здѣсь педагогическіе вопросы чаще, чѣмъ въ Америкѣ, выставляются на первый планъ при изученіи природы дитяти. Здѣсь именно экспериментальная педагогика выдѣляется изъ педологіи и пытается занять относительно самостоятельное мѣсто. И здѣсь мы встрѣчаемъ значительное количество работъ, посвященныхъ изученію самыхъ разнообразныхъ проявленій дѣтской жизни, и видимъ уже попытки подвести итоги тѣмъ изслѣдованіямъ, какъ это, на примѣръ, дѣлаетъ Э. Мейманъ въ своихъ „Лекціяхъ по экспериментальной педагогикѣ“. Уже около 10 лѣтъ тому назадъ это педологическое движеніе нашло свой отзвукъ и у насъ, и еще въ 1901 году явилась работа А. П. Нечаева, посвященная попыткѣ использовать данныя эксперименталь-

1) O. Christmann. Paidologie. Iena, 1896, S. 5—6.

ной психологіи въ дидактическихъ цѣляхъ ¹⁾. За послѣдніе годы вышелъ еще цѣлый рядъ изслѣдованій, принадлежащихъ лицамъ, группирующимся вокругъ петербургской лабораторіи экспериментальной педагогической психологіи. Работы эти частью напечатаны въ „Книжкахъ педагогической психологіи“, частью выпущены въ видѣ отдѣльныхъ изданій. Во всякомъ случаѣ, количественно и у насъ накопилось уже достаточно матеріала изъ области педологіи и экспериментальной педагогики. Но если бы мы теперь попытались суммировать тѣ результаты, которые дали всѣ эти изслѣдованія—за границей и у насъ,—результаты въ отношеніи педагогики, то едва ли бы качественное значеніе этихъ результатовъ соотвѣтствовало количественной цѣнности собраннаго матеріала. Здѣсь именно возникаетъ вопросъ, какъ весь собранный матеріалъ былъ использованъ для педагогическихъ цѣлей и какъ велико значеніе всѣхъ полученныхъ доселѣ данныхъ для рѣшенія важнѣйшихъ педагогическихъ проблемъ? Получили ли основные вопросы педагогики новое теоретическое освѣщеніе и можно ли на почвѣ полученныхъ до сихъ поръ педологическихъ данныхъ произвести коренную реформу педагогическаго дѣла, указать новые пути для педагогики въ широкомъ смыслѣ и намѣтить тѣ средства, которыя казались бы наиболѣе цѣнными для достиженія поставленныхъ цѣлей? Едва ли можно на всѣ эти вопросы отвѣтить вполне утвердительно. Наоборотъ, разсматривая то духовное достояніе, которое до сихъ поръ собрано совокупными усиліями довольно многочисленныхъ изслѣдователей, мы находимъ его относительно бѣднымъ, бѣднымъ именно по сравненію съ той массой разнообразныхъ неотложныхъ и насущныхъ вопросовъ, которые

¹⁾ А. П. Нечаевъ. Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія. Спб. 1901. Я долженъ упомянуть, что въ Московскомъ Педагогическомъ Обществѣ (теперь закрытомъ) еще въ концѣ девяностыхъ годовъ истекшаго столѣтія дѣлались попытки познакомить русское общество съ нарождающимся движеніемъ. Первая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ покойному прив.-доценту московскаго университета В. М. Михайловскому.

встають передь современнымъ педагогомъ. Матеріаль, который лежитъ передь нами, является слишкомъ недостаточнымъ, чтобы на почвѣ его производить коренную реформу педагогики. Наоборотъ, быть можетъ, многіе изъ насъ, прослушавъ достаточно докладовъ изъ области педологии и экспериментальной педагогики, уѣдутъ отсюда съ довольно тяжелымъ чувствомъ, что въ своей обыденной практической работѣ намъ придется руководиться той же традиціонной педагогикой, которую мы практиковали и прежде и научная несостоятельность которой во многихъ отношеніяхъ является какъ бы общепризнанной? Мало того, мы видимъ, что и пролагатели новыхъ путей при начертаніи полной картины воспитательнаго процесса невольно увлекаются на тотъ же путь традиціонной педагогики, хотя въ отдѣльныхъ пунктахъ педагогическаго воздѣйствія они и пытаются быть свободными отъ всякой рутинны и стремятся раскрыть новые горизонты.

Естественно задать себѣ вопросъ: гдѣ же лежитъ причина этого столь еще несовершеннаго состоянія педологическаго изслѣдованія, такъ далекаго отъ того, чтобы, опираясь на результаты такого изслѣдованія, можно было реформировать современную педагогику? Несомнѣнно, здѣсь не одна причина, а нѣсколько, и нѣкоторыя изъ нихъ легко бросаются въ глаза. Это, прежде всего, молодость самой науки, ея недавнее возникновеніе и очень непродолжительное существованіе, измѣряемое двумя-тремя десятками лѣтъ, за каковой промежутокъ времени совершенно невозможно получить какихъ-либо законченныхъ и непрекаемыхъ выводовъ, относящихся къ самымъ разнообразнымъ сторонамъ дѣтской природы. Къ этому присоединяется сложность самаго изслѣдованія, въ связи съ разнообразіемъ тѣлесныхъ и душевныхъ функций, которыя являются объектомъ изученія и которыя важно проанализировать не только въ ихъ изолированной дѣятельности, но и въ ихъ совмѣстной работѣ, да еще во всемъ довольно длинномъ процессѣ дѣтскаго развитія. Наконецъ, нужно имѣть въ виду

несовершенство методовъ научнаго изслѣдованія, о чемъ такъ много говоритъ Мейманъ въ своихъ „Лекціяхъ по экспериментальной педагогикѣ“, въ особенности если мы будемъ имѣть въ виду рассчитанные, главнымъ образомъ, на собраніе наивозможно большаго матеріала методы американскихъ педологовъ. Но едва ли всѣ эти причины вполнѣ объясняютъ малую плодотворность полученныхъ до сихъ поръ результатовъ въ области педологическихъ изслѣдованій. Несомнѣнно, есть причины болѣе глубокія, кроющіяся въ самомъ существѣ педологическихъ изслѣдованій, въ особенности въ первой и наиболѣе ранней стадіи существованія молодой дисциплины. Намъ уже приходилось упоминать, что педологическія работы являются въ высшей степени цѣнными для самыхъ разнообразныхъ чисто-теоретическихъ дисциплинъ, и мы знаемъ, что изслѣдованія дѣтской природы часто имѣли своею главною цѣлью не чисто педагогическіе, а обще-научные интересы. Это можно сказать о многихъ педологическихъ работахъ какъ въ Америкѣ, такъ и въ западной Европѣ. Такъ, даже извѣстный трудъ Прейера („Душа ребенка“) былъ предпринятъ, по свидѣтельству самого изслѣдователя, именно въ чисто-научныхъ, а не педагогическихъ цѣляхъ. То же самое можно сказать объ извѣстныхъ работахъ Болдуина, гдѣ на первый планъ выдвигаются интересы антропологическіе и соціологическіе, а не собственно педагогическіе ¹⁾. Это обстоятельство, глубоко важное съ научной точки зрѣнія, однако едва ли всегда благопріятно именно для педагогики. При такой постановкѣ изслѣдованія естественно могли выступать на первое мѣсто вопросы, интересные именно для теоретической науки, и, наоборотъ, могли затушевываться, а иногда и совершенно обходиться, проблемы, имѣющія первостепенное значеніе въ глазахъ педагога. Этимъ, быть можетъ, до нѣкоторой степени объясняется относительно малая плодотворность для педагогики болѣе раннихъ педо-

¹⁾ Baldwin, The mental development in the child and in the race. Его же, Social und moral interpretations of mental development.

логическихъ изслѣдованій. Здѣсь же, быть можетъ, лежитъ и источникъ извѣстнаго возраженія противъ педологій Мюнстерберга, прямо заявлявшаго, что педологія не должна питаться крохами, падающими со стола психологіи (въ частности экспериментальной психологіи), а должна испечь свой собственный хлѣбъ. Правда, въ послѣдніе годы мы видимъ попытки, въ педологическихъ работахъ, болѣе точно ставить педагогическія проблемы и искать отвѣта на нихъ въ процессѣ педологическаго изслѣдованія. Такимъ образомъ, изъ педологіи, въ широкомъ пониманіи этого термина, постепенно выдѣляется экспериментальная педагогика. Мы уже упоминали о попыткѣ Меймана подвести итоги этого рода изслѣдованіямъ, итоги какъ въ отношеніи методовъ, такъ и въ отношеніи педагогическихъ результатовъ. Однако и въ настоящее время многія важнѣйшія педагогическія проблемы еще не затронуты педологическими изслѣдованіями, и послѣднія чаще всего касаются менѣе важныхъ вопросовъ изъ области педагогики, именно—вопросовъ дидактическихъ, а не педагогическихъ въ широкомъ смыслѣ. Да и здѣсь, какъ мы увидимъ нѣсколько ниже, нѣкоторыя изъ болѣе крупныхъ проблемъ очень далеки отъ окончательной разработки, отъ того, чтобы основные методы обученія могли быть построены уже на почвѣ экспериментальныхъ данныхъ. Что же касается другихъ болѣе педагогическихъ, чѣмъ собственно дидактическихъ вопросовъ, то они въ современной экспериментальной педагогикѣ разработаны и разрабатываются еще слишкомъ слабо, иногда будучи затрагиваемы совершенно случайно и не являясь предметомъ болѣе углубленнаго научнаго изслѣдованія. Обо всемъ этомъ мы надѣемся сказать болѣе подробно ниже, здѣсь же только замѣтимъ, что правильная постановка проблемы—если и вездѣ, то при педологическомъ изслѣдованіи въ особенности—является однимъ изъ важнѣйшихъ условий для плодотворности самой работы. Ясное и отчетливое представленіе вопроса, его значенія именно для воспитанія, а не для какихъ-либо другихъ цѣлей, въ значительной степени опредѣляетъ и харак-

теръ самаго изслѣдованія, его планъ и отчасти самыя результаты. При этомъ мы разумѣемъ здѣсь не только частныя вопросы, столь важныя иногда именно съ точки зрѣнія практическаго воспитанія, но и самыя общія проблемы, то или иное отношеніе къ которымъ должно быть установлено какъ бы передъ началомъ болѣе углубленнаго спеціальнаго изслѣдованія. Правда, многія изъ этихъ проблемъ рѣшаются совсѣмъ не экспериментальной педагогикой, а находятъ для себя отвѣтъ въ самыхъ разнообразныхъ дисциплинахъ, на почвѣ знакомства съ которыми формируется міровоззрѣніе человѣка, — однако, педологическія изслѣдованія все-таки могутъ проливать нѣкоторый свѣтъ и на эти вопросы, а въ то же время хотя бы провизорное рѣшеніе или установленіе только гипотетическаго отношенія къ этимъ проблемамъ является совершенно неизбѣжнымъ для педолога еще на порогѣ спеціальнаго научнаго изслѣдованія. Сюда мы относимъ такіе вопросы, какъ вопросы о самой сущности воспитанія, о цѣли воспитанія, о педагогикѣ какъ наукѣ и какъ искусствѣ и т. п. То или иное рѣшеніе этихъ пропедевтическихъ проблемъ является въ высшей степени важнымъ и при постановкѣ болѣе спеціальныхъ вопросовъ, тѣснѣ связанныхъ съ практикой воспитанія. Такъ въ высшей степени важно выясненіе самаго понятія воспитанія, будемъ ли мы разумѣть здѣсь сознательное воздѣйствіе взрослого человѣка на ребенка на протяженіи всего процесса дѣтскаго развитія или же будемъ обозначать воспитаніе, какъ совокупность всѣхъ самыхъ разнообразныхъ вліяній, испытываемыхъ человѣкомъ съ первыхъ дней жизни до эпохи поздняго юношества независимо отъ участія сознательной воли взрослыхъ. Несомнѣнно, отъ того или иного рѣшенія поставленныхъ вопросовъ будетъ въ значительной степени зависѣть и отношеніе къ тому, повидимому, очень радикальному теченію педагогической мысли, которое извѣстно подъ именемъ т. н. свободнаго воспитанія. Равнымъ образомъ, въ высшей степени важно выяснить и предѣлы воспитательнаго воздѣйствія, въ связи съ фактомъ наслѣд-

ственности, поскольку съ этимъ обстоятельствомъ приходится особенно серьезно считаться на практикѣ — въ процессѣ индивидуализированія воспитанія. Затѣмъ, проблемой первостепенной важности является вопросъ о цѣли воспитанія. Правда, цѣль эта ставится совсѣмъ не экспериментальной педагогикой, а указывается въ связи съ общимъ міровоззрѣніемъ воспитателей, вырабатывающимся, въ свою очередь, подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ факторовъ. Смыслъ человѣческаго существованія вообще, опредѣляемый съ той или иной философской точки зрѣнія, является, несомнѣнно, важнѣйшимъ изъ этихъ факторовъ. Но здѣсь естественно можетъ возникнуть вопросъ, можетъ ли эта цѣль, этотъ смыслъ человѣческаго существованія опредѣляться воспитателями, а не устанавливаться впослѣдствіи самимъ объектомъ воспитательнаго воздѣйствія, въ видѣ той гармоніи цѣлей, о которой такъ много говорятъ защитники упомянутаго свободнаго воспитанія. Само собою понятно, что при такомъ взглядѣ активность воспитателя должна быть сведена до минимума. Далѣе, если мы опредѣлимъ цѣль воспитанія такъ, какъ она большею частью опредѣляется въ теоретической педагогикѣ, именно какъ стремленіе къ гармоническому развитію лучшихъ сторонъ человѣческой природы, то вмѣстѣ съ такимъ опредѣленіемъ естественно возникаетъ вопросъ о томъ, какія стороны человѣческаго существа называть лучшими и почему, и въ чемъ можетъ выражаться упомянутая гармонія. Мало того, естественно явиться вопросу, насколько необходима эта гармонія и не является ли она нѣкоторымъ насиліемъ надъ частными индивидуальными расположеніями, наиболѣе ярко выраженными и поэтому какъ бы нуждающимися въ обостреніи и возвышеніи надъ другими, а не въ нивелированіи — хотя бы и въ интересахъ гармоніи. Далѣе, эта же формулировка цѣли воспитанія естественно приводитъ къ вопросу о воспитаніи индивидуальности и личности. Если мы подъ индивидуальностью будемъ разумѣть совокупность всѣхъ особенностей даннаго индивидуума, а подъ личностью — совокупность

только высшихъ или наиболѣе цѣнныхъ проявленій нашей психики, то понятно, что въ зависимости отъ того, какъ мы конкретнѣе опредѣлимъ цѣль воспитанія—развитіе индивидуальности или созданіе личности—будетъ находиться и самый планъ изслѣдованія опредѣленнаго дѣтскаго индивидуума, въ данномъ случаѣ являющагося объектомъ воспитательнаго воздѣйствія. Вѣдь если цѣнны всѣ особенности, свойственныя данному индивидууму, то всѣ онѣ заслуживаютъ одинаковаго вниманія въ процессѣ научнаго изслѣдованія или, въ данномъ случаѣ, педологическаго изученія, и, далѣе, въ практикѣ воспитанія всякая, даже самая мелкая черта требуетъ сохраненія и обостренія тѣмъ болѣе, чѣмъ она является исключительно специфическимъ достояніемъ даннаго индивидуума. Наоборотъ, если мы будемъ опредѣлять личность какъ совокупность наиболѣе высшихъ и наиболѣе сложныхъ проявленій нашей психики, то въ такомъ случаѣ въ процессѣ педологическаго изслѣдованія, конечно, могутъ выступать на первый планъ наиболѣе цѣнные комплексы, имѣющіе преимущественное значеніе при воспитаніи личности въ только что приведенномъ пониманіи. Быть можетъ, въ такомъ случаѣ можно говорить даже о нѣкоторомъ нивелированіи—не въ смыслѣ сознательнаго стиранія природныхъ задатковъ, а въ смыслѣ стремленія довести всѣ объекты воспитательнаго воздѣйствія до наивозможно высокаго уровня—именно въ отношеніи наиболѣе цѣнныхъ сторонъ нашей психики. Что при этомъ вторженіи принципа оцѣнки вносится нѣкоторый субъективный моментъ, этого, конечно, никакъ нельзя отрицать, но этотъ элементъ субъективизма является совершенно неустранимымъ изъ понятія о цѣли воспитанія. Съ нимъ мы встрѣчаемся и въ другихъ пунктахъ, связанныхъ съ выясненіемъ понятія личности, какъ, напр., въ вопросѣ объ отношеніи между индивидуумомъ и обществомъ и въ другихъ аналогичныхъ вопросахъ. Само собою понятно, что какъ бы мы ни понимали воспитаніе личности, для насъ имѣетъ громадное значеніе изученіе индивидуальности, какъ совокупности всѣхъ индивидуальных

особенностей, — но здѣсь возникаетъ скорѣе практическій вопросъ—объ изученіи индивидуальности въ условіяхъ коллективной школьной обстановки, когда это всестороннее изученіе является неосуществимымъ и когда въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускается, быть можетъ, неизбѣжный компромиссъ. Все это показываетъ всю сложность проблемы о цѣли воспитанія даже при традиціонномъ опредѣленіи этого термина и вскрываетъ неотложную потребность выясненія всѣхъ этихъ вопросовъ на порогѣ чисто экспериментальнаго изслѣдованія. Не менѣе важны и другіе пропедевтическіе вопросы педагогики, которые рѣдко выясняются передъ самыми педологическими изслѣдованіями. Здѣсь нельзя не упомянуть о такомъ вопросѣ, какъ вопросъ объ отношеніи между педагогикой, какъ наукой, и педагогикой, какъ искусствомъ. Быть можетъ, настоящая педагогика является въ извѣстномъ смыслѣ искусствомъ только потому, что она опирается еще на очень несовершенныя и неполныя научныя данныя, подобно тому, какъ это можно сказать о нѣкоторыхъ отдѣлахъ медицины? Или, быть можетъ, въ самомъ существѣ педагогической дѣятельности есть своеобразное творчество, которое нельзя отождествлять съ конструктивнымъ элементомъ, имѣющимъ мѣсто и во всякомъ теоретическомъ изслѣдованіи? Всѣ эти вопросы важны опять и съ точки зрѣнія экспериментальной педагогики, поскольку при извѣстномъ отвѣтѣ на эти вопросы и въ процессѣ педологическаго изслѣдованія центръ тяжести будетъ перенесенъ на воспитателя или учителя, а не на ученика.

Такимъ образомъ, предварительное выясненіе общихъ педагогическихъ вопросовъ оказывается въ высшей степени важнымъ для самыхъ разнообразныхъ педологическихъ изслѣдованій, и игнорированіе этого обстоятельства, несомнѣнно, является одною изъ причинъ малой плодотворности многихъ работъ по экспериментальной педагогикѣ. Все это свидѣтельствуетъ, между прочимъ, какое важное значеніе именно здѣсь имѣетъ постановка проблемы, точное опредѣленіе предмета изслѣдованія и цѣли изученія.

Если мы теперь обратимъ вниманіе на содержаніе большинства педологическихъ изслѣдованій, то сразу же замѣтимъ, что объектомъ работы изъ этой научной области является, главнымъ образомъ, интеллектуальная дѣятельность въ ея различныхъ развѣтвленіяхъ, между тѣмъ какъ эмоціональныя и волевыя проявленія до сихъ поръ изслѣдованы въ высшей степени недостаточно, хотя громадное значеніе для педагогики именно этихъ процессовъ общеизвѣстно. Да и интеллектуальная дѣятельность является предметомъ педологическаго изслѣдованія нерѣдко въ тѣхъ частяхъ, которыя имѣютъ далеко не первостепенное значеніе въ процессѣ воспитанія, въ особенности поскольку здѣсь идетъ рѣчь именно о сознательномъ воздѣйствіи. Это можно, на примѣръ, сказать и о тѣхъ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ въ области памяти, практическое значеніе которыхъ, при всей ихъ теоретической важности, быть можетъ, не такъ велико, какъ это нерѣдко представляется, разъ въ концѣ-концовъ здѣсь все сводится къ извѣстнымъ природнымъ расположеніямъ, и самое функціонированіе памяти имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности въ видѣ своеобразнаго процесса приспособленія. Что касается эмоціональной и волевой сферъ, то мы уже отмѣтили бѣдность изслѣдованій въ этихъ именно областяхъ, да и въ имѣющихся здѣсь работахъ мы часто не встрѣчаемъ такой постановки проблемъ, которая имѣла бы преимущественное значеніе для педагогики. Это можно сказать о многихъ изслѣдованіяхъ, особенно американскихъ, изъ области эстетической, религіозной и другихъ эмоцій, гдѣ мы встрѣчаемъ массу сырого матеріала и очень мало выводовъ, цѣнныхъ именно съ педагогической точки зрѣнія. Несомнѣнно, это обстоятельство въ значительной степени объясняется тою же несовершенною и иногда очень произвольною постановкой вопросовъ, о чемъ мы уже не разъ упоминали.

Но если въ настоящее время многія изъ душевныхъ дѣятельностей, имѣющія столь важное значеніе въ процессѣ воспитанія, являются еще далеко не изслѣдованными во

всей своей полнотѣ, то мы еще дальше отстоимъ отъ того, чтобы имѣть передъ собою изображеннымъ весь процессъ душевнаго развитія, ясная картина котораго является совершенно необходимой для успѣшнаго выполненія плана воспитательнаго воздѣйствія на протяженіи всѣхъ стадій роста. Больше всего въ области педологическихъ изслѣдованій поспчастливилось, повидимому, дидактикѣ какъ на Западѣ, такъ и у насъ, поскольку не разъ упоминавшійся Мейманъ въ своихъ лекціяхъ по педагогикѣ, рѣшается подвести экспериментальный фундаментъ подъ эту именно дисциплину и поскольку первыя работы по экспериментальной педагогикѣ у насъ были посвящены также дидактическимъ проблемамъ. Но и здѣсь еще много невыясненнаго и нерѣшеннаго. Не говоря уже о методологіи такихъ наукъ, какъ исторія или исторія литературы, даже и въ отношеніи болѣе элементарнаго обученія можно было бы пожелать гораздо большей опредѣленности, хотя количественно здѣсь, повидимому, и достаточно матеріала. Но вмѣсто разбрасыванія, которое очень часто встрѣчается именно въ этой области, можно было бы пожелать большей сосредоточенности на опредѣленныхъ немногихъ проблемахъ, но за то уже здѣсь довести изслѣдованіе до желательнаго конца. Такъ вполне естественно было бы избрать предметомъ особенно тщательнаго изученія проблему орфографіи, разработкѣ которой на Западѣ посвящено уже достаточно изслѣдованій. Результаты произведенныхъ до сихъ поръ работъ едва ли можно считать окончательными, и тѣмъ болѣе выводы какого-либо одного изслѣдователя едва ли можно положить въ основу опредѣленныхъ дидактическихъ приѣмовъ, какъ это мы видимъ сейчасъ у насъ. Мы знаемъ также, какую остроту орфографическая проблема получила нѣсколько лѣтъ тому назадъ у насъ, именно въ Московскомъ Педагогическомъ Обществѣ, гдѣ былъ выработанъ проектъ упрощенія правописанія, который для своего теоретическаго обоснованія неизбѣжно долженъ былъ бы придти въ соприкосновеніе съ тѣми данными, которыя имѣются по этому

вопросу въ экспериментальной психологіи. И однако, несмотря на все это, мы доселѣ не встрѣчаемъ у насъ попытки систематически разработать проблему орфографіи, когда бы она сдѣлалась предметомъ планомерно поставленныхъ экспериментовъ, которые въ результатѣ могли бы дать выводы въ высшей степени цѣнные съ точки зрѣнія практической педагогики.

Каковъ же выводъ изъ всѣхъ нашихъ довольно длинныхъ замѣчаній о существенныхъ особенностяхъ современныхъ педологическихъ изслѣдованій? Мы думаемъ, что успѣхъ дальнѣйшихъ работъ въ области экспериментальной педагогики будетъ въ значительной степени зависѣть отъ того, насколько будетъ установлена тѣсная связь между постановкой проблемъ и ихъ жизненнымъ значеніемъ, тою ролью, которую эти изслѣдованія будутъ играть для школы и жизни, поскольку между этими сферами есть постоянная неразрывная связь. Самая постановка проблемъ диктуется, конечно, не экспериментальными изслѣдованіями, а общимъ міровоззрѣніемъ, педагогическими потребностями, совокупностью тѣхъ отношеній, которыя устанавливаются на почвѣ взаимодействія между школой и жизнью. Въ виду всего этого и экспериментальная педагогика, прежде всего, должна сдѣлать объектомъ своего изслѣдованія тѣ вопросы, которые выдвигаются на первый планъ именно взаимодействіемъ указанныхъ факторовъ. Естественно было бы желать, чтобы уже и у насъ сложившаяся организація, группирующаяся вокругъ лабораторіи экспериментальной педагогической психологіи, взяла на себя трудъ намѣтить всѣ эти вопросы, дать имъ извѣстное систематическое расположеніе и сдѣлать ихъ предметомъ тщательныхъ экспериментальныхъ изслѣдованій. Въ данномъ случаѣ уже есть возможность коллективной работы, и этою возможностью надо воспользоваться въ указанныхъ цѣляхъ. Только на почвѣ такой коллективной дѣятельности, подчиненной извѣстному плану и поставленной въ тѣсную связь съ жизненными педагогическими потребностями, и возможно ожидать

плодотворныхъ результатовъ для педагогики во всемъ широкомъ пониманіи этого термина. Въ противномъ случаѣ возможно то разочарованіе, то крушеніе надеждъ, которое отчасти уже имѣло мѣсто въ отношеніи экспериментальной психологій вообще, гдѣ полученные до сихъ поръ результаты слишкомъ бѣдны по сравненію съ тѣми упованіями, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ находили такое горячее выраженіе именно въ этой области. Разочарованіе въ отношеніи экспериментальной педагогики будетъ тѣмъ острѣе и тяжелѣе, чѣмъ тѣснѣе связь ожидаемыхъ результатовъ съ практической педагогикой, съ конкретною жизнью школы, современное состояніе которой во многихъ отношеніяхъ представляется намъ такъ мало удовлетворительнымъ. Поэтому, совсѣмъ не проникаясь расхолаживающимъ пессимизмомъ, а, наоборотъ, бодро смотря въ будущее экспериментальной педагогики, мы все же считаемъ необходимымъ указать и на возможность, при извѣстныхъ условіяхъ, упомянутыхъ неудачъ, хорошо сознавая, что эта „последняя лестъ будетъ горше первой“.

Н. Виноградовъ.

Витализмъ и задачи научной біологіи въ вопросѣ о жизни.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

I.

Гансъ Дришъ сказалъ въ одной изъ своихъ статей: «въ естественно-научномъ отношеніи мы живемъ еще въ среднихъ вѣкахъ». Этотъ афоризмъ можетъ показаться на первый взглядъ просто краснымъ словцомъ, но въ дѣйствительности онъ совершенно правильно характеризуетъ цѣлый рядъ направленій научной мысли и, прежде всего, способы постановки и рѣшенія біологическихъ вопросовъ.

На самомъ дѣлѣ, вспомнимъ обычную формулировку коренного вопроса біологіи. Она гласитъ: «что такое *жизнь*?»; и отвѣтъ, который пытаются дать, строится соотвѣтственно вопросу: «*жизнь* есть и т. д...» Не напоминаетъ ли эта попытка схватить сущность чисто *абстрактнаго* понятія и выразить его въ другихъ болѣе или менѣе абстрактныхъ терминахъ типичные приемы среднейвѣковой схоластики? Прибавимъ къ этому, что опредѣляемое понятіе «жизнь», не есть научный терминъ, *Kunstbegriff*, а слово, заимствованное изъ обиходнаго лексикона и употребляемое въ неодинаковомъ смыслѣ.

Неудобство такого приема, какъ исходной точки для научныхъ изслѣдованій, заключается въ томъ, что онъ невольнo и незамѣтно толкаетъ мысль на путь гипостазирования понятій. Въ средніе вѣка это привело къ спору номиналистовъ съ реалистами, въ современной біологіи мы видимъ борьбу, во многомъ напоминающую этотъ старый споръ, при чемъ позицію реализма отстаиваютъ неовиталисты. И невольнo кажется, что въ развитіи уче-

нія о специфическомъ жизненномъ агентѣ формулировка вопроса играетъ не послѣднюю роль.

Но и помимо этого: всѣ попытки дать опредѣленный отвѣтъ на вопросъ, что такое жизнь, ведутъ къ болѣе или менѣе формальному опредѣленію, или просто къ фразѣ, непригодность которой очень скоро становится ясною для каждаго. Читатель можетъ найти цѣлый рядъ такихъ опредѣленій въ классическихъ лекціяхъ Клода Бернара по общей физиологіи ¹⁾, и, я думаю, небезытересно будетъ привести нѣкоторыя изъ нихъ. Опредѣленіе *Аристотеля* гласитъ: «Жизнь есть питаніе, ростъ и одряхлѣніе, причиной которыхъ служитъ принципъ, имѣющій цѣль въ самомъ себѣ, энтелехія» ²⁾. По опредѣленію *Биша*, «жизнь есть совокупность явленій, которыя сопротивляются смерти»; *Тревиранусъ* опредѣлялъ жизнь какъ «постоянное однообразіе явленій при разнообразіи внѣшнихъ явленій», *Ламаркъ*—какъ «состояніе вещей, которое даетъ возможность органическаго движенія подъ вліяніемъ возбудителей». Эти опредѣленія относятся къ самому началу 19-го вѣка, но вотъ опредѣленіе *Герберта Спенсера*, изъ второй половины 19-го вѣка; «жизнь есть опредѣленная комбинація разнородныхъ измѣненій, одновременныхъ и послѣдовательныхъ, въ соотвѣтствіи со внѣшними сосуществованіями и послѣдствіями». Самъ *Клодъ Бернаръ* пополняетъ собранныя имъ опредѣленія двумя блестящими и получившими широкую извѣстность афоризмами: «жизнь есть созиданіе», «жизнь есть смерть».

Ни одно изъ многочисленныхъ опредѣленій жизни, дававшихся въ разныя времена учеными различныхъ направленій не получило права гражданства въ наукѣ, но иначе и быть не можетъ. Если бы мы захотѣли такимъ же точно путемъ опредѣлить сущность паровоза, абстрагировать его «*virtus locomotiva*», то, вѣроятно, этотъ совершенно ясный механизмъ предсталъ бы передъ нами въ новомъ и странномъ освѣщеніи.

Но если мы не можемъ точно опредѣлить жизнь, всякій понимаетъ, что мы обозначаемъ этимъ словомъ совокупность свойствъ

¹⁾ Жизненные явленія, общія животнымъ и растеніямъ. Перев. Антоновича. Спб. 1878, 1-я лекція.

²⁾ «Но вотъ этотъ-то принципъ и требуется уловить и узнать», прибавляетъ *Клодъ Бернаръ*. Знаменитый физиологъ навѣрное не предполагалъ, что черезъ какія-нибудь двадцать лѣтъ послѣ его смерти опредѣленіе *Аристотеля* будетъ выдвинуто вновь и поставлено во главу угла биологіи.

и проявленій, присущихъ опредѣленнымъ *тѣламъ*, которыя являются ея носителями. Геологъ можетъ говорить о жизни земли, минералогъ о жизни кристалла, употребляя этотъ терминъ въ переносномъ смыслѣ; для біологін, которая одна употребляетъ его въ прямомъ смыслѣ, носителемъ жизни является вполне опредѣленный классъ тѣлъ—*живыя существа* или *организмы*. Не вещество, какъ утверждаютъ нѣкоторые ученые съ первой же строчки ¹⁾, упуская изъ виду, что подобное утвержденіе сразу предрѣшаетъ многое и нуждается еще въ доказательствѣ, а именно тѣло или существо. А поэтому настоящая наука о жизни, общая біологія, можетъ быть только *теоріей организмовъ*. Это прекрасно понялъ *Вильгельмъ Ру*, основатель «механики развитія», и въ своей недавней программѣ ²⁾ вмѣсто обычнаго опредѣленія жизни онъ опредѣляетъ живое существо.

II.

Пытаясь ближе уяснить себѣ сущность организмовъ или живыхъ существъ, мы найдемъ прежде всего, что *организмы* относятся къ болѣе широкому разряду *естественныхъ тѣлъ*, или системъ. Такой приемъ опредѣленія былъ широко распространенъ у старыхъ авторовъ, откуда перешелъ въ элементарные учебники естествознанія; въ научной литературѣ послѣдняго времени мы встрѣчаемъ его рѣдко (В. Ру).

Знаменитый въ свое время *Блюменбахъ* въ «Учебникѣ естественной исторіи», вышедшемъ въ концѣ 18-го вѣка и выдержавшемъ большое количество изданій, пишетъ о естественныхъ тѣлахъ слѣдующимъ образомъ. «§ I Всѣ тѣла, находящіяся на поверхности нашей земли или внутри ея, являютъ себя или въ томъ самомъ видѣ и свойствахъ, какіе они приняли изъ рукъ Творца и получили благодаря дѣйствию предоставленныхъ самимъ себѣ естественныхъ силъ, или такъ, какъ измѣнили и передѣлали ихъ люди и животныя для опредѣленныхъ цѣлей или какъ измѣнили ихъ простой случай. На этомъ различіи основывается извѣстное подраздѣленіе тѣлъ на естественныя (*naturalia*) и приготовленныя

¹⁾ См. напр. Allgemeine Physiologie Ферворна, „Es wird demnach die Betrachtung der lebendigen Substanz... den Ausgangspunkt der allgemeinen Physiologie bilden müssen» (5 Aufl. p. 64).

²⁾ W. Roux. Die Entwicklungsmechanik, ein neuer Zweig der biologischen Wissenschaft. 1905.

искусственнымъ путемъ (artefacta). Первые составляютъ предметъ естественной исторіи» ¹⁾).

Это опредѣленіе вѣрно указываетъ на характерное свойство естественныхъ тѣлъ: самостоятельность ихъ возникновенія, путемъ дѣйствія силъ, присущихъ ихъ частямъ, но оно грѣшитъ нѣкоторой узостью. Само собой понятно, что къ категоріи естественныхъ тѣлъ относятся не только тѣла на и подъ землею — облака, капли, кристаллы, организмы, но и сама земля и всѣ небесныя тѣла. Куда бы мы ни взглянули, мы видимъ или естественныя тѣла, или обломки ихъ, или то или иное ихъ сочетаніе.

Когда говорятъ: «организмъ представляетъ изъ себя естественное тѣло», то на этомъ положеніи долго не останавливаются, такъ какъ оно представляется просто общей фразой. Между тѣмъ для правильной постановки теоріи организмовъ этотъ вопросъ имѣетъ первостепенное значеніе: *прежде чѣмъ опредѣлять свойства, присущія организму какъ таковому, мы должны выяснитъ свойства, общія ему съ другими естественными тѣлами.*

Какъ возникаетъ въ насъ понятіе о тѣлѣ вообще, гносеологическій и психологическій анализъ этого процесса совершенно выходитъ изъ рамокъ нашей задачи. Для насъ естественное тѣло есть нѣчто данное въ повседневномъ опытѣ и въ своихъ общихъ чертахъ знакомое. Намъ необходимо только опредѣлить его свойства болѣе точно и научно, а на этомъ пути намъ невольно приходится натолкнуться на вопросъ: какія науки должны заниматься и занимаются разсмотрѣніемъ естественныхъ тѣлъ?

Въ прежнее время существовала одна наука, ставившая себѣ задачей изученіе всѣхъ естественныхъ тѣлъ; она носила названіе естественной исторіи. Но это время давно прошло: совокупность фактовъ, относящихся къ естественнымъ тѣламъ разрослась до такой степени, что сдѣлалось не подъ силу вмѣстить ихъ въ одинъ трудъ, излагать одному человѣку. Послѣднюю попытку въ этомъ родѣ представляетъ Космосъ Александра Гумбольдта. Теперь естественная исторія распалась на множество отдѣльных дисциплинъ, изученіемъ каждаго естественнаго тѣла занимается

¹⁾ *Blumenbach*. Handbuch der Naturgeschichte. Цитирую по 7 изданію. Göttingen. 1803.

нѣскольکو наукъ, каждая наука дробится въ свою очередь на отдѣлы, требующіе особыхъ спеціалистовъ и т. д. Несомнѣнно, такое раздѣленіе научнаго труда является крайне плодотворнымъ для развитія нашихъ знаній о природѣ и необходимымъ по существу дѣла, но, къ сожалѣнію, общія, руководящія точки зрѣнія, имѣющія силу для всѣхъ дисциплинъ естественной исторіи, отступаютъ при этомъ на задній планъ. Спеціалистъ, выросшій и состарѣвшійся въ родной лабораторіи или музеѣ, подвергается такимъ образомъ опасности потерять изъ виду пониманіе цѣлаго и истинную оцѣнку своего рабочаго метода.

Старинное названіе «естественная исторія» вполне отчетливо выражало одно очень важное для научной методикѣ обстоятельство; оно показывало, что въ ученіи о естественныхъ тѣлахъ соединяются *два пріема или метода изученія: естественнонаучный и историческій*. Одной своей стороною естественная исторія примыкаетъ и опирается на общія науки о веществѣ и силахъ: механику, физику и химію, съ другой стороны она изучаетъ тѣла съ точки зрѣнія ихъ измѣненій во времени, какъ историческіе процессы. Въ имѣющихся теперь налицо отдѣльныхъ дисциплинахъ или проводится какая-нибудь одна точка зрѣнія или смѣшиваются обѣ, не всегда достаточно ясно разграничиваясь другъ отъ друга.

Такая двойная точка зрѣнія имѣетъ громадное значеніе для уясненія себѣ естественныхъ тѣлъ въ полномъ ихъ объемѣ. Для каждаго естествоиспытателя въ высшей степени важно отдавать себѣ полный отчетъ, гдѣ кончается естествознаніе и начинается исторія, а также, какое значеніе имѣютъ они въ отдѣльности при изученіи природы. Но такое пониманіе, какъ всякій знаетъ, встрѣчается не особенно часто. И виною этому является не столько индифферентизмъ естествоиспытателей, сколько недостаточная разработка и спутанность понятій о естественнонаучномъ и историческомъ, господствовавшая даже среди философовъ, психологовъ и историковъ, спеціально занимавшихся вопросами научной методикѣ. Дѣло доходило не разъ до попытки подвести исторію цѣликомъ подъ категорію естественныхъ наукъ, найти историческіе законы, подобные естественно-научнымъ. И впервые у Виндельбанда и Риккерта мы находимъ совершенно ясное, отчетливое разграниченіе естественныхъ наукъ и исторіи какъ *двухъ типовъ* нашего познанія, вполне различныхъ по своей *логической* структурѣ.

Книга нѣмецкаго профессора *Генриха Риккерта*, ученика Виндельбанда, переведенная на русскій языкъ подъ заглавiемъ: «Границы образованiя естественнонаучныхъ понятiй.—Логическое введенiе въ историческiя науки.» (Спб. 1904, является трудомъ капитальной важности,—я сказалъ бы даже,—заслуживаетъ быть настольной книгой всякаго естествоиспытателя, желающаго осмыслить результаты, полученные за своимъ рабочимъ столомъ. И, если даже не вполне соглашаться съ взглядами автора на естествознанiе и оставлять открытымъ вопросъ о сведенiи естествознанiя и исторiи къ болѣе глубокому единству—надо все-таки сознаться, что исходныя точки намѣчены у Риккерта необыкновенно ясно и помогаютъ разобраться въ одномъ изъ трудныхъ вопросовъ. Я позволю себѣ немного остановиться на этомъ замѣчательномъ трудѣ.

Задачей науки является, по Риккерту, «преодоленiе безконечнаго многообразiя мiра». Мiръ такъ, какъ онъ есть, безконечно разнообразенъ, онъ не имѣетъ для насъ начала во времени, достижимаго предѣла въ пространствѣ и является въ видѣ безконечнаго множества отдѣльныхъ формъ и процессовъ. Охватить все это многообразiе умомъ, дать точное «отображенiе» мiра человѣческой интеллектъ не способенъ, не способна къ этому и наука. Ея задача—сдѣлать возможнымъ познанiе дѣйствительности путемъ упрощенiя ея, путемъ приведенiя ея въ такую форму, что она становится «обозримой», однимъ словомъ—преодоленiе многообразiя. Въ цѣляхъ упрощенiя умъ человѣческой пользуется всегда однимъ приѣмомъ: онъ образуетъ *понятiя*.

Съ подобнымъ взглядомъ намъ уже пришлось встрѣтиться при изложенiи ученiя Дриша: въ правильномъ образованiи понятiй и Дришъ видитъ первую задачу науки.

Задача познанiя мiра во всей ея совокупности выполняется двумя основными науками: *естествознанiемъ* и *исторiей*. Отсюда именно начинаются оригинальные взгляды Риккерта. Онъ доказываетъ, что *логическое построенiе* этихъ основныхъ наукъ различно, такъ какъ *понятiя*, образуемая естествознанiемъ и исторiей *совершенно иныя*. Въ обычной логикѣ мы такого разграниченiя не находимъ, но это потому, что школьная логика со временъ Аристотеля, въ сущности говоря, логика естественныхъ наукъ, и ея теорiя построенiя понятiй имѣетъ своимъ образцомъ естествознанiе.

Понятiя, которыя являются пригодными для естественно-научной обработки мiра, должны удовлетворять извѣстнымъ требованiямъ.

Въ ихъ основу нерѣдко кладутся понятія, заимствованныя изъ обыденной жизни (напримѣръ «животное», «растеніе»), но въ такомъ случаѣ они должны подвергнуться переработкѣ. Логически пригодное понятіе должно быть *опредѣленнымъ*, это значитъ, его можно вполне выразить помощью одного или нѣсколькихъ сужденій; оно должно быть *общимъ*, т.-е. быть примѣнимымъ къ извѣстнаго рода формамъ и явленіямъ независимо отъ мѣста и времени, наконецъ, необходимымъ или, выражаясь точнѣе, *обще-обязательнымъ*. Формируя логическое понятіе вещи или отношенія, мы умышленно изгоняемъ изъ него цѣлый рядъ данныхъ, воспринимаемыхъ нами въ непосредственномъ опытѣ, оставляемъ въ сторонѣ временныя, мѣстныя отношенія, все индивидуальное, т.-е. совершаемъ абстракцію. Если разложить извѣстныя научныя понятія отношеній въ сужденіе, мы получимъ такъ называемые *законы природы*, которые представляютъ изъ себя, такимъ образомъ, иной способъ выраженія общихъ, опредѣленныхъ и обще-обязательныхъ понятій. Слѣдуя неуклонно по пути упрощенія, наука создаетъ все болѣе и болѣе общія понятія и законы, а вмѣстѣ съ тѣмъ все больше суживается разнообразіе тѣхъ дѣйствительныхъ вещей и отношеній, которыя она кладетъ въ основу пониманія міра. И, постепенно, всѣ міровые процессы, сводятся въ глазахъ естествознанія къ одному процессу движенія, а все разнообразіе веществъ къ одному основному веществу—эфиру. Немалую помощь на этомъ пути оказываютъ науки математическія: съ ихъ помощью многообразіе явленій переводится на многообразіе чиселъ и отношеній. Въ точныхъ наукахъ совершается почти полный переходъ естествознанія въ математику, переходъ вполне возможный, такъ какъ логическія основы ихъ другъ другу не противорѣчатъ.

Такова структура естественныхъ наукъ, хорошо знакомая каждому, такъ какъ основныя особенности ихъ выяснялись много разъ. Характернымъ является здѣсь отвлеченіе отъ непосредственно даннаго, выраженіе его при помощи общихъ понятій и законовъ. Какъ это ни звучитъ парадоксально, но эмпирическая *дѣйствительность* въ наиболѣе разработанныхъ отдѣлахъ естествознанія совершенно *исчезаетъ*, исчезаетъ представленіе о процессахъ, совершающихся въ извѣстномъ мѣстѣ и времени, остаются только ряды конструкцій или символовъ и математическихъ отношеній между ними.

Ясно, что одна такая наука не можетъ удовлетворить запросамъ человѣка. Вѣдь и то, что дѣйствительно существуетъ, что происходило и происходитъ въ своихъ *индивидуальныхъ особенностяхъ*, представляетъ немалый интересъ для человѣческой мысли. Изучать все это—*процессы, происходящіе въ определенномъ мѣстѣ и времени, которые разъ были и больше не повторяются*—призваны науки *историческія*. Какъ и естествознаніе, исторія не можетъ дать исчерпывающаго отображенія того, что происходитъ въ дѣйствительности; она также упрощаетъ свою задачу при помощи понятій, но только понятія ея совершенно иныя, особой логической конструкціи. Въ этомъ, по мнѣнію Риккерта, ея характерная особенность, а не въ томъ, что историческія науки—науки о духѣ, а естественныя—науки о матеріи, какъ думаютъ многіе; сама психологія по своей логической структурѣ и задачамъ относится къ естествознанію.

Такимъ образомъ эмпирическую дѣйствительность можно изучать съ двухъ точекъ зрѣнія: «она становится *природой*, коль скоро мы разсматриваемъ ее такимъ образомъ, что при этомъ имѣется въ виду общее,—*исторіей*, когда имѣется въ виду частное». Отсюда вытекаетъ, что законовъ исторіи въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ слово законъ въ естествознаніи, быть не можетъ, это *contradictio in adjecto*.

Основнымъ понятіемъ исторіи является понятіе «историческаго индивидуума»; это представленіе объ извѣстномъ лицѣ (Гете), предметѣ (листь березы, который я сорвалъ) или явленіи (землетрясеніе въ Лиссабонѣ), конструированное особымъ образомъ, въ виду извѣстной цѣли. Когда, на примѣръ, мы говоримъ о Гете, мы имѣемъ въ виду не анатомическое строеніе его внутреннихъ органовъ, а его произведенія и то, что такъ или иначе имѣетъ къ нимъ отношеніе. Историческій индивидуумъ, какъ выражается Риккертъ, есть «индивидуумъ относимый къ извѣстной цѣльности», поэтому историческое образованіе понятій является по существу телеологическимъ.

Установивъ понятія тѣхъ или иныхъ историческихъ индивидуумовъ, наука должна связать полученные ряды въ одно болѣе общее цѣлое, въ *процессъ*, т.-е. установить «историческую связь». Такимъ же путемъ связываются между собой и отдѣльные процессы. Руководящимъ принципомъ служить для этого болѣе широкое понятіе «историческаго развитія». Какъ и всѣ остальные

историческія понятія, «развитіе» также связывается съ извѣстной цѣнностью; мы выбираемъ извѣстныя стороны явленій, ихъ исходную и конечную точки, пользуясь извѣстнымъ критеріемъ и отбрасывая все, не представляющее для насъ въ настоящее время интереса. Только такимъ путемъ можетъ быть достигнуто обозрѣніе бесконечно сложной эмпирической дѣйствительности. Конечно, исторія, какъ наука, должна выработать такіа цѣнности, которыя были бы общеобязательными, только тогда ея понятія будутъ лишены произвола; въ установленіи этихъ необходимыхъ цѣнностей лежитъ главная трудность дѣла, и здѣсь врядъ ли возможно обойтись безъ участія метафизики. На этомъ вопросѣ однако мы не будемъ останавливаться, такъ какъ для насъ онъ не особенно важенъ, и перейдемъ къ пункту, имѣющему прямое отношеніе къ нашей темѣ.

Хотя логическая структура естествознанія и исторіи совершенно различна, въ современныхъ наукахъ естественнонаучное и историческое часто бываетъ слито въ одно цѣлое. Мы имѣемъ цѣлый рядъ историческихъ элементовъ въ естествознаніи, какъ его необходимую составную часть. Ихъ можно найти и въ физикѣ и въ химіи, но больше всего конечно въ біологіи; достаточно упомянуть о палеонтологіи, о родословномъ деревѣ организмовъ, о происхожденіи человѣка. Такая книга какъ «*Natürliche Schöpfungsgeschichte*» Геккеля представляетъ изъ себя чистѣйшую историческую біологію. Но и въ самомъ ученіи о жизни намъ постоянно приходится наталкиваться на такіа черты эмпирической дѣйствительности, которыя всецѣло выходятъ за предѣлы естествознанія, такъ какъ объяснимы лишь исторически. Легко понять, какія недоразумѣнія могутъ возникать на этой почвѣ, и Риккертъ вполне справедливо указываетъ на смѣшеніе двухъ различныхъ методовъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ разногласія между виталистами и механистами.

Такимъ образомъ поставленный нами въ началѣ главы вопросъ: «какіа науки занимаются изученіемъ естественныхъ тѣлъ?», получаетъ въ трудѣ Риккерта совершенно опредѣленное освѣщеніе. *Вся естественныя тѣла составляютъ предметъ изученія какъ естествознанія, такъ и исторіи.* Въ отдѣльныхъ существующихъ наукахъ—безразлично, сколько бы ихъ ни было—эти точки зрѣнія могутъ быть перемѣшаны, но мы должны стремиться яснѣе разграничивать ихъ, такъ какъ методика естествознанія, его логи-

ческая структура совершенно иная, чѣмъ въ исторіи. Имѣя въ виду эту коренную противоположность, мы можемъ избѣжать въ естествознаніи постановки вопросовъ, неразрѣшимыхъ съ его методами, попросту сказать, для него не существующихъ.

III.

За послѣднее время мы встрѣчаемъ въ литературѣ двѣ крайне интересныя попытки примѣнить къ изученію живыхъ существъ исключительно одну точку зрѣнія, доказать, что ихъ истинное пониманіе возможно только путемъ естествознанія или путемъ исторіи. Вмѣстѣ взятыя онѣ служатъ прекрасной иллюстраціей къ ученію Риккерта.

Первый взглядъ былъ высказанъ *Дришемъ*. Ополчась противъ теоріи Дарвина, Дришъ объявилъ войну всему историческому въ біологіи, считая его совершенно излишнимъ и ненаучнымъ. Всѣ филогенетическія разсужденія могутъ создать только родословное древо, галерею семейныхъ портретовъ — къ чему они? Настоящая научная біологія должна найти законы, для нея интересенъ вопросъ, какія причины могутъ вызвать то или иное измѣненіе формы, а не каковы предки того или другого животнаго. Поэтому большинство современныхъ понятій въ біологіи образовано совершенно неправильно и ненаучно: это понятія собирательныя (т.-е. въ нихъ слишкомъ много историческаго, такъ какъ собирательное понятіе близко къ «историческому индивидууму» Риккерта); біологія же должна анализировать явленія, доходить до элементовъ, строить свои «искусственныя понятія» и устанавливать между ними закономѣрную зависимость.

Ясно, что идеалъ Дриша — чистая естественнонаучная біологія. Мы видѣли уже, какъ Дришъ примѣняетъ этотъ методъ на практикѣ для доказательства витализма. Правда, въ послѣднемъ доказательствѣ, къ которому онъ пришелъ въ 1903 году, на сцену выступаетъ «историческій базисъ реакціи», но Дришъ пользуется этимъ понятіемъ съ естественнонаучной точки зрѣнія.

Совершенно противоположное направленіе встрѣчаемъ мы у *Берисона*. Онъ принципиально отрицаетъ возможность понять живыя существа съ помощью тѣхъ методовъ, которыя положены въ основу точныхъ наукъ, методовъ «геометрическихъ», какъ онъ ихъ называетъ. Но, считая такіе методы единственно науч-

ными, единственно присущими человѣческому интеллекту, Бергсонъ принужденъ, конечно, констатировать банкротство науки въ дѣлѣ объясненія жизни и призываетъ на помощь «непосредственное проникновеніе» — интуицію. То, что заставляетъ его скептически относиться къ научному (= естественнонаучному) методу, коренится въ невозможности при его посредствѣ познавать дѣйствительно происходящія измѣненія жизни: указанный методъ оперируетъ съ абстрактными понятіями времени, съ математическимъ t , тогда какъ на самомъ дѣлѣ важно абсолютное время, протекшее отъ начала жизни, ея длительность, «durée», которая накладываетъ опредѣленный отпечатокъ на все живое. Точно также наука не въ состояніи осмыслить эволюцію жизни, ея пути, изгибы и развѣтвленія; они для нея «непредвидимы», какъ продукты свободного творчества.

Уже изъ того немногаго, что приведено здѣсь, нетрудно увидѣть, что методъ познанія, который, по мнѣнію Бергсона, долженъ восполнить недочеты научнаго метода, въ сущности очень близокъ къ историческому методу Риккерта. Дѣйствительно, «durée réelle», опредѣляющая состояніе живого существа въ данный моментъ, должна войти, какъ необходимая составная часть, въ характеристику историческаго индивидуума. И совершенно бесплодно пытаться, оставаясь на почвѣ чистаго естествознанія, открыть законы появленія новыхъ формъ, это были бы тѣ же «историческіе законы», невозможность которыхъ доказывается Риккертомъ. Интуиція, къ которой прибѣгаетъ французскій философъ, какъ къ *ultimum refugium*, не должна насъ смущать: если отдѣлать отъ нея ея мистическую половину, а остальное перевести на трезвый школьный языкъ, въ ней нетрудно будетъ признать много общихъ чертъ съ «исторической логикой», тѣмъ болѣе, что послѣдняя сама не чужда метафизикѣ. Бергсонъ считаетъ, напримѣръ, человѣческое интуитивное знаніе слабымъ проблескомъ того инстинкта, который такъ пышно развился у нѣкоторыхъ членистоногихъ; но инстинктъ онъ опредѣляетъ какъ непосредственное знаніе вещей, той эмпирической дѣйствительности, которая по Риккерту недоступна естествознанію и подлѣжитъ другой логической обработкѣ.

При чтеніи книги Бергсона родство его взглядовъ съ Риккертомъ выступаетъ необыкновенно ясно но, повидимому, французскій философъ не считался съ трудомъ своего нѣмецкаго

коллеги; онъ шель вполнѣ самобытнымъ путемъ. Одинаковы были ихъ исходныя точки — признаніе недостаточности естественнаучной логики (Бергсонъ отождествляетъ ее съ логикой вообще), и этимъ объясняется остальное.

По выходѣ «Творческой эволюціи», Дришъ одинъ изъ первыхъ заговорилъ о ней. Онъ напечаталъ подробный рефератъ¹⁾, въ которомъ обращаетъ вниманіе своихъ соотечественниковъ на Бергсона — «философа біолога», «выдающагося человѣка». Вся статья, написанная въ крайне сочувственномъ тонѣ, невольно вызываетъ на размышленіе: что же это значить? Походъ въ Каноссу? Очевидно, Риккертъ правъ; чистое естествознаніе само по себѣ недостаточно для пониманія дѣйствительности, и, доводя до конца какую-нибудь одну точку зрѣнія, мы незамѣтно приходимъ къ другой, ей противоположной.

IV.

Трудъ Бергсона поучителенъ для насъ еще въ одномъ отношеніи. Онъ представляетъ изъ себя настойчивую попытку доказать, что интуитивный методъ познания, который мы считаемъ эквивалентомъ историческаго метода Риккерта, приложимъ только къ познанію живыхъ существъ. Вездѣ, гдѣ только можно, Бергсонъ проводитъ рѣзкую разницу между мертвой матеріей (*matière brute*), подчиняющейся законамъ механики, и живыми существами: «*Durée réelle*» имѣетъ значеніе только для послѣднихъ, и развѣ для всего міра, «*tout*». На разницѣ познания зиждется, главнымъ образомъ, и его витализмъ. Именно, Бергсонъ предполагаетъ, что способъ познания долженъ соответствовать объекту познания, что не только метафизика опредѣляется гносеологіей, но и обратно: та или иная сущность явленія требуетъ соответствующей теоріи познания. Здѣсь происходитъ, выражаясь языкомъ индусской философіи, сліяніе познающаго съ познаваемымъ. А такъ какъ жизнь невозможно охватить геометрической логикой интеллекта, то она есть, по своей природѣ, нѣчто совершенно особое. Въ сравненіи съ мертвой матеріей жизненный потокъ обладаетъ особой силой: распространяться,

1) Zeitschr. f. Ausbau der Entwick. Lehre. 1908.

захватывать, прогрессировать. Какъ будто въ началѣ созданія живому веществу сообщенъ былъ особый импульсъ, толчокъ — «elan», какъ называетъ его Бергсонъ, и этотъ толчокъ продолжаетъ дѣйствовать непрерывно, не только не ослабѣвая со временемъ, но, наоборотъ, усиливаясь.

Врядъ ли можно оспаривать, что мысли Бергсона имѣютъ глубокіе корни, слѣдуетъ обратить вниманіе только на то, какъ легко переоцнить значеніе этого «elan» для пониманія живыхъ существъ. Жизнь развивается; она имѣетъ исторію и не можетъ быть вполне уяснена безъ знанія исторіи, это вѣрно; но вѣдь такъ же развивается, такъ же имѣетъ свою исторію и «мертвая природа», всѣ частныя естественныя системы, изъ которыхъ она складывается. Параллельно съ ростомъ и развитіемъ организмовъ идетъ развитіе земного шара, его атмосферы, морей; условія существованія солнечной системы, количество энергіи, выбрасываемой солнцемъ, также измѣняются. Если мы старѣемъ, то старѣетъ и наша земля, и тѣ химическія соединенія, тѣ минералы, которые она производила на зарѣ своего существованія, вновь уже не образуются, они только распадаются. Подобно Прейеру и нѣкоторымъ другимъ біологамъ, Бергсонъ рассматриваетъ все живое какъ одинъ гигантскій развивающійся индивидуумъ — въ реландант къ этому можно также смотрѣть на всю совокупность воды, находящейся на земномъ шарѣ, имѣя въ виду, конечно, не абстрактное H_2O , а жидкость, паръ или ледъ съ его мѣняющимся составомъ. Химическія свойства морской воды несомнѣнно не тѣ, что были прежде; капли дождя, падающія теперь, должны различаться отъ тѣхъ, которыя падали въ палеозойскую эпоху, такъ какъ составъ атмосферы измѣнился и т. д., и т. д. «Durée réelle» имѣетъ полное значеніе не только для живыхъ существъ, но и для всѣхъ естественныхъ тѣлъ, включая сюда даже атомы, которые, по воззрѣнію современной физики, подвергаются эволюціи.

Поскольку развитіе жизненныхъ формъ идетъ въ силу внутреннихъ автономныхъ импульсовъ, поскольку въ нихъ участвуютъ измѣненія окружающихъ естественныхъ тѣлъ — это вопросъ, который во многомъ еще не выясненъ и который нельзя ставить краеугольнымъ камнемъ біологіи. Выдающійся палеонтологъ Штейнманнъ въ своемъ трудѣ «Geologische Grundlagen der Abstammungslehre. 1908», приводитъ много примѣровъ тому,

какъ однородныя измѣненія начинали появляться одновременно у многихъ живыхъ существъ, отличныхъ другъ отъ друга по организациіи и не состоящихъ между собой въ родствѣ. Такимъ путемъ появлялись сходныя измѣненія въ раковинахъ моллюсковъ, совершался переходъ споровыхъ растений въ цвѣтковые, и, повидимому, шло развитіе млекопитающихъ изъ низшихъ холодно-кровныхъ формъ. Причиной такихъ одновременныхъ массовыхъ измѣненій могло быть только измѣненіе окружающей среды, а это указываетъ на тѣсную связь и параллелизмъ въ развитіи разнородныхъ естественныхъ системъ. Если измѣненія живыхъ существъ болѣе быстры, интенсивны и болѣе привлекаютъ къ себѣ вниманія, то это не говоритъ еще въ пользу ихъ принципиальнаго отличія и невозможности трактовать всѣ естественныя системы съ общей точки зрѣнія.

Вообще, хотячее представленіе о мертвой «матеріи», одинаковости и повторяемости ея процессовъ есть только физическая абстракція, необходимая для цѣлей самой науки, но недостаточная при изученіи дѣйствительности. Что это сознаютъ и лучшіе представители физики, доказываетъ недавняя рѣчь берлинскаго профессора *Планка*: «Die Einheit des physikalischen Weltbildes. 1909». Указавъ, что въ будущемъ основнымъ подраздѣленіемъ физическихъ процессовъ будетъ обратимость или необратимость ихъ, Планкъ дѣлаетъ многозначительное добавленіе. «Обратимые процессы», говоритъ онъ, «имѣютъ тотъ недостатокъ, что они всѣ (samt und sonders) идеальны; въ дѣйствительной природѣ не происходитъ ни одного обратимаго процесса» (стр. 18).

Если мы прибавимъ къ этому, что и вообще «матерія» въ дѣйствительности не существуетъ, что мы встрѣчаемъ ее лишь какъ матеріалъ той или иной естественной системы, то необходимость, для болѣе глубокаго пониманія тѣлъ, считаться съ ихъ исторіей, выступить съ полной ясностью.

Такой историческій индивидуумъ, какъ та планета, на которой мы живемъ, изучается въ историческомъ отношеніи очень усердно, доказательствомъ чему служитъ особая наука, историческая геологія; но мы имѣемъ данныя, позволяющія заключить, что даже такія, повидимому однородныя, тѣла, какъ капли и кристаллы различныхъ веществъ, при желаніи могутъ съ успѣхомъ служить объектомъ историческаго изученія. Для доказательства я позволю сослаться на работы *Бахметьева*, профессора физики Софійскаго

университета. Они относятся къ специальному вопросу, застыванію переохлажденныхъ капель нитротолуола ¹⁾.

Суть ихъ, въ немногихъ словахъ, такова. Бахметьевъ помѣшалъ въ воду капли расплавленнаго р-нитротолуола, вещества съ химической стороны вполне извѣстнаго, и опредѣлялъ температуру, при которой онѣ застываютъ. Въ этотъ моментъ прозрачная капля превращается въ твердый шарикъ и падаетъ на дно, такимъ образомъ температура застыванія можетъ быть опредѣлена вполне точно. Слѣдуетъ замѣтить, что температура застыванія или плавленія, что одно и то же, считается постоянной для опредѣленнаго химическаго соединенія и, въ качествѣ константы, служитъ для его характеристики. Можно переохладить вещество, задержать его отвердѣніе, но опять-таки до температуры, которая, при прочихъ равныхъ условіяхъ, будетъ постоянной. Капли, въ опытахъ Бахметьева, брались опредѣленной величины, условія, въ которыхъ онѣ находились во время переохлажденія, были одинаковы, и, тѣмъ не менѣе, результаты получились совершенно неожиданные: въ температурѣ застыванія отдѣльныхъ капель оказалось громадное различіе. Одинъ взглядъ на чертежи, приложенные къ работѣ Бахметьева, сразу показываетъ это. Есть капли, застывающія при $t^{\circ} 46^{\circ}$, и другія при $t^{\circ} 24^{\circ}$, т.-е. разница въ t° застыванія достигаетъ 22 градусова! Между этими крайними пунктами застываютъ остальные капли, но нѣтъ двухъ капель тождественныхъ. Разницу полученныхъ результатовъ нельзя объяснить неодинаковостью внѣшнихъ условій; она превышаетъ также возможныя погрѣшности опыта и должна быть отнесена на счетъ *индивидуальности капель*. Разсматривая подробнѣе таблицы, легко убѣдиться, что вблизи извѣстныхъ температуръ, застываетъ большее количество капель, что застываніе происходитъ какъ бы періодами. Это соотвѣтствуетъ ранѣе полученнымъ даннымъ Таманна о періодичности появленія кристаллическихъ зародышей въ теченіе процесса кристаллизаціи; но тѣмъ не менѣе того полнаго единообразія, котораго мы въ правѣ ожидать отъ простаго вещества, не получается.

¹⁾ *Bachmetiew*. Ueberkaltungserscheinungen bei schwimmenden Nitrotoluol-Kügelchen. Записки Императорскаго Академіи Наукъ по физ.-мат. отд. 8 серия, т. 10. № 7. 1900.

Bachmetiew. Biologische Analogien bei schwimmenden p. Nitrotoluol-Kügelchen. Jenaische Zeitschrift f. Naturwissenschaft. Bd. 37. 1902.

Не ограничиваясь однимъ этимъ, Бахметьевъ производилъ отборъ капель. Собирая тѣ, которыя застываютъ вблизи известной t^0 , онъ сплавлялъ ихъ и вновь опредѣлялъ t^0 застыванія капель, полученныхъ изъ этой порціи. При этомъ между различными порціями оказывалась известная разница, но она попрежнему сопровождалась индивидуальными колебаніями.

Тщательныя изслѣдованія проф. Бахметьева имѣютъ большое принципиальное значеніе. И конечно, не для физики и химіи въ ихъ современной постановкѣ, такъ какъ для химіи не особенно важно, существуютъ ли шесть или болѣе модификацій нитротолуола, а для физики періодичность въ появленіи кристаллическихъ зародышей была уже установлена ранѣе. Но эти работы представляютъ изъ себя первую попытку проникнуть въ болѣе детальное изученіе тѣхъ естественныхъ тѣлъ (капель), которыя мы привыкли трактовать съ обычной физико-химической точки зрѣнія, какъ однородное вещество известнаго состоянія агрегаціи. Капли дождя падаютъ одна за другой, стучатъ въ крышу, расплываются, сливаются и исчезаютъ. Для насъ онѣ всѣ одинаковы: «какъ двѣ капли воды», говоримъ мы, желая обозначить высшую степень сходства. Изслѣдованія Бахметьева говорятъ: нѣтъ. Присмотритесь ближе къ нимъ, изучите ихъ въ отдѣльности и вы найдете, что врядъ ли есть двѣ вполне схожія. Капли такіе же *индивидуумы* съ ихъ безконечнымъ разнообразіемъ фізіономій, какіе мы привыкли встрѣчать въ мірѣ организмовъ, и соотвѣтственно своей индивидуальности даютъ различные отвѣты на воздѣйствія внѣшней среды. Сравненіе капель съ организмами проведено самимъ Бахметьевымъ во второй статьѣ; интересно отмѣтить, что толчокъ къ изученію переохлажденія простыхъ жидкостей дали его предшествовавшія работы о переохлажденіи соковъ внутри организма (t^0 замерзанія бабочекъ).

Другой примѣръ можетъ доставить намъ форма твердыхъ естественныхъ тѣлъ — снѣжинокъ. Замерзая, вода кристаллизуется въ гексагональной системѣ, въ видѣ шестиугольныхъ табличекъ или призмъ. Но снѣжинка имѣетъ болѣе сложную форму, она представляетъ изъ себя сростокъ кристалловъ. Относительно формы снѣжинокъ обычно въ литературѣ приводится мало указаній, такъ какъ и работъ по этому вопросу немного. Только въ книгѣ *Вейнберга* ¹⁾ можно найти сводку всѣхъ результатовъ

¹⁾ Снѣгъ, иней, градъ, ледъ и ледники. 1908.

по этому вопросу. Они поразительны. Описанныя и сфотографированныя формы снѣжинокъ можно раздѣлить приблизительно на 50 типовъ, обращая вниманіе на кристаллографическія особенности. Но и въ предѣлахъ одного типа нѣтъ двухъ сходныхъ формъ: каждая снѣжинка есть особый, не повторяющійся индивидуумъ.

Такимъ образомъ, нѣтъ никакихъ основаній для проведенія принципиальнаго различія между міромъ живыхъ тѣлъ и такъ называемой мертвой природы, какъ это дѣлаетъ Бергсонъ. Границы отдѣльныхъ наукъ нельзя считать за границы эмпирической дѣйствительности. Всѣ естественныя тѣла съ извѣстной точки зрѣнія подобны другъ другу: они допускаютъ естественно научное и историческое трактованіе. И если существуетъ на самомъ дѣлѣ интуиція, какъ непосредственное проникновеніе въ предметы и явленія видимаго міра, то она не ограничивается нашими ближайшими родственниками—организмами, а должна распространяться и на всю природу, какъ объ этомъ училъ великій натурфилософъ Шопенгауэръ.

V.

Послѣ этого длиннаго, но необходимаго въ методологическомъ отношеніи отступленія, мы можемъ возвратиться къ ученію объ организмахъ. Само собой разумѣется, теорія организма является, въ согласіи съ идеаломъ Дриша, наукой естественной по преимуществу; историческое имѣетъ для нея значеніе главнымъ образомъ какъ предѣлъ ея компетенціи.

Пытаясь въ дальнѣйшемъ набросать пути, которыми, по моему мнѣнію, могла бы слѣдовать теорія организмовъ, я прошу читателя, въ избѣжаніе недоразумѣній, заранѣе имѣть въ виду, что я не претендую на созданіе сколько-нибудь разработанной теоріи. Все нижеслѣдующее есть просто набросокъ, возможная программа—и только.

Разсматривая организмы какъ одинъ изъ видовъ обширнаго рода естественныхъ тѣлъ, мы можемъ считать этотъ пріемъ правильнымъ и плодотворнымъ лишь въ томъ случаѣ, если между организмами и прочими тѣлами обнаруживается рядъ свойствъ, существенно важныхъ для ихъ характеристики, если свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о капляхъ, кристаллахъ и т. д. могутъ оказать намъ услугу при созданіи теоріи организмовъ. Мнѣ кажется,

что на это мы можемъ разсчитывать. Подготовительныя работы въ этомъ направлеініи начаты уже давно: нѣкоторые біологи съ интересомъ изучаютъ явленія неорганическаго міра въ надеждѣ воспользоваться ими для цѣлей своей науки; достаточно назвать имена *Раубера*, *Румблера*, *Пжибрама*. Въ сводкахъ, сдѣланныхъ двумя послѣдними авторами ¹⁾, можно найти всю относящуюся сюда литературу. Изъ физиковъ *Лемангъ*, пораженный сходствомъ своихъ жидкихъ кристалловъ съ живыми существами, придаетъ этому явленію большое значеніе для уясненія организмовъ. *Фишелъ* въ одной изъ спеціальныхъ работъ надъ яйцами ктенофоръ намѣчаетъ взглядъ на организмъ какъ на систему, во многомъ близкій къ развиваемымъ здѣсь. Но въ то время какъ одни ученые считаютъ аналогіи между каплями, кристаллами и организмами идущими такъ далеко, что надѣются получить при ихъ помощи объясненіе чуть ли не всѣхъ явленій жизни, другіе — обращая главное вниманіе на существующія различія, — считаютъ проведеніе подобныхъ аналогій праздною игрою ума. Къ послѣдней категоріи принадлежатъ, конечно, виталисты. Если они и начинаютъ говорить о кристаллахъ, то только для того, чтобы показать ихъ коренное различіе отъ организмовъ, выдвигая иногда въ качествѣ тяжелаго орудія критерій одушевленности (Рейнке). На тонкія сопоставленія регенерацій кристалловъ и организмовъ, сдѣланныя Пжибрамомъ, который доказываетъ, что выводы Дриша должны распространяться и на кристаллы, Дришъ отвѣчаетъ указаніемъ на бесполезность общихъ аналогій. Такимъ путемъ, по его мнѣнію, можно доказать все, что угодно. Аргументъ подавляющій, но сила его немного ослабляется тѣмъ, что, вообще говоря, ничто не спасаетъ отъ софистики, и аналитическій методъ самого Дриша въ искусныхъ рукахъ можетъ привести къ тѣмъ же послѣдствіямъ.

Мнѣ кажется, что истина, какъ это часто бываетъ, лежитъ посредиѣ между обѣими крайностями. Ясно, что организмъ не кристаллъ и не капля какого-нибудь вещества, но, съ другой стороны, существующія аналогіи настолько интересны, что пренебрегать ими нельзя, и при осторожномъ пользованіи онѣ могутъ

¹⁾ *Rumbler*. Aus dem Lückengebiet zwischen organismischer und anorganischer Materie. Ergebnisse d. Anat. Bd. 15. 1905.

Przibram. Kristall-Analogien zur Entwicklungsmechanik der Organismen. Arch. f. Entw. Mechanik. Bd. 22. 1906.

служить прекраснымъ *эвристическимъ принципомъ*. Такое сужденіе налагаетъ на насъ обязанность заняться выясненіемъ свойствъ, общихъ организмамъ и другимъ естественнымъ тѣламъ. Мы должны вступить, такимъ образомъ, на путь, проложенный знаменитымъ англійскимъ мыслителемъ *Спенсеромъ*, который ясно видѣлъ единство всѣхъ системъ міра, понимая слово система въ самомъ широкомъ смыслѣ, и изложилъ общіе принципы ихъ эволюціи въ первомъ томѣ своей синтетической философіи—«Основныхъ началахъ».

Въ качествѣ конкретныхъ примѣровъ естественныхъ тѣлъ, я прошу имѣть въ виду какое-нибудь небесное тѣло, каплю воды, кристаллъ любого вещества, газовую молекулу и т. д.

Вотъ что получится, если сопоставить главнѣйшія свойства всѣхъ этихъ тѣлъ.

1) Естественныя тѣла представляютъ пзъ себя болѣе или менѣе сложныя *системы*, т.-е. образованія, составленныя изъ отдѣльныхъ частей, связанныхъ въ одно цѣлое силами, принадлежащими самимъ частямъ. Обнаружить это возможно двоякимъ путемъ: или наблюдая образованіе системы или разлагая систему при помощи особыхъ приѣмовъ. Въ томъ и другомъ случаѣ части, составляющія систему, оказываются въ свою очередь *системами*. Какъ далеко можетъ идти подобный анализъ? Современная наука доказываетъ сложный составъ атомовъ, которыхъ до послѣдняго времени можно было считать образованіями простыми, и оставляетъ въ качествѣ самыхъ простыхъ, неподдающихся пока разложенію, одни лишь электроны. Слѣдуетъ замѣтить, что теоретическія разсужденія, доведенныя до крайнихъ предѣловъ еще Лейбницемъ, давно указывали на сложность частей, принимаемыхъ за элементарныя; мало того, они доказываютъ, что въ нашемъ разложеніи мы никогда не дойдемъ до конца, т.-е. никогда не перестанемъ ощущать необходимости въ болѣе простыхъ элементахъ.

Систему можно расчленять на части различнаго порядка, это зависитъ отъ точки зрѣнія, съ которой мы желаемъ ее изучать: для физика интересны составляющія систему молекулы, химикъ желаетъ разложить и самыя молекулы на атомы, геологъ обращаетъ вниманіе на пласты, астрономъ можетъ принять всю планету за точку. Такое подраздѣленіе можетъ быть и искусственнымъ, т.-е. просто нужнымъ для извѣстной цѣли приѣмомъ, въ

этомъ случаѣ составныя части не могутъ существовать или не существовали сами по себѣ. Для общаго ученія о естественныхъ тѣлахъ, такое дѣленіе, конечно, не представляетъ интереса.

Мы говоримъ, что естественная система образуется при участіи иль, свойственныхъ системамъ-частямъ; здѣсь мы сталкиваемся съ кореннымъ и труднѣйшимъ вопросомъ всего ученія: какъ изъ соединенія многихъ индивидуальныхъ системъ получается вновь система-индивидуумъ? Прежде всего съ этимъ вопросомъ столкнулись химики: свойства молекулъ водорода и кислорода исчезаютъ при соединеніи ихъ въ молекулу воды, вмѣсто нихъ появляется нѣчто новое и единое. Впослѣдствіи оказалось, что въ сложныхъ молекулахъ нѣкоторыя свойства частей могутъ сохраняться и какъ бы просвѣчивать изъ-за свойствъ цѣлаго, это привело Оствальда къ ученію объ аддитивныхъ и конститутивныхъ свойствахъ молекулъ. Но, въ сущности говоря, этотъ вопросъ—часть болѣе общаго вопроса, относящагося не только къ молекуламъ, но и ко всѣмъ естественнымъ тѣламъ. Капля воды, кристаллъ льда представляютъ изъ себя нѣчто большее, чѣмъ сумму сближенныхъ газовыхъ молекулъ, это цѣлое единое, точно также и многоклеточный организмъ есть единое цѣлое, во многомъ подобное тѣмъ единицамъ-клеткамъ, изъ которыхъ онъ составляется. Не входя въ детальное разсмотрѣніе поставленнаго общаго вопроса, я позволю себѣ указать, что при попыткахъ его углубленія нельзя такъ рѣзко разграничивать физическіе и химическіе процессы, какъ это обычно дѣлаютъ, считая связи, проявляющіяся въ каплѣ или кристаллѣ чисто физическими, а въ молекулѣ—химическими. Я сошлюсь въ этомъ отношеніи на физиковъ, которые считаютъ возможнымъ признавать въ жидкости особыя «жидкія» молекулы, построенныя, напримеръ, для воды, по типу $n\text{H}_2\text{O}$. Весьма вѣроятно, что при изученіи системъ въ цѣломъ, связи, существующія между ихъ частями, выступаютъ передъ нами въ иномъ свѣтѣ и позволяютъ лучше понять тотъ единый принципъ конструкціи, который выступаетъ пока голымъ фактомъ.

Здѣсь приходится снова обратить вниманіе на одинъ пунктъ, о которомъ уже шла рѣчь въ первой части. Изученіе большинства естественныхъ тѣлъ выходитъ изъ рамокъ физики и химіи. Эти науки изслѣдуютъ главнымъ образомъ общія свойства вещества и процессы въ немъ, оставляя изученіе тѣлъ, какъ таковыхъ, осо-

бымъ дисциплинамъ, которыя съ точки зрѣнія физики и химіи являются прикладными. Такъ, напримѣръ, ученіе о газовыхъ шарахъ было изложено систематически, въ связи съ вопросами метеорологіи и астрономіи, лишь недавно. Ученіе о капляхъ нигдѣ систематически не излагается; хотя отдѣльныя главы его и служили предметомъ изслѣдованія физиковъ, но ихъ интересуется капля главнымъ образомъ какъ иллюстрація общихъ законовъ поверхности, а не сама по себѣ. Кристаллы составляютъ достояніе отдѣльной науки, физикъ же знаетъ лишь кристаллическое состояніе вещества и т. д. Только недоступныя глазу молекулы, гипотетическіе атомы и корпускулы относятся всецѣло къ области физики и химіи. Нельзя отрицать, что кинетическая теорія газовъ, стехиометрическіе законы химіи, явленія электролиза и радиоактивности доставляютъ вѣскія основанія для признанія этихъ невидимыхъ единицъ за естественныя тѣла—индивидуумы, но то универсальное примѣненіе, которое пытаются сдѣлать изъ нихъ, полагая, что ихъ однихъ достаточно для пониманія природы, представляетъ изъ себя непозволительный пріемъ упрощенія дѣйствительности. Все это важно помнить, чтобы не предъявлять къ физикѣ и химіи такихъ запросовъ, на которые они, по сложившемуся порядку, не могутъ отвѣчать.

2) Естественныя тѣла кажутся намъ всегда болѣе или менѣе рѣзко *отграниченными* отъ окружающаго міра; если составляющія ихъ части малы и находятся на небольшихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, мы можемъ говорить о *поверхности* тѣла въ геометрическомъ смыслѣ (поверхность земли, облака, капли). Въ дѣйствительности, непрерывной поверхности ни одна сложная система не имѣетъ, такъ какъ между поверхностными частями постоянно проходятъ снаружи внутрь и изнутри наружу отдѣльныя части—того же порядка, какъ ближайшія составныя части естественнаго тѣла или меньшія.

Признавая поверхностный слой тѣла за геометрическую поверхность, мы тѣмъ самымъ даемъ тѣлу извѣстную геометрическую *форму*. Форма естественнаго тѣла обыкновенно прежде всего привлекаетъ къ себѣ вниманіе и является первой ступеню его изученія. Объяснить съ *естественнонаучной* точки зрѣнія форму тѣла, понять, почему именно кристаллъ поваренной соли имѣетъ видъ куба, планета Сатурнъ свои кольца, а лягушка двѣ пары конечностей—невозможно. Если мы будемъ ссылаться

на форму частей, то будемъ лишь отодвигать вопросъ, не рѣшая его. Въ каждомъ естественномъ тѣлѣ существуетъ та «видовая специфичность», которая входитъ, какъ одна изъ составныхъ частей въ «энтелехию» Дриша; для естествознанія она будетъ «константой», неподдающейся дальнѣйшему анализу, такъ какъ здѣсь—предѣлъ естествознанія. Объясненіе формы возможно лишь путемъ *исторіи*.

Задача естествознанія въ дѣлѣ изученія формъ, заключается, во-1-хъ, въ ихъ логической классификаціи, во-2-хъ, въ томъ, чтобы изучать ихъ *измѣненія* и причины измѣненій. Когда естественное тѣло помѣщено въ условія, благопріятныя для свободного проявленія его внутреннихъ силъ, т.-е., по возможности изолировано отъ дѣйствія внѣшнихъ системъ, оно принимаетъ опредѣленную, свойственную ему форму, которую можно считать нормальной. Для газовыхъ и жидкихъ системъ такой является форма шара; для твердыхъ—одна изъ тридцати двухъ кристаллическихъ формъ. Формы организмовъ болѣе разнообразны, но ихъ исходной точкой является, повидимому, шаръ, изъ котораго пытались вывести большинство сложныхъ органическихъ формъ, ограниченныхъ кривыми поверхностями. Сложность и разнообразіе органическихъ формъ, само по себѣ, не представляетъ чего-либо исключительнаго, достаточно вспомнить тѣ сложные формы, которыя образуютъ кристаллическіе сростки (напр., узоры льда на стеклахъ, дерево Сатурна).

3) Ни одно изъ естественныхъ тѣлъ, встрѣчающихся въ природѣ, не является однороднымъ; всѣ они въ большей или меньшей степени *дифференцированы*, анизотропны, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Иногда части, составляющія систему, имѣютъ различный химическій составъ, какъ, напр., составныя части земной коры; тогда дифференцировка прямо бросается въ глаза; въ другихъ случаяхъ отдѣльные участки, если ихъ выдѣлить, кажутся одинаковыми, напр., части капли, кристалла. Но и въ этихъ случаяхъ система, какъ таковая, обнаружитъ неоднородность, стоитъ принять во вниманіе направленіе движенія отдѣльныхъ частей или направленіе связей, существующихъ между ними. Прежде всего, части, расположенныя въ поверхностномъ слоѣ, имѣютъ иныя свойства, чѣмъ расположенныя въ глубинѣ, уже по одному тому, что онѣ подвергаются различному воздѣйствію съ двухъ сторонъ, внутренней и внѣшней. Это въ свою очередь должно отражаться

на слобѣ, лежащемъ подѣ поверхностью, отдѣльныя части котораго также должны испытывать неодинаковыя воздѣйствія и т. д. Физика выработала ученіе о такъ называемомъ поверхностномъ натяженіи, по которому поверхностный слой представляетъ изъ себя какъ бы упругую пленку, сдавливающую массу капли или кристалла. Одно время такое представленіе считалось чисто фиктивнымъ, перечисленіемъ свойствъ капли въ цѣломъ на ея поверхность; теперь нѣкоторые физики принимаютъ дѣйствительное измѣненіе поверхностнаго слоя. Какъ бы тамъ ни было, неоднородность капли остается фактомъ, даже если оставить безъ вниманія ея центръ, свойства котораго совершенно не опредѣлены. Неоднородность кристалла представляетъ фактъ всѣмъ извѣстный.

Разъ въ тѣлѣ существуетъ дифференцировка, процессы перемѣщенія и распредѣленія энергіи совершаются по опредѣленнымъ направленіямъ; линіи ихъ распространенія можно назвать *векторами тѣла*, а самое свойство *векторіальностью*. Векторіальность лучше всего изучена въ кристаллахъ и считается ихъ основнымъ и характернымъ свойствомъ, но, въ дѣйствительности, она присуща всѣмъ естественнымъ тѣламъ. Только въ кристаллахъ векторы идутъ параллельными пучками; въ капляхъ и другихъ тѣлахъ сферической формы они направляются, вѣроятно, радіально; въ тѣлахъ сложнаго строенія, расположеніе ихъ конечно будетъ сложнымъ. Совокупность векторовъ въ связи съ пограничными условіями опредѣляетъ *организацию тѣла*.

Понятіе «организации» не слѣдуетъ смѣшивать съ понятіемъ «структура», какъ это иногда дѣлаютъ. Организация всегда обозначаетъ распредѣленіе частей въ цѣломъ, тогда какъ структура—распредѣленіе частей въ выбранной извѣстнымъ образомъ части этого цѣлага. Кристаллическая структура наблюдается въ любой малой части кристалла, организация только въ цѣломъ кристаллѣ съ его ядромъ и поверхностью. Физика, изучая вещество, имѣетъ дѣло главнымъ образомъ съ структурой. На ряду съ формой, организация служитъ главной характеристикой естественнаго тѣла, поэтому живыя существа, въ которыхъ дифференцировка и направленія процессовъ выступаютъ съ особой ясностью, и имѣютъ особое право называться организмами.

4) Какъ бы ни были разнообразны физическіе и химическіе процессы, разыгрывающіеся въ естественныхъ тѣлахъ, ихъ мож-

но въ самомъ общемъ видѣ представить такъ. Каждое тѣло получаетъ во время известное количество энергіи, положимъ a , и выдѣляетъ изъ себя также известное количество энергіи— b ; a и b могутъ быть равны, могутъ быть неравны; соотвѣтственно этому тѣло будетъ находиться въ состояніи энергетическаго равновѣсія, накапливать или терять энергію. Такой процессъ прекратится только въ томъ случаѣ, если тѣло совершенно изолировать отъ другихъ при абсолютномъ нулѣ температуры—случай врядъ ли возможный.

Детали этого процесса будутъ крайне разнообразны, въ зависимости прежде всего отъ свойствъ самаго тѣла. Въ силу своей неоднородности ни одно естественное тѣло не можетъ относиться пассивно—если можно такъ выразиться—къ получаемой имъ энергіи. Оно будетъ ее *распредѣлять и выдѣлять въ извѣстныхъ направленіяхъ, обусловленныхъ ею организаціей*, одновременно съ этимъ превращая одинъ видъ энергіи въ другой. Поэтому каждое естественное тѣло является *трансформаторомъ* энергіи. Лучъ свѣта, падающій на кристаллъ исландскаго шпата раздвоится; нагрѣемъ кристаллъ, и онъ обнаружитъ вблизи извѣстныхъ граней противоположные заряды электричества; коснемся капли масла кристалломъ соды, и капля измѣнитъ форму, передвинется и т. д. Это будетъ *отвѣтъ* тѣла, особый для каждаго вида. Въ живыхъ существахъ трансформация и упорядоченіе энергіи, конечно, сильнѣе бросаются въ глаза, ихъ отвѣты легче прочесть всякому, но принципиальной разницы между ними и другими естественными тѣлами въ этомъ отношеніи не существуетъ. Если нѣкоторые ученые и теперь не прочь призвать для объясненія отвѣтовъ организма направляющую жизненную силу, то я напомнимъ, что сами физики, по примѣру Максвелля, для уясненія упорядоченія движенія охотно прибѣгаютъ къ представленію о «демонѣ», производящемъ сортировку молекулъ. Одно другого стоитъ.

На характеръ процессовъ, идущихъ въ естественномъ тѣлѣ, т. е. на характеръ его отвѣта, большое вліяніе оказываютъ извѣстныя постоянныя условія внѣшней среды и, прежде всего, температура. На этомъ фактѣ слѣдуетъ остановиться, такъ какъ онъ можетъ освѣтить нѣкоторыя стороны живыхъ существъ, кажущіяся исключительными.

Извѣстно, что каждая система можетъ существовать лишь въ

извѣстныхъ температурныхъ предѣлахъ. Капля воды, напримѣръ, существуетъ какъ таковая лишь при t^0 отъ 0 до 100^0 С.; переходъ за указанныя границы вызываетъ уничтоженіе системы-капли, ея переходъ въ паръ или твердое тѣло. Для кристалловъ мы имѣемъ высшую точку ихъ существованія—температуру плавленія или возгонки; наша земля съ ея твердой корой могла образоваться лишь тогда, когда температура раскаленной газовой массы понизилась до извѣстной степени. Температура испаренія или плавленія измѣняется въ зависимости отъ давленія, но существуетъ опредѣленная температура, выше которой, при любомъ давленіи, жидкость переходитъ въ паръ или твердое тѣло въ жидкость, эта температура называется критической.

Когда стали изучать химическія разложенія тѣла подъ вліяніемъ тепла, т. наз. диссоціаціи, понятіе критической температуры было перенесено и въ область химіи. Критической температурой диссоціаціи называется такая температура, выше которой извѣстное соединеніе, напр., H_2O существовать не можетъ; оно начинаетъ распадаться на составныя части—диссоціироваться.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ удается сохранить систему въ прежнемъ видѣ и по достиженіи той или иной критической температуры, но въ такомъ случаѣ равновѣсіе системы становится неустойчивымъ.

Я привожу эти общеизвѣстные факты, чтобы напомнить о вліяніи, которое оказываетъ близость системы къ одной изъ критическихъ температуръ, на быстроту, интенсивность и характеръ процессовъ, протекающихъ въ естественныхъ тѣлахъ. Многіе физическіе и химическіе процессы, идущіе легко при t^0 , близкой къ критической, съ удаленіемъ отъ нея замедляются и даже совершенно прекращаются. Поразительный примѣръ доставляютъ жидкіе кристаллы, изученные за послѣднее время *Леманомъ* и *Форлендсромъ*.

Мы привыкли соединять съ кристалломъ понятіе о твердомъ тѣлѣ, почти неизмѣняющимъ свою форму, не способномъ передвигаться или самопроизвольно дѣлиться, и, дѣйствительно, при обычной температурѣ кристаллы не обладаютъ этими свойствами. Ихъ не обнаруживаютъ и кристаллы пара-azo-zimt-saureäthylester'a или прочихъ веществъ, изученныхъ *Леманомъ*. Но если расплавить эти вещества и затѣмъ охладить, держа при температурѣ не особенно удаленной отъ критической, то они

кристаллизуются въ совершенно необычной формѣ—въ видѣ полужидкихъ капель, цилиндриковъ съ закругленными краями, палочекъ и т. д. Такіе «жидкіе кристаллы» обладаютъ характерной для кристалловъ анизотропией, но въ то же время и рядомъ новыхъ свойствъ: напр., они могутъ двигаться, червеобразно изгибаясь, могутъ сливаться, образуя двойныя или тройныя формы, могутъ, наконецъ, самопроизвольно распадаться на двѣ части—дѣлиться. Оживленныя проявленія гѣлъ, которыхъ мы привыкли видѣть неподвижными, «мертвыми», несомнѣнно должны были привести въ изумленіе изслѣдователя, и они выразились въ томъ названіи, которое Леманъ далъ имъ: «scheinbar lebende Kristalle» — кажущіеся живыми кристаллы. Какъ бы ни относиться къ этимъ формамъ, несомнѣнно, что близость къ критической температурѣ плавленія играетъ большую роль въ характерѣ проявляемыхъ ими процессовъ; стоитъ охладить препаратъ, и живые кристаллы переходятъ въ другія, «мертвыя» модификаціи.

Другимъ примѣромъ можетъ служить раскаленное газообразно-жидкое солнце. Мы знаемъ, что форма его поверхности непрерывно измѣняется; тамъ и здѣсь выбрасываются протуберанцы, какъ гигантскіе псевдоподіи; солнечныя пятна постоянно образуются и исчезаютъ; корона, каждый разъ какъ ее удается наблюдать, предстаетъ въ новомъ видѣ. И мы знаемъ также, какая участь ждетъ солнце, когда его температура понизится: покрытое твердой корой оно будетъ измѣнять свою форму такъ же медленно, какъ земля.

Несомнѣнно, что и на характеръ процессовъ у живыхъ существъ имѣетъ большое вліяніе близость ихъ химическихъ соединеній (протоплазмы) къ критической температурѣ распаденія. На это обстоятельство обратилъ особое вниманіе англійскій ученый *Мартинъ* ¹⁾. Дѣйствительно, быстрыя измѣненія формы живыхъ существъ, идущія такимъ скорымъ темпомъ обмѣнъ энергіи и вещества, все, что сообщаетъ организму его «жизненность», возможно только потому, что сложныя химическія соединенія, находясь вблизи критическаго предѣла, распадаются подъ вліяніемъ незначительныхъ раздраженій. Для большинства животныхъ и растений критическая температура немного выше

¹⁾ Цитирую по журналу: Knowledge and scientific News. June 1905.

40° С, когда протоплазма окончательно распадется на свои составныя части, свертывается; при пониженіи температуры ниже optimum органическіе процессы замедляются и замираютъ, какъ замираетъ, напр., лейкоцитъ человѣка въ каплѣ крови при комнатной температурѣ.

Развивая это простое положеніе, истинность котораго врядъ ли можно оспаривать, Мартинъ приходитъ къ любопытнымъ выводамъ о возможности существованія организмовъ въ ту эпоху, когда температура земли была еще высока и объ вѣроятномъ химическомъ составѣ такихъ огнеупорныхъ существъ.

Сравнивая организмы съ прочими естественными тѣлами всегда необходимо имѣть въ виду указанное обстоятельство и сопоставлять естественныя тѣла при температурахъ, соотвѣтственно удаленныхъ отъ критической. Потому-то, между прочимъ, возможно сравненіе организма съ пламенемъ свѣчи, аналогія, которая всегда пользовалась успѣхомъ.

5) Естественное тѣло можетъ существовать лишь до тѣхъ поръ, пока внѣшнія силы, дѣйствующія на отдѣльныя части его, уравновѣшиваются связями, существующими между частями. Разъ внѣшнія силы переходятъ предѣлъ, тѣло раздробляется, испаряется, вообще перестаетъ быть, какъ таковое. Меньшія силы могутъ вызвать натяженіе связей, перемѣщеніе ихъ, нарушить распределеніе частей, но по удаленіи воздѣйствіе тѣло стремится придти въ прежнее состояніе. Конечно, полного тождества не получается; обычно въ тѣлѣ можно констатировать наличность т. наз. «остаточныхъ» измѣнній, болѣе или менѣе бросающихся въ глаза. Такъ, напримѣръ, намагничивая кусокъ желѣза, вполне свободнаго отъ магнетизма, «дѣйствительнаго», по выраженію физиковъ, посредствомъ помѣщенія его въ индукціонную спираль, а затѣмъ размагничивая пропусканіемъ тока въ обратномъ направленіи, мы уже измѣняемъ свойства куска. При вторичномъ намагничиваніи онъ потребуеетъ иного количества энергии: знакъ того, что въ немъ возникли остаточныя измѣненія, о которыхъ безъ помощи точнаго измѣренія мы не могли и предполагать. Подобныя измѣненія, наслаиваясь на тѣлѣ за все время его существованія, образуютъ «историческій базисъ», по выраженію Дриша.

Сопоставляя различныя состоянія тѣла до, во время и послѣ опредѣленнаго воздѣйствія на него внѣшней среды, мы приходимъ къ

понятію о *равновѣсіи*, играющемъ большую роль въ механикѣ, физикѣ и химіи. Оно всецѣло опредѣляетъ *направленіе процессовъ, идущихъ въ системѣ*, слѣдовательно и *характеръ ея отвѣта*. Въ упомянутыхъ наукахъ существуетъ большое количество теоремъ, относящихся къ различнымъ частнымъ случаямъ равновѣсія; для ихъ формулировки прибѣгаютъ къ математическому учению о наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ, въ частности къ вариационному исчисленію. Образцомъ для нихъ можетъ служить механическій принципъ возможныхъ перемѣщеній, установленный еще *Лагранжемъ*: механическая система находится въ равновѣсіи, когда сумма возможныхъ перемѣщеній ея частей равна нулю. Переводя это положеніе на языкъ энергетики, мы найдемъ два возможныхъ случая равновѣсія системы: когда ея потенциалъ будетъ максимумъ или минимумъ, причѣмъ въ первомъ случаѣ равновѣсіе будетъ неустойчивымъ, во второмъ—устойчивымъ. Направленіе химическихъ процессовъ въ системѣ, какъ оно изучается термодинамикой, опредѣляется ея вторымъ закономъ и получаетъ сходную формулировку: процессы, идущіе въ системѣ, стремятся перевести ее въ такое состояніе, когда свободная энергія ея будетъ минимумъ, и наоборотъ энтропія—максимумъ. *Больцманъ*, основываясь на статистической механикѣ и теоріи вѣроятностей, далъ новую, болѣе широкую формулировку понятія энтропіи, сводя ее къ «вѣроятному состоянію» системы, и тогда направленіе движеній системы мы должны представить, какъ переходъ ея изъ менѣе вѣроятнаго въ болѣе вѣроятное состояніе.

Факты, лежащіе въ основѣ приведенныхъ законовъ, допускаютъ и другую болѣе свободную формулировку; ничто не мѣшаетъ говорить о «стремленіи системы къ самосохраненію», о ея «борьбѣ», о «приспособленіи» и «приспособляемости», послѣднее, если имѣтъ въ виду остаточныя измѣненія. Физикъ *Гильямъ* въ своей рѣчи о «жизни матеріи» ¹⁾ дѣлаетъ цѣлый рядъ любопытныхъ сопоставленій въ этомъ направленіи. Если дѣло окончилось для системы хорошо, она не уничтожилась и продолжаетъ благополучно существовать, дѣйствія, обнаруженные ею, можно назвать, вмѣстѣ съ Паули, «цѣлесообразными» и признать въ ней «аутотелеологию». По существу, дѣло отъ этого

¹⁾ Archives des sciences physiques et naturelles. Т. 9. 1900. Интересныя данныя приводятся также въ книгѣ индуса *Бозе* (*Bose. Response in the living et non living 1903*).

не измѣнится, тѣмъ болѣе, что самыя точныя формулировки механики по вопросамъ равновѣсія не свободны отъ антропоморфическихъ воззрѣній, за что ее уже не разъ упрекали въ «миеологіи». Но именно это-го обстоятельство и представляетъ для насъ большую цѣнность; очевидно, есть свойства, присущія всякой системѣ какъ индивидууму, и, формулируя ихъ, трудно избѣгать тѣхъ выраженій, которыя мы привыкли примѣнять къ наиболѣе близкимъ для насъ системамъ-организмамъ.

6) Цѣлый рядъ явленій въ организмахъ, описанныхъ подъ именемъ *регенерациі* и *реституціи*, находятъ себѣ такія аналогіи въ области другихъ системъ, что позволительно считать это свойство принадлежащимъ всѣмъ естественнымъ тѣламъ въ большей или меньшей степени.

Сущность явленія заключается въ томъ, что система послѣ удаленія части ея вещества, и связаннаго съ этимъ нарушенія формы, вновь принимаетъ свойственную ей форму. При этомъ въ однихъ случаяхъ возстановленіе происходитъ путемъ привлеченія вещества изъ внѣшняго міра, т.-е. тѣло получаетъ не только прежнюю *форму*, но и *объемъ*; въ другихъ случаяхъ возстанавливается *только форма* при уменьшенномъ объемѣ; система перестраивается для покрытія дефекта. Классическимъ примѣромъ возстановленія перваго рода можетъ служить регенерация кристалла въ маточномъ растворѣ. Это явленіе было подробно изучено многими изслѣдователями, между прочимъ маститымъ анатомомъ Рауберомъ и Пжибрамомъ; послѣдній, кромѣ того, сдѣлалъ подробную сводку всего вопроса. Возстановленіе формы безъ привлеченія новаго вещества обнаруживаютъ въ неорганическомъ мірѣ жидкія системы: Бюкли уже 10 лѣтъ назадъ, разбирая экспериментъ Дриша надъ гастролой морской звѣзды, указывалъ на аналогіи съ каплей жидкости.

Явленія регенерации въ своей основѣ тѣсно связаны съ устойчивымъ состояніемъ равновѣсія системы, о которомъ шла рѣчь въ предыдущемъ параграфѣ. Это есть частные и нерѣдко болѣе сложные случаи общаго закона. Поэтому стремленіе выдвинуть эти явленія на первый планъ, придать имъ какое-то исключительное значеніе для пониманія организмовъ и ихъ развитія врядъ ли можно считать особенно удачнымъ приѣмомъ. Съ легкой руки В. Ру и Оскара Гертвига, привлечшихъ эти—въ сущности говоря патологическіе—эксперименты въ область теоре-

тической біологіи, работы о регенераціи буквально наводнили литературу. Объ ихъ количествѣ можетъ составить представленіе всякій, кто пересмотритъ сводки, дѣлаемая Барфуртомъ въ *Ergebnisse der Anatomie* за послѣдніе 15 лѣтъ. Невольно приходится вспомнить Тарда и его «Законы подражанія». Но выводъ изъ всѣхъ этихъ работъ для общей біологіи можетъ быть только одинъ: способность регенераціи у различныхъ животныхъ, на различныхъ стадіяхъ развитія и въ различныхъ органахъ происходитъ въ крайне различной степени. Полная регенерація, какъ въ знаменитыхъ опытахъ Дриша, происходитъ сравнительно рѣдко; эти случаи можно помѣстить на одномъ концѣ ряда, тогда другой конецъ образуютъ случаи полного отсутствія регенераціи. Это одно уже показываетъ, что для объясненія регенераціи требуется принимать во вниманіе не только общія свойства организмовъ, но еще въ большей степени частныя свойства изслѣдуемаго животнаго. А такъ какъ ни одно изъ животныхъ, съ которыми удобно экспериментировать, ни гастролы иглокожихъ, ни гидроиды, ни туникаты, никѣмъ никогда, кромѣ морфологовъ, не изучались, то для детальнаго, дѣйствительно научнаго анализа ихъ потенцій никакихъ точекъ опоры нѣтъ. Остается спекулировать, смотря по вкусу ученаго, о «морфогенныхъ субстанціяхъ», или «морфогенной душѣ» или прямо извлечь все неизвѣстное и индивидуализировать его въ видѣ «энтелехій». Успѣху такого рода анализа немало способствуетъ изумленіе читателя передъ новыми и неожиданными фактами, о которыхъ сообщаетъ экспериментаторъ, и передъ которыми оба останавливаются въ безпомощности. Но такое положеніе вещей создавалось въ наукѣ не разъ, и это полезно имѣть въ виду. Еще недавно способность клѣтокъ «дѣлать выборъ» казалась чѣмъ-то таинственнымъ; подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ новыхъ и интересныхъ данныхъ легко было признать здѣсь специфическую витальность. Когда же физическая химія взялась за систематическое изученіе вопроса объ осмосѣ черезъ коллоидныя перепонки, открылись такія тонкія и чувствительныя измѣненія пропускной способности пленокъ, что способность выбора клѣтокъ можетъ быть учтена при помощи обычныхъ физическихъ и химическихъ регуляцій. Указывая на все это, я желаю лишь подчеркнуть психологическій моментъ, играющій немалую роль въ распространеніи научныхъ теорій.

7) Общія черты въ развитіи естественныхъ системъ были такъ подробно указаны *Спенсеромъ*, что на этомъ можно здѣсь и не останавливаться. Напомню лишь формулу Спенсера: всѣ системы при своемъ развитіи переходятъ изъ однороднаго неустойчиваго состоянія въ разнородное устойчивое, иначе говоря, развитіе идетъ путемъ интеграціи и дифференціаціи. Нетрудно видѣть въ этой формулѣ общія черты съ физическимъ ученіемъ о равновѣсіи.

8) Прежде чѣмъ кончить съ естественными тѣлами, мнѣ хотѣлось бы обратить вниманіе на одно обстоятельство, которое косвеннымъ образомъ указываетъ на общность ихъ свойствъ. Это одинаковые результаты примѣненія статистическаго метода, такъ называемой «статистики варіацій». Когда мы измѣримъ рядъ однородныхъ проявленій индивидуумовъ одного и того же рода, будь то ихъ величина, вѣсъ, быстрота возможнаго движенія и т. д., и затѣмъ выразимъ результаты графически въ видѣ кривой, то, при достаточно большомъ количествѣ измѣреній, получается кривая извѣстнаго вида, такъ называемая «кривая погрѣшностей» или Гаусса. Мы находимъ такую кривую, взвѣсивая сѣмена извѣстнаго вида бобовъ, измѣряя ростъ взрослыхъ мужчинъ какой-нибудь расы, опредѣляя быстроту, съ какой рѣшаютъ задачу школьники 12 лѣтъ и т. д. и т. д. Очевидно, распредѣленіе той или иной способности между большимъ числомъ индивидуумовъ подчиняется извѣстной законности. Но такую же въ сущности кривую Максвеллъ положилъ въ основу кинетической теоріи газовъ, выражая быстроту распредѣленія скоростей между отдѣльными молекулами газа, и результаты его выводовъ, согласные съ опытомъ, оправдываютъ предположеніе. Закономѣрность общественной жизни и закономѣрность движеній молекулъ свидѣтельствуютъ о томъ, что *проявленіе индивидуальности совершается вездѣ однообразно.*

Мы рассмотрѣли тѣ свойства естественныхъ тѣлъ, которые можно считать общими имъ всѣмъ и сдѣлали это въ самой краткой и общей формѣ. Чтобы эти аналогіи приобрѣли достаточную убѣдительность, ихъ нужно продумать самому, дополняя конкретными примѣрами, что читатель, знакомый съ естественными науками, произведетъ безъ особаго труда. Выводы изъ всего приведеннаго напрашиваются сами собой.

Современный витализмъ допускаетъ, что процессы въ живыхъ тѣлахъ происходятъ при помощи тѣхъ же силъ, которыя физики и химики изучаютъ въ лабораторіяхъ, но только считаетъ ихъ вторичными, *сиужебными*. Теперь уже не одинъ серьезный виталистъ не утверждаетъ, что для рѣшенія частнаго вопроса о мышечномъ сокращеніи или проведеніи возбужденія по нерву не обойтись безъ участія жизненной силы. Специфической особенностью живыхъ существъ, полагающей глубокую пропасть между ними и мертвой природой, считается: особое направленіе процессовъ въ извѣстномъ мѣстѣ, послѣдовательность, съ какой они вступаютъ въ дѣйствіе, выборъ нужнаго процесса, однимъ словомъ, общее руководство физическими и химическими силами, указывающее на единство организма. Но какъ разъ въ этомъ пунктѣ сравнительное изученіе естественныхъ тѣлъ умѣряетъ претензіи витализма: *такое общее руководство физическими и химическими процессами мы встрѣчаемъ во всѣхъ естественныхъ тѣлахъ*. Это свойство всякой индивидуальной системы. Вездѣ мы находимъ слѣды организаціи, векторы, пограничныя условія, вездѣ система старается сохранить себя, приспособиться къ измѣнившимся условіямъ, вездѣ она трансформируетъ энергію особымъ, свойственнымъ ей образомъ. Каждая система развивается, дифференцируется и умираетъ. Вопросъ о томъ, какъ это все происходитъ, надо сознаться, во многомъ невыясненъ; вездѣ, при болѣе глубокомъ анализѣ, мы натолкнемся на какой-то сомнительный остатокъ. Поэтому витализмъ, при желаніи проводить свою точку зрѣнія во что бы то ни стало, имѣетъ право мечтать о витализаціи всей «мертвой природы», на зло своимъ противникамъ, желавшимъ механизировать жизнь. *Les extrémités se touchent*.

Изложенная точка зрѣнія даетъ возможность научной біологіи спокойно работать надъ ея главной задачей—созданіемъ теоріи организмовъ. Область неизвѣстнаго велика, но она не должна насъ смущать; когда въ наукѣ нѣтъ полной теоріи капли, тесріи кристалла, вполнѣ естественно, что объ организмѣ мы знаемъ еще меньше. Съ другой стороны, то положительное, что намъ извѣстно о каждомъ естественномъ тѣлѣ, можетъ послужить руководящей нитью при изученіи всѣхъ остальныхъ. Если бы потребовалось характеризовать однимъ словомъ занятую нами позицію, очевидно отличающуюся и отъ витализма, и отъ классическаго механизма, я назвалъ бы ее просто „*натурализмомъ*“.

VI.

Проведеніе болѣе детальныхъ аналогій между организмами и другими естественными тѣлами, какъ, напримѣръ, приравниваніе клѣтки къ каплѣ коллоиднаго раствора, не приноситъ никакой пользы; оно въ состояніи только вызвать справедливый скептицизмъ и скомпрометировать все направление. *Каждая система есть нечто своеобразное, и работаетъ при помощи своихъ особыхъ средствъ.* Опредѣляя организмъ *per genus*, какъ естественное тѣло, теорія организмовъ исполняетъ только первую половину задачи, вторая, столь же необходимая, заключается въ опредѣленіи его *per differentiam specificam*, въ тѣхъ особенностяхъ, которыя свойственны исключительно живымъ существамъ. Конечно, и въ этомъ направленіи настоящая статья можетъ только намѣтить вопросы и дать отдѣльныя соображенія, выражающія личное мнѣніе автора.

Старое, въ значительной степени отжившее, раздѣленіе биологии на морфологию и физиологию можетъ быть примѣнено и здѣсь, какъ предварительный приемъ расчлененія матеріала; поэтому мы приведемъ сначала общія данныя о *формѣ* организмовъ, чтобы перейти затѣмъ къ ихъ *функции*, и на основаніи имѣющагося матеріала попытаемся выяснитъ специфическія особенности и организацію живого тѣла.

Вступая въ область живыхъ существъ, мы сталкиваемся прежде всего съ громаднѣйшимъ разнообразіемъ органическихъ формъ. Описаніе и каталогизированіе ихъ началось уже давно, но со времени появленія теоріи Дарвина главныя усилія морфологовъ были направлены на приведеніе организмовъ въ генетическую связь; идеаломъ классификаціи слѣдалось родословное дерево. Такая классификація является, конечно, исторической, такъ какъ самое понятіе родства служитъ для выраженія опредѣленной исторической связи. Но историческое понятіе «родство» понемногу стало отождествляться съ естественнонаучнымъ понятіемъ «сходство» на томъ основаніи, что родственники должны быть схожи между собой, и тогда возникли во множествѣ попытки установить родственныя связи не при помощи палеонтологіи, а просто путемъ сравненія между собой нынѣ живущихъ организмовъ. Сначала дѣло шло какъ будто гладко, и идеи Геккеля, главнаго законодателя въ этой области, воспринимались съ благодарностью морфологами, но болѣе глубокая

разработка частныхъ вопросовъ не замедлила вызвать разочарованіе и сильную оппозицію «геккелизму». Въ настоящее время мы болѣе чѣмъ когда-либо далеки отъ родословнаго древа, и палеонтологія все чаще и чаще обнаруживаетъ простое сходство, «конвергенцію», тамъ, гдѣ прежде видѣли родство. Палеонтологъ Штейнманнъ настойчиво выдвигаетъ положеніе Ламарка: «les races des corps vivants subsistent toutes, malgré leur variations» и недалеко, вѣроятно, то время, когда найдутся защитники знаменитаго афоризма Линнея: «tot numeramus species, quot in initio creavit infinitum ens». Во всякомъ случаѣ, теперь можно болѣе спокойно отнестись къ попыткамъ соединить постоянство видовъ и эволюцію, чѣмъ, напримѣръ, въ 70-хъ годахъ, когда такую попытку дѣлалъ ботаникъ Вигандъ.

Для общей теоріи организмовъ всѣ эти споры значенія не имѣютъ; она изучаетъ и классифицируетъ формы съ другой точки зрѣнія, которую въ противоположность генетической можно назвать *геометрической*. Интересно отмѣтить, что опытъ такого изученія формъ, «проморфологін», былъ сдѣланъ также Геккелемъ въ «Generelle Morphologie» (1866 г.), и успѣха не имѣлъ. Геккель сводилъ всѣ существующія формы къ опредѣленнымъ стереометрическимъ фигурамъ, главнымъ образомъ многогранникамъ. Попытка рациональной классификаціи была возобновлена спустя 30 лѣтъ Гааке¹⁾, который мечталъ о рациональной систематикѣ, когда любую форму можно будетъ математически вывести изъ основной, подобно тому какъ изъ общаго уравненія коническихъ сѣченій можно вывести уравненіе круга, эллипса, гиперболы и параболы. Такая систематика позволитъ предсказать новыя формы, возможные, но еще не осуществившіяся. Въ частности Гааке выводилъ всѣ формы изъ шара (эллипсоидъ, овоидъ и т. д.); принимая, кромѣ того, во вниманіе распредѣленіе сходныхъ частей, онъ помѣщалъ въ число основныхъ формъ и многогранники, при чемъ этотъ второй рядъ формъ шелъ параллельно первому.

Подобныя попытки классификаціи формъ проходились, обыкновенно, молчаніемъ: вкусы и симпатіи ученыхъ были направлены въ иную сторону, да и значеніе ихъ для большинства было неясно. Можно надѣяться, что въ будущемъ, съ распространен-

¹⁾ *Haake*. Grundriss der Entwicklungsmechanik. 1897.

ніемъ пониманія исторической біологіи и болѣе научной подготовки морфологовъ, и рачіональная систематика получатъ дальнѣйшее развитіе.

Изученіе тонкаго микроскопическаго строенія организмовъ, составлявшее за послѣдніе полвѣка главную задачу морфологіи, дало возможность раздѣлить всѣ организмы на двѣ основныхъ группы: одноклѣточные или простѣйшія и многоклѣточные. Въ основу дѣленія была положена элементарная морфологическая единица—клѣтка, въ которой большинство морфологовъ привыкло въ скоромъ времени видѣть и фізіологическую единицу. И вотъ, на ряду съ обычной фізіологіей, которая развивалась своимъ путемъ, нисколько не заботясь о клѣткахъ, стали появляться попытки фізіологическаго пониманія сложнаго организма, какъ колоніи клѣтокъ. Такое пониманіе вскорѣ натолкнулось на большія трудности: организмъ многоклѣточныхъ совершенно эквивалентенъ въ фізіологическомъ отношеніи организму простѣйшаго, какимъ же образомъ колонія клѣтокъ можетъ быть эквивалентна клѣткѣ? Цѣлый рядъ ученыхъ, въ числѣ которыхъ можно упомянуть ботаника *Сакса*, морфолога *Седжвика*, фізіолога *Шенка*, сталъ говорить о переоцѣнкѣ клѣтки и ея значенія; за послѣднее время особенно энергично работаетъ въ этомъ направленіи *Родс*, стараясь доказать, что и съ анатомической точки зрѣнія клѣтки должны отступить на второй планъ, такъ какъ въ организмѣ синцитіи преобладаютъ надъ клѣтками. Если даже и не заходить такъ далеко, приходится все-таки признать, что клѣтки сложнаго организма, несмотря на морфологическое сходство съ одноклѣточными существами, имѣютъ совершенно иное фізіологическое значеніе, чѣмъ послѣднія,—онѣ подчинены цѣлому, регулируются имъ въ своихъ отправленіяхъ до мельчайшихъ подробностей, какъ бы теряютъ въ цѣломъ свою индивидуальность. Мы приходимъ здѣсь къ явленію, повторяющемуся во всѣхъ сложныхъ системахъ: сумма единицъ становится вновь единицей, цѣлое какъ бы равняется части. Выясненіе и углубленіе этого вопроса составляетъ одну изъ важныхъ задачъ теоріи организмовъ, но для ея разрѣшенія морфологія и фізіологія должны вступить въ самый тѣсный союзъ.

Форма даннаго организма, будь то простѣйшій или многоклѣточный, постижима только исторически, на что я уже ука-

звѣвалъ, но средства, помощьюъ которыхъ она осуществляется, доступны естествознанію. Въ этомъ отношеніи морфологія даетъ намъ многое. Она указываетъ, что всякій организмъ, не исключая и самыхъ простыхъ, представляетъ изъ себя *разнородную* систему; въ него на ряду съ спеціально органическими частями включены въ большомъ количествѣ самостоятельныя системы—кристаллическія и жидкія. Достаточно разсмотрѣть въ поляризованномъ свѣтѣ разрѣзъ различныхъ частей какаго-нибудь позвоночнаго животнаго или любого растенія, чтобы убѣдиться, какую роль играютъ въ нихъ двоякопреломляющія образованія. Всѣ растительныя оболочки, соединительнотканныя, мышечныя, нервныя волокна, хрящи и кости, большинство роговыхъ образованій анизотропны. Если же мы вспомнимъ, что не всѣ кристаллическія образованія обнаруживаютъ двоякую преломляемость, то, можетъ быть, безъ большой погрѣшности можно считать всѣ форменныя твердыя образованія, находящіяся внутри, на поверхности и между клѣтками кристаллическими. Намъ не должно смущать, что эти образованія не имѣютъ правильной формы кристалла, такъ какъ «многогранникъ роста», какъ называется эту форму кристаллографія, требуетъ для своего образованія извѣстныхъ условій роста, которыхъ въ организмѣ замѣнены другими; чтобы констатировать кристаллическую структуру достаточно векторіальности.

Жидкія включения являются второй составной частью организмовъ. Они встрѣчаются въ каждой клѣткѣ, образуя капли большей или меньшей величины, иногда, какъ у растеній, выполняютъ большую часть клѣтки. Въ большихъ количествахъ жидкія массы встрѣчаются въ сосудистой системѣ.

Всѣ эти вторичныя системы можно разсматривать какъ «остаточныя измѣненія» — результатъ тѣхъ внѣшнихъ воздѣйствій, которымъ подвергался организмъ за время своего существованія. Подобно геологическимъ пластамъ они образуютъ лѣтопись тѣла, по которой можно читать его исторію. Постепенное осажденіе кристаллическихъ системъ образуетъ все болѣе и болѣе усложняющійся скелетъ, закрѣпляющій достигнутую форму и служащій базисомъ для новыхъ измѣненій. Жидкія системы въ свою очередь принимаютъ участіе въ опредѣленіи формы организма: стремясь принять свойственную имъ сферическую форму, онѣ обуславливаютъ собой *turgor vitalis*.

Нахожденіе кристаллическихъ образованій дѣлаетъ понятнымъ присутствіе въ организмахъ прямыхъ линий, плоскостей, правильныхъ угловъ, какъ это, напр., замѣчается у иглокожихъ, т.-е. всего того, что позволило Геккелю сводить часть формъ организма къ многогранникамъ. Формы, свойственныя всему животному, ограничены кривыми поверхностями и, по всей вѣроятности, имѣютъ исходной точкой шаръ, на что указываютъ, кромѣ простѣйшихъ, яйцевыя клѣтки большинства животныхъ.

Попытаемся теперь представить себѣ организмъ въ возможно простомъ видѣ. Мы можемъ для этой цѣли взять за исходную точку какое-нибудь одноклѣточное существо и освободить его мысленно отъ всѣхъ вторичныхъ элементовъ, твердыхъ и жидкихъ включеній. Произведя такую операцію, мы получимъ образованіе, болѣе всего напоминающее голую амебу, и, дѣйствительно, съ давнихъ поръ амеба считалась первичной формой жизни. Но и такой очищенный организмъ съ морфологической точки зрѣнія не будетъ однороднымъ, такъ какъ въ немъ останется одно включеніе, никогда не отсутствующее и составляющее, очевидно, его неотъемлемую принадлежность, я разумѣю, ядро. Существующія нынѣ органическія системы всѣ являются сложными, составленными изъ двухъ системъ: тѣла и ядра. Какимъ путемъ возникъ подобный составъ, вопросъ историческій и врядъ ли разрѣшимый; мы не знаемъ даже гомологичны ли другъ другу ядра различныхъ простѣйшихъ, такъ какъ ничто не указываетъ на ихъ происхожденіе изъ общаго корня. Въ этихъ вопросахъ можно только гадать и строить гипотезы; возможно, напримѣръ, что обособленныя ядра возникли путемъ соединенія въ одно разсѣяннаго ядернаго вещества, но также возможно предполагать симбіозъ, слитіе двухъ самостоятельныхъ системъ, изъ которыхъ одна и есть ядро. Подобное предположеніе дѣлали относительно хлорофильныхъ зеренъ, самостоятельныхъ системъ, во многомъ напоминающихъ ядро. Мы не знаемъ, далѣе, представляетъ ли изъ себя само ядро простую или составную систему; рядъ фактовъ, наблюдающихся при его дѣленіи, говоритъ скорѣе въ пользу послѣдняго.

Но если появленіе ядра—историческая тайна, для біологіи остается не менѣе важная задача: выяснить его значеніе въ организмѣ. Изслѣдованія мюнхенскаго зоолога *Рихарда Гертвига* и его многочисленныхъ учениковъ уяснили намъ въ этомъ отношеніи

многосе. Они показали, что ядро и тѣло клѣтки представляютъ изъ себя двѣ физиологическія системы, находящіяся въ тѣсномъ соотношеніи другъ съ другомъ и стремящіяся установить между собой извѣстное равновѣсіе. Цѣлый рядъ явленій клѣточной жизни: ростъ, максимальная величина, дѣленіе, интенсивность жизнедѣятельности зависятъ прежде всего отъ величины ядра сравнительно съ величиной клѣточного тѣла. Это вполне подтверждаетъ давно уже извѣстный фактъ участія ядра въ процессѣ обмѣна веществъ. По схемѣ физиолога Ферворна, всѣ вещества, воспріятыя клѣткой, ассимилируются только тогда, когда они пройдутъ предварительно черезъ ядро и подвергнутся въ немъ переработкѣ.

Позволительно ли сдѣлать еще шагъ и вообразить простѣйшій организмъ какъ единичную систему, хотя бы въ родѣ гипотетической безъядерной монеры Геккеля? Мнѣ кажется—да, если не упускать изъ виду, что это лишь пріемъ, могущій оказать услугу при разработкѣ теоріи организма.

Дойдя такимъ образомъ до конца морфологическаго анализа, мы встрѣчамъ организмъ въ видѣ микроскопическаго комочка прозрачнаго тягучаго вещества, который очень соблазнительно признать за каплю густого коллоидальнаго раствора, гидросоля. Рѣшить этотъ вопросъ, т.-е. приравнять систему-организмъ системѣ-каплѣ,—возможно, лишь изучивъ его *организацию*. Но здѣсь мы должны оставить на время морфологию и перейти на физиологическую почву.

VII.

Въ энергетическомъ отношеніи организмъ, какъ и всякое естественное тѣло, представляетъ изъ себя трансформаторъ энергій. Отъ прочихъ естественныхъ тѣлъ, встрѣчающихся на землѣ, организмы отличаются: во-1-хъ, крупнымъ масштабомъ процесса обмѣна энергій, во-2-хъ, тѣмъ, что этотъ процессъ тѣсно связанъ съ обмѣномъ вещества, такъ какъ большая часть энергій поступаетъ въ организмъ въ видѣ сложныхъ химическихъ соединеній.

По вычисленіямъ *Рубнера* ¹⁾ общее количество энергій, прохо-

¹⁾ *Rubner*. Das Problem der Lebensdauer und seine Beziehungen zum Wachstum und Ernährung 1908, и Kraft und Stoff im Haushalte der Natur. 1909.

дѣющей въ теченіе всей жизни черезъ организмъ, есть величина постоянная для даннаго вида и можетъ служить для его характеристики. Количество энергіи, проходящее въ единицу времени, зависитъ отъ величины организма; такъ какъ на единицу поверхности выдѣляется приблизительно одинаковое количество энергіи, то мелкія животныя въ одно и то же время пропускаютъ черезъ себя сравнительно больше энергіи, — живутъ быстрее. Такимъ образомъ, по Рубнеру, количество энергіи является мѣриломъ продолжительности жизни.

Исслѣдованіями Рубнера и въ особенности опытами американскаго ученаго *Атватера*, поставленными въ грандіозныхъ размѣрахъ, вполне доказано подчиненіе организмовъ закону сохранения энергіи. Количество энергіи, теряющееся въ видѣ тепла во время ея круговорота, достигаетъ 20%, какъ въ лучшихъ машинахъ. Такимъ образомъ и въ организмахъ превращеніе энергіи сопровождается разсѣяніемъ известной части ея, т.-е. организмы подчиняются второму закону термодинамики и увеличиваютъ энтропію солнечной системы.

Въ такомъ видѣ относятся организмы къ энергіи, если изучать ея обмѣнъ en bloc, подсчитывая приходъ и расходъ, какъ это дѣлаютъ физиологи. Но болѣе глубокой вопросъ о томъ, какъ распредѣляется энергія внутри системы, по какимъ путямъ она идетъ, является еще во многомъ темнымъ; въ его разработкѣ физиологіи приходится идти объ руку съ морфологіей, пользуясь ея указаніями и въ свою очередь указывая ей то, чего она сама не способна увидѣть.

Прежде всего мы можемъ раздѣлить всю энергію, проникающую въ организмъ, на двѣ части. Одна, значительно большая, трансформируется и въ скоромъ времени выдѣляется изъ организма; на счетъ этой, такъ сказать *проходящей*, энергіи организмъ совершаетъ свою работу. Другая, сравнительно небольшая, равная, по Рубнеру, приблизительно $\frac{1}{25}$ части общаго количества, *остается* въ организмѣ и употребляется для замѣщенія тратъ въ самой системѣ и ея роста. Носителями проходящей энергіи являются безазотистыя части пищи: углеводы, жиры и безазотистый остатокъ отъ расщепленія бѣлковъ; остающаяся энергія связана главнымъ образомъ съ бѣлками.

Если исключить сравнительно небольшую часть энергіи, выдѣляющуюся изъ организма въ видѣ нестройныхъ тепловыхъ

колебаній, то вся остальная энергія, какъ проходящая такъ и остающаяся, проявляется въ упорядоченномъ, «стройномъ» видѣ: проходящая—какъ движеніе массъ или потокъ электроновъ, остающаяся—какъ потенциальная энергія структурныхъ образованій организма, тѣхъ вторичныхъ системъ, о которыхъ была рѣчь въ предыдущей главѣ. Оставляя пока въ сторонѣ частности и рассуждая въ самомъ общемъ видѣ, мы не имѣемъ основаній предполагать, что процессъ упорядоченія энергіи при ея трансформации совершается въ организмѣ иначе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ естественныхъ тѣлахъ. Это значитъ, что онъ связанъ съ наличностью особыхъ направленій, канализующихъ энергію, *векторовъ*, совокупность которыхъ даетъ *организацию* системы.

Слѣды векторовъ выступаютъ съ полной отчетливостью въ тѣхъ остаточныхъ измѣненіяхъ, которые наслаиваются на организмѣ въ теченіе всей его жизни, и которые подъ именемъ структурныхъ подробностей мы изучаемъ въ микроскопъ. Концентрическая слоистость, радіальная исчерченность и различныя скульптурныя подробности клѣточныхъ оболочекъ, всѣ волокнистыя образованія, встрѣчающіяся въ такомъ изобиліи въ животномъ организмѣ, какъ-то: волокна соединительной ткани, фибриллы мышечныя и нервныя, палочковидныя образованія железистыхъ клѣтокъ и т. д.—всѣ эти гистологическія детали указываютъ на извѣстное пространственное направленіе химическихъ и физическихъ процессовъ, поведшихъ къ ихъ осажденію. И если даже учитывать то обстоятельство, что кристаллическая структура волоконъ и оболочекъ предполагаетъ свободу дѣйствія силъ, присущихъ частямъ этихъ образованій (такъ какъ система требуетъ для своего образованія свободнаго дѣйствія силъ), то все-таки ихъ ориентировка и нѣкоторыя особенности формы заставляютъ признать направляющее дѣйствіе организма. Легко убѣдиться, далѣе, что въ сложныхъ организмахъ встрѣчаются векторы двухъ категорій: одни, принадлежашія организму въ цѣломъ,—по нимъ, на примѣръ, образуются волокна сухожилія—другія, присущія элементарнымъ составнымъ частямъ системы, клѣткамъ. Примѣромъ послѣднихъ можетъ служить система лучей, идущихъ отъ centrosомы въ лейкоцитахъ.

Конечно, мы не должны ожидать, что всѣ векторы организма будутъ выгравированы съ такой ясностью, что ихъ сейчасъ же удастся увидѣть въ микроскопъ. Возможны остаточныя измѣне-

нія молекулярнаго порядка, быстро стирающіяся или обратимыя, существованіе которыхъ тѣмъ не менѣе является фізіологическимъ постулатомъ. Такими будутъ, наприимѣръ, пути распредѣленія проходящей энергіи въ клѣткахъ, у простѣйшихъ, или въ томъ мыслимо-простомъ безъядерномъ организмѣ, который мы выставили какъ прототипъ. Я знаю, что въ этомъ пунктѣ мы рискуемъ вызвать возраженія морфологовъ. Достоинно удивленія, съ какимъ упорствомъ лучшіе спеціалисты въ этой области отказываются признать организацію въ амебѣ и вообще въ «недифференцированной протоплазмѣ» на томъ основаніи, что не видятъ ея, хотя въ другихъ отношеніяхъ такого ригоризма не проявляютъ, что доказываютъ ихъ спекуляціи о невидимыхъ жизненныхъ единицахъ. Между тѣмъ, если принять во вниманіе даже то, что удастся наблюдать, слѣдя за амебой: ея форму, особую для каждаго вида (напр., вытянутую у амоеба *limax*, у которой она не вполне скругляется даже въ покоѣ), опредѣленное положеніе сократительной вакуоли, характерную форму псевдоподій и токовъ внутри тѣла во время движенія, если принять во вниманіе явленія, происходящія въ ея тѣлѣ во время каріокинеза,—признаніе векторовъ и связанной съ ними организаціи является прямо логической необходимостью. Я не говорю уже о близко родственныхъ голымъ амебамъ формахъ, вырабатывающихъ раковину, какъ фораминиферы, или лучистый скелетъ, какъ солнечники, гдѣ векторіальность оставляетъ стойкіе слѣды, одинъ фактъ движенія амобы въ извѣстномъ направленіи, указывая на переходъ химической энергіи пищи въ упорядоченное движеніе массы, немислимъ безъ признанія организаціи. На это я указывалъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ въ статьѣ, посвященной анализу движенія амобы.

Допуская, такимъ образомъ, векторіальность и организацію живого существа, какъ такового, намъ необходимо поближе выяснить ихъ характерныя особенности. Мы подходимъ здѣсь вплотную къ основному для теоріи организма вопросу и, по временамъ, невольно должны вступать на зыбкую почву гипотезы.

Такъ какъ дѣятельность организма почти цѣликомъ базируется на химическихъ процессахъ, то его векторы—по крайней мѣрѣ главнѣйшіе—указываютъ на пути ихъ распространенія. Химическій процессъ протекаетъ не только во времени, но и въ пространствѣ; возникая въ одной точкѣ, онъ передается сосѣдней

и постепенно, идя отъ точки до точки, доходитъ до конечнаго пункта. Разсматриваемый такимъ образомъ онъ представляетъ изъ себя *химическую волну*. Физическая химія удѣляетъ немного вниманія распространенію химическихъ процессовъ въ пространствѣ, и теоретически разработано, насколько мнѣ извѣстно, лишь распространеніе химическихъ реакцій въ газахъ, въ частности такъ называемая волна взрыва, теорія которой была дана впервые проф. В. А. Михельсономъ. Классическимъ примѣромъ химической волны въ сложномъ организмѣ можетъ служить процессъ проведенія возбужденія по нерву. Съ давнихъ поръ извѣстно образное сравненіе нерва съ дорожкой пороха; поджигая порохъ съ одного конца мы получаемъ волну взрыва, передающуюся къ другому концу, и въ этомъ опытѣ видѣли лучшую иллюстрацію передачи нервного возбужденія. Въ послѣднее время Нернстъ даетъ точную физико-химическую теорію процесса нервного возбужденія, сводя его къ движенію электролитовъ, но и въ такомъ видѣ его можно разсматривать какъ частный случай химической волны. Не подлежитъ сомнѣнію, что научная разработка пространственнаго распространенія химическихъ процессовъ, необходима для того, чтобы поставить на твердыя ноги теорію организмовъ. Это вопросъ, который біологія адресуетъ физикѣ и химіи. Пока не получено на него точнаго отвѣта, приходится разсуждать въ самомъ общемъ видѣ, предполагая, что законы волнообразнаго движенія вообще примѣнимы и къ частному случаю химическихъ волнъ, т.-е. волей неволей пускаться въ спекуляцію.

Мы имѣемъ основанія, такимъ образомъ, представить простѣйшій амебоподобный организмъ какъ арену дѣятельности многочисленныхъ химическихъ волнъ. Начинаясь чаще всего на поверхности, въ результатѣ внѣшнихъ воздѣйствій, онѣ распространяются вглубь, затухаютъ, отражаются, интерферируютъ. Одиночныя волны, въ зависимости отъ амплитуды ихъ колебанія, т.-е. интенсивности процесса, вѣроятно не оставляютъ послѣ себя глубокихъ слѣдовъ; проходя разъ за разомъ по одному направленію или образуя стоячую волну, онѣ могутъ сдѣлаться видными и для глаза. Въ дѣлѣ обнаруженія ихъ мы должны возлагать надежды не столько на обычную гистологическую технику, сколько на болѣе тонкіе оптическіе методы, примѣнимые на животѣ, напр., на изслѣдованіи въ поляризованномъ или монохрома-

тическомъ свѣтѣ, на Schlieren-methode, ультра-микроскопъ и т. п. Но представляется ли какая-нибудь возможность уже теперь уловить направленіе волнъ - векторовъ, связать ихъ между собой, однимъ словомъ, хоть немного понять *планъ организаціи* простѣйшаго существа, или эта попытка преждевременна? Мнѣ кажется, что нѣкоторыми данными мы располагаемъ, и они-то позволяютъ— конечно со всевозможными оговорками—высказать извѣстные соображенія. Я приведу давно знакомые факты изъ жизни простѣйшихъ.

Прежде всего явленія амебоднаго движенія. Выросты тѣла, извѣстные подъ именемъ псевдоподій, несомнѣнно соотвѣтствуютъ направленію физическихъ и химическихъ волнъ—векторовъ. Они отходятъ почти всегда перпендикулярно къ поверхности тѣла и отъ любой ея точки. Проводя мысленно соотвѣтствующие векторы внутри тѣла, мы получимъ въ общемъ ихъ расположеніе по радіусамъ. Геометрическое мѣсто пересѣченія ихъ образуетъ векторіальный центръ. У амебъ обо всемъ этомъ мы можемъ только догадываться, но у лейкоцитовъ, этихъ амебъ сложнаго организма, можно воочию видѣть и центръ и радіально идущіе отъ него лучи. Этотъ центръ гистологи называютъ центросомой.

Второй рядъ фактовъ доставляютъ явленія дѣленія. Мы знаемъ теперь, что всѣ простѣйшія дѣлятся способомъ, крайне сходнымъ съ каріокинезомъ высшихъ организмовъ. Оставляя въ сторонѣ дѣленіе ядра, указывающее, между прочимъ, на самостоятельность и сложность этой системы, обратимъ вниманіе на дѣленіе тѣла. Оно состоитъ въ томъ, что въ тѣлѣ появляются два центра, вокругъ которыхъ и группируется вещество образующихся дочернихъ системъ. Центры могутъ имѣть форму зерна или пластинки, и къ нимъ всегда идутъ въ радіальномъ направленіи тонкіе лучи; иногда центръ представляетъ не самостоятельное образованіе, а лишь точку схожденія лучей. Несомнѣнно, что центры дѣленія простѣйшихъ аналогичны центросомамъ высшихъ животныхъ, а тамъ ясно удастся видѣть, какъ два центра образовались путемъ дѣленія одного. Ученые давно уже обратили вниманіе на поразительное сходство лучистыхъ фигуръ при каріокинезѣ съ рисунками силовыхъ линій въ магнитномъ полѣ и строили на этомъ различныя соображенія о характерѣ процесса.

У близкихъ къ амебамъ солнечниковъ тонкія радіально идущія псевдоподіи заключаютъ въ себѣ болѣе плотную осевую

часть, своего рода скелетъ. Лучи скелета сходятся въ центрѣ, и, какъ доказаль Шаудиннъ, при дѣленіи солнечника этотъ центръ играетъ роль центросомы, а часть лучей скелета переходитъ въ лучистыя фигуры дѣленія. Здѣсь, совершенно ясно, что одна и та же организація проявляетъ себя и въ движеніи, и въ дѣленіи.

Принимая во вниманіе, что значительная часть потенциальной энергіи, входящей въ эти простые организмы, тратится на движеніе и дѣленіе, мнѣ кажется возможнымъ предположить, что въ приведенныхъ данныхъ содержатся указанія на *характеръ организаціи, свойственной простѣйшимъ органическимъ системамъ*. Мы можемъ ее представить въ главныхъ чертахъ какъ *радіальное расположеніе векторовъ, сходящихся въ одинъ центръ*, т.-е. свести первичную организацію къ центрировкѣ. Эта мысль не является новой, но ее не высказывали обыкновенно въ общемъ видѣ, а примѣняли къ частнымъ случаямъ, какъ, на примѣръ, Мартинъ Гейденгайнъ въ своей грубо морфологической теоріи органическихъ лучей. Мы встрѣчаемся далѣе въ морфологической литературѣ съ представленіями о центросомѣ какъ динамическомъ центрѣ силъ, какъ центрѣ, изъ котораго выходитъ импульсъ движенію и т. д. Они свидѣтельствуютъ о сознаніи важности этого образованія для пониманія клѣтки, но формулируются лишь въ самыхъ общихъ и неясныхъ чертахъ.

Преобладаніе радіального направленія химическихъ волнъ сдѣлается намъ до извѣстной степени понятнымъ, если мы примемъ въ соображеніе сферическую форму элементарнаго организма и наличность раздраженій внѣшняго міра, падающихъ на любую часть поверхности. Наболѣе сильно должны дѣйствовать, конечно, слагающія по нормали; онѣ будутъ въ состояніи оставить послѣ себя болѣе стойкіе слѣды, ориентировать извѣстнымъ образомъ молекулы, вообще говоря, проторить дорогу. Но подобнаго рода соображенія относятся болѣе къ вопросу о возникновеніи системы, т.-е. выводятъ насъ въ область исторіи. Для естественнонаучной теоріи организація есть нѣчто данное, непрерывно передающееся отъ одной системы другой по наслѣдству. Другое дѣло, если бы удалось точно доказать, что радіальная организація позволяетъ перевести систему изъ одного состоянія въ другое кратчайшимъ путемъ, мы получили бы тогда ея полное теоретическое обоснованіе и могли бы заложить прочный фундаментъ для теоріи организма.

VIII.

Въ организмѣ происходитъ постоянный круговоротъ вещества; отдѣльныя системы входятъ въ него, ассимилируются, распадаются и выходятъ, и тѣмъ не менѣе онъ сохраняетъ свою организацію. Какъ примирить это? Является ли первичная организація чѣмъ-либо стойкимъ и неизмѣннымъ? Какого характера связи, существующія между ея отдѣльными частями? Таковы дальнѣйшіе вопросы, требующіе вниманія.

Я указывалъ уже на раздѣленіе энергіи resp. вещества, входящаго въ организмъ, на двѣ неравныя части: большую, проходящую черезъ организмъ, и меньшую, остающуюся въ немъ. Къ послѣдней категоріи принадлежатъ главнымъ образомъ азотистыя соединенія—бѣлки. Само собою разумѣется, что остающееся вещество не только отлагается въ видѣ тѣхъ или иныхъ структурныхъ особенностей, оно содержится и въ той прозрачной какъ стекло плазмѣ, которой мы любуемся у простѣйшихъ.

Совершенно естественно поэтому предположить, что субстратомъ химическихъ волнъ являются по преимуществу легко распадающіяся и сгорающія вещества первой категоріи, вторыя же, къ которымъ примѣнимо названіе *пластическихъ*, образуютъ какъ бы остовъ плазмы и даютъ точки прикрѣпленія для первыхъ. Возможно, напримѣръ, представить, — какъ это и дѣлалось не разъ, — что оба вещества въ совокупности образуютъ сложную молекулу, при чемъ пластическое явится ея ядромъ, а къ нему въ видѣ боковыхъ, легко отщепляющихся цѣпей присоединяются вещества сгорающія. Тогда опорой организаціи явятся пластическія вещества; они будутъ поддерживать и сохранять ее во время полного распадения веществъ другой категоріи

Мы можемъ представить все это нагляднымъ образомъ въ видѣ слѣдующей «модели». Вообразимъ себѣ рядъ паръ, танцующихъ мазурку и соединенныхъ между собою въ цѣпь такимъ образомъ, что каждый кавалеръ положилъ лѣвую руку на плечо кавалера, находящагося впереди. Въ правой рукѣ у кавалеровъ дамы. Весь рядъ представляетъ изъ себя рядъ протоплазменныхъ молекулъ, лежащихъ по радіусу-вектору; кавалеры соотвѣтствуютъ пластическимъ ядрамъ молекулъ, дамы побочнымъ цѣпямъ. По данному сигналу дамы одна за другой отрываются отъ своихъ кавалеровъ, переходятъ къ слѣдующему или оставляютъ ихъ со-

всѣмъ, и это движеніе перекачивается по всей цѣпи какъ химическая волна. Отдѣльныя лица могутъ, оставляя свои мѣста въ цѣпи, соединяться въ группы, соотвѣтственно микросомамъ или мелкимъ зернамъ, всегда разсѣяннымъ въ протоплазмѣ, могутъ образовать самостоятельныя вторичныя системы, могутъ и совсѣмъ уходить изъ залы. Образовавшійся пробѣлъ заполняется соединеніемъ оставшихся. Воображая множество рядовъ, подобныхъ описанному, расположенныхъ радіально къ центру залы, мы получимъ схему всей первичной организаціи въ разрѣзѣ. Ее легко усложнить, устанавливая связи между кавалерами сосѣднихъ цѣпей, наприимѣръ, образуя изъ нихъ кольца, подобныя тѣмъ концентрическимъ кругамъ, которые прорѣзываютъ лучистую систему у лейкоцитовъ, вводя добавочныя цѣпи и т. д.

Хотя пластическія вещества могутъ оставаться въ организмѣ долго, даже до конца его жизни, врядъ ли было бы правильно представлять себѣ первичную организацію какъ нѣчто неизмѣнное и стойкое. Лучистыя образованія при каріокинезѣ, которыя гистологи охотно называютъ нитями или сократительными волоконцами, такъ же легко исчезаютъ, какъ и образуются. Нервныя фибриллы, какъ показываютъ изслѣдованія Телло, не являются стойкими образованіями и въ зависимости отъ функцій животнаго измѣняются въ числѣ и видѣ. Наконецъ «токи», видимые въ тѣлѣ амебы при ихъ движеніи, свободное перемѣщеніе въ немъ различныхъ включеній и ядеръ, прямо указываютъ на возможность обширныхъ сдвиженій и перегруппировокъ среди молекулъ плазмы. Ближе къ дѣйствительности поэтому предположить, что въ лишенныхъ внутренняго скелета, «недифференцированныхъ» тѣлахъ, организація есть нѣчто лабильное, постоянно нарушающееся и восстанавливающееся вновь въ томъ видѣ, который болѣе соотвѣтствуетъ условіямъ момента. Эго можно свободно допустить, если признать за молекулами свойство ориентироваться извѣстнымъ образомъ въ зависимости отъ мѣста, занимаемаго ими въ цѣломъ. Мы встрѣчаемъ подобную ориентировку въ кристаллахъ, но тамъ она является стойкой, — почему въ физикѣ кристаллическое состояніе и твердое состояніе агрегации считаются даже синонимами, — и это обстоятельство прежде всего не позволяетъ проводить слишкомъ далекихъ аналогій между кристалломъ и организмомъ. Но кромѣ твердыхъ кристалловъ ориентировка встрѣчается и въ кристаллическихъ капляхъ

или жидкихъ кристаллахъ Лемана, гдѣ отдѣльныя части могутъ легко сдвигаться и вновь принимать прежнее направленіе. Последнія образованія, въ которыхъ поляризаціонный аппаратъ обнаруживаетъ центрировку въ видѣ радіальнаго расположенія оптическихъ осей и наглядно показываетъ ея возстановленіе послѣ деформаций, ближе всѣхъ естественныхъ тѣлъ подходятъ къ организмамъ.

Весьма вѣроятно, что центрировка присуща всѣмъ жидкимъ каплямъ какъ кристаллическимъ, такъ и некристаллическимъ и обусловливается радіальнымъ направленіемъ силовыхъ линій, что прямо вытекаетъ изъ ученія о поверхностномъ натяженіи. Только въ кристаллическихъ жидкостяхъ ее можно увидать благодаря анизотропіи составныхъ частей, отсутствующей или очень слабой въ обычныхъ жидкостяхъ. Все это позволяетъ намъ понять, почему между движеніемъ амебы и капли жидкости, напр., масла или ртути, замѣчается нѣкоторое дѣйствительное сходство, заставлявшее ученыхъ примѣнять законъ поверхностнаго натяженія къ амебѣ. Несомнѣнно, что сходство организациі имѣетъ глубокое значеніе для пониманія обѣихъ системъ, но обѣ ихъ отождествленіи, конечно, не можетъ быть и рѣчи.

Лабильность организациі служитъ благопріятнымъ обстоятельствомъ для различнаго рода регуляцій формы: всѣмъ извѣстна та легкость, съ какой залѣчиваютъ свои раны простѣйшіе организмы. Въ то время какъ кристаллъ возстановляетъ дефектъ, притягивая вещество изъ окружающаго раствора, и получаетъ вновь прежнюю форму и объемъ, амеба, послѣ потери части вещества, быстро возстановляетъ форму при уменьшенномъ объемѣ, какъ капля или жидкій кристаллъ. Сущность регуляцій одна и та же вездѣ: система выведена изъ состоянія равновѣсія и стремится кратчайшимъ путемъ придти въ новое равновѣсіе; въ какой мѣрѣ это новое состояніе отличается отъ прежняго, зависитъ отъ характера инсульта и другихъ причинъ; оно можетъ быть неотлично на глазъ отъ прежняго, но можетъ повести и къ образованію новой формы. Принципіально, процессъ дѣленія, который разсматриваютъ обыкновенно какъ специфическую особенность живыхъ существъ, относится къ категоріи регуляцій формы и представляетъ ея частный случай, когда устойчивое равновѣсіе для системы-индивидуума становится невозможнымъ и осуществляется только въ тѣхъ дочернихъ системахъ, на ко-

тория она распадается. Кажущееся самопроизвольнымъ дѣленіе жидкихъ кристалловъ представляетъ большой интересъ для біологіи въ томъ отношеніи, что оно выводитъ организмы изъ ихъ исключительнаго положенія и даетъ надежду, при сравнительномъ изученіи обоихъ процессовъ дѣленія, глубже проникнуть въ ихъ производящія причины.

Намъ остается затронуть еще одинъ вопросъ. Мы предположили, слѣдуя установившемуся обычаю, что протоплазма состоитъ изъ молекулъ; какой же характеръ имѣютъ связи, существующія между молекулами? можно ли ихъ опредѣлить точнѣе? Я не думаю, чтобы кто-нибудь въ наше время могъ опредѣленно отвѣтить на это. Спускаясь въ міръ молекулъ, мы на каждомъ шагу сталкиваемся съ такими явленіями, для которыхъ старья, провизорныя схемы, установленныя физикой и химіей, оказываются совершенно неподходящими, а новыя не получили еще точной формулировки. Много лѣтъ назадъ *Пфлюгеръ* высказалъ мысль, что вся протоплазма, слѣдовательно весь простѣйшій организмъ, представляетъ изъ себя одну гигантскую молекулу. Мысль эта представляется очень привлекательной, особенно, если сравнить ее съ противоположнымъ утвержденіемъ, по которому протоплазма есть смѣсь веществъ; но надо сознаться, что химія до сихъ поръ не знаетъ подобныхъ молекулъ и не можетъ сообщить свѣдѣній объ ихъ свойствахъ. Съ различныхъ сторонъ мы приходимъ къ одному и тому же выводу, что органическая система представляетъ изъ себя нѣчто своеобразное: она соединяетъ въ себѣ одной свойства, которыя мы привыкли изучать по отдѣльности въ различныхъ системахъ, и въ этомъ смыслѣ ее, конечно, можно называть «автономной».

IX.

Въ такомъ, приблизительно, видѣ можно изобразить характерныя особенности простѣйшаго безъядернаго организма, пользуясь данными современной морфологіи и физиологіи. Не слѣдуетъ забывать, что развитой въ предыдущемъ взглядъ на первичную организацію есть только общая схема; радіальное расположеніе векторовъ представляетъ изъ себя какъ бы канву, на которой могутъ вышиваться разнообразныя узоры. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не такъ просто уже по одному тому, что всѣ существующія простѣйшія и всѣ клѣтки представляютъ

изъ себя двойную систему, образованную изъ плазмы и ядра. Поэтому къ векторамъ, входящимъ въ составъ первичной организациіи плазмы, (которая является, повидимому, доминирующей) нужно присоединить еще векторы, связывающіе эту организацию съ ядромъ. Они выступаютъ вполне ясно только во время дѣленія, въ видѣ линій, связывающихъ хромосомы съ центросомами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повидимому, ядро становится въ центрѣ первичной организациіи, насколько можно судить по расположенію лучей протоплазмы; это замѣчается въ яйцевыхъ клѣткахъ многихъ животныхъ послѣ ихъ созрѣванія. Я не могу входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе вопроса объ организациіи самого ядра, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко, укажу только, что, по моему мнѣнію (высказанному въ работѣ о каріокинезѣ у бобовъ), ядро есть сложная система, образованная изъ соединенія системъ болѣе простыхъ, какими я считаю не хроматиновыя петли, а хроматиновыя зерна или хромеры. Эти зерна обладаютъ способностью дѣлиться путемъ перешнурованія, подобно дѣленію самого клѣточного тѣла и, можетъ быть, обладаютъ такой же радіальной организацией. Я высказываю это, конечно, какъ простую гипотезу.

Въ сложной многоклѣточной системѣ появляется новая организациія, подчиняющая себѣ первичныя организациіи ея составныхъ частей и служащая основой ея индивидуальности. Какъ переходную ступень отъ одноклѣточныхъ къ многоклѣточнымъ мы можемъ разсматривать многоядерные организмы (инфузорія *Opalina*, водоросль *Caulerpa*). Въ нихъ мы можемъ предполагать наличность многихъ центровъ, судя по одновременному нахожденію многихъ каріокинетическихъ фигуръ, и въ то же время по отношенію къ обмѣну энергіи и движенію организмъ проявляетъ единство. Съ другой стороны такіе организмы отличаются отъ многоклѣточныхъ главнымъ образомъ отсутствіемъ перегородокъ между отдѣльными составными частями, и иногда поразительно напоминаютъ ихъ по формѣ, какъ, напр., водоросль *Caulerpa*, имѣющая листья и корни.

Зная, что проявленія организма, каковъ онъ ни будь, въ сущности представляютъ изъ себя варіаціи на одну и ту же тему, мы въ правѣ ожидать, что организациія сложной системы построена по принципу первичной. Это значить, что въ ея основѣ лежатъ векторы — пути, по которымъ распространяются волны энергіи,

только они проходятъ уже черезъ отдѣльныя системы, вплетаясь въ ихъ организацію, и связываютъ ихъ между собой. Эти векторы высшаго порядка группируются также въ центры, центры вступаютъ между собой въ новыя, болѣе или менѣе сложныя связи. Планъ организациі сложной системы уже въ значительной степени доступенъ глазу, особенно тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ дифференцированной нервной системой, и въ его изученіи морфологія дѣлаетъ съ каждымъ днемъ блестящіе успѣхи. Только истолковать его своими силами она, конечно, не въ состояніи.

На этомъ мѣстѣ можно остановиться. Дальнѣйшая разработка намѣченныхъ вопросовъ совершенно выходитъ изъ рамокъ настоящей статьи, принципиальной по своему характеру, а положенные въ основу ея взгляды на задачи научной біологіи въ вопросѣ о жизни, я надѣюсь, достаточно уже выяснены. Ихъ можно формулировать приблизительно такъ.

Общая біологія представляетъ изъ себя естественно-научную дисциплину, изучающую одно изъ естественныхъ тѣлъ—организмъ. Ея ближайшая задача создать общую теорію организма, включающую въ себя какъ тѣ проявленія, которыя общи ему съ другими тѣлами-индивидуумами, такъ и тѣ, которыя представляютъ его специфическія особенности. Руководящей нитью на этомъ пути могутъ служить, во-первыхъ, понятіе объ *организаціи* системы, выражающее пространственное распредѣленіе энергіи внутри системы въ данный моментъ, и, во-вторыхъ, понятіе о *равновѣсїи*, опредѣляющее измѣненіе распредѣленія энергіи, а слѣдовательно и организациі за извѣстный промежутокъ времени. *Естественно-научное объясненіе отвитовъ, даваемыхъ организмомъ, регуляцій, регенерацій, всего того, что обозначаютъ словомъ жизнь, должно сводиться къ установленію законовъ, по которымъ происходитъ измѣненіе организациі и ея переходъ въ новое состояніе равновѣсія*; это будутъ какъ бы геометрическія параллели энергетическимъ законамъ о равновѣсїи, и *формулировка ихъ въ научной теоріи организмовъ должна быть математической*. Можно надѣяться, что векторіальный анализъ, математическая дисциплина о величинахъ, имѣющихъ направленіе въ пространствѣ, найдетъ себѣ здѣсь подходящее примѣненіе.

Но если бы даже осуществилась вполнѣ та теорія организмовъ, которую мы считаемъ идеаломъ естественно-научной біологіи, познаніе организмовъ останется для насъ неполнымъ безъ знанія ихъ исторіи. Сліяніе данныхъ теоріи и исторіи дастъ воз-

можно полное *естественно-историческое* пониманіе живыхъ существъ, составляющее важную часть пониманія природы.

Здѣсь на короткій срокъ мы должны возвратиться къ Риккерту и его воззрѣнію на природу, изложенному выше. Мы пользовались его раздѣленіемъ наукъ, какъ исходной точкой разсужденія и взяли его взгляды цѣлкомъ, безъ комментариевъ. Теперь можетъ быть умѣстно внести въ нихъ небольшую поправку въ томъ, что касается естествознанія. Нельзя, на мой взглядъ, считать идеаломъ и основной цѣлью естественныхъ наукъ выработку самыхъ общихъ понятій, какъ-то: энергія, матерія, эфиръ, движеніе или сведеніе мірового цѣлага на движеніе элементарныхъ однородныхъ единицъ, — дѣлать такъ, значить неясно различать средство отъ цѣли. Всѣ указанная понятія и относящіяся къ нимъ наиболѣе общіе законы суть лишь средства, при помощи которыхъ мы можемъ наиболѣе точно и сжато описывать природу, символы или приемы для «техническаго овладѣванія» ею, а никакъ не конечная цѣль въ познаваніи природы. Это недоразумѣніе, характерное для «вѣка естествознанія», происходитъ отъ неправильнаго взгляда на физику и химию какъ на основныя науки, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онѣ въ значительной своей части являются прикладными для пониманія дѣйствительно существующей природы, такъ же какъ и математика. Все, что мы встрѣчаемъ въ природѣ, отъ электроновъ до млечнаго пути, есть тѣла, индивидуумы, похожіе или непохожіе на насъ самихъ, малые и большіе, изолированные или спаянные между собой; мы видимъ уничтоженіе однихъ, появленіе на ихъ развалинахъ новыхъ, и такъ безъ конца. Задача естествознанія заключается въ классификаціи всѣхъ извѣстныхъ тѣлъ, изученіи ихъ закононостей и взаимныхъ связей, а не въ упраздненіи большинства изъ нихъ. Такимъ образомъ и естествознаніе имѣетъ въ концѣ концовъ дѣло съ индивидуумами, но только изучаетъ ихъ съ иной точки зрѣнія, чѣмъ исторія.

Установленіе точныхъ границъ и задачъ отдѣльныхъ наукъ имѣетъ гораздо больше значенія, чѣмъ это можетъ казаться научнымъ работникамъ, склоннымъ считать подобныя разсужденія за схоластическія тонкости. Оно одно въ состояніи открыть дверь для правильной *философіи природы*, за которую въ простотѣ душевной очень многіе въ наше время считаютъ изложеніе высшихъ абстракцій физики, химіи и психологіи, предлагаемое имъ подъ названіемъ монизма.

Вл. Карповъ.

Прагматизмъ.

I.

Работа американцевъ въ области духа вышла изъ періода исключительнаго заимствованія и ассимиляціи чужой мысли. Она начинаетъ становиться продуктивною, и въ настоящее время европейская философія интересуется первымъ дѣтищемъ философствующихъ янки, въ которомъ обнаруживаются специфически характерныя черты его родителей.

Исходнымъ пунктомъ новаго направленія, названнаго прагматизмомъ, послужила статья американскаго мыслителя Пирса (Ch. Peirce) «Какъ сдѣлать наши идеи ясными» («How to make our ideas clear»), помѣщенная въ журналѣ «Popular science Monthly», янв. 1878 г.

Въ ней Пирсъ, указывая, что наши увѣренности (beliefs) суть руководящія правила для дѣйствія, говоритъ, что для того, чтобы раскрыть значеніе мысли, намъ надо лишь опредѣлить поступокъ, къ которому она способна привести; практическій результатъ этой мысли и представляетъ для насъ единственное ея значеніе. Этотъ тезисъ не обратилъ на себя вниманія, пока У. Джемсъ (W. James), извѣстный американскій психологъ, спустя двадцать лѣтъ, не положилъ его въ основу своего міросозерцанія, и въ рядѣ философскихъ работъ, при сотрудничествѣ профессоровъ Dewey, Santayana, Pringle-Pattison, Schiller, Bawden и др., не развилъ изъ него цѣлой системы.

Трудно было составить себѣ цѣльное понятіе о томъ, чего хочетъ прагматизмъ, ибо положенія его были разбросаны въ многочисленныхъ статьяхъ по разнымъ американскимъ и англійскимъ періодическимъ изданіямъ, изъ которыхъ назовемъ: Mind, Hibbert Journal, Philosophical Review, Journal of Philosophy и др.

Лишь въ послѣднее время вышли въ свѣтъ двѣ книги: 1) William James «Pragmatism—a new name for some old ways of thinking», 1908 ¹⁾ и 2) F. C. S. Schiller «Studies in Humanism», London, 1907 ²⁾, въ которыхъ новая доктрина представлена въ болѣе или менѣе систематическомъ изложеніи.

«Pragmatism» Джемса является сборникомъ восьми популярныхъ лекцій, прочитанныхъ частью въ Бостонѣ, частью въ Нью-Йоркѣ за періодъ 1906—1907 гг. Книга отличается обиліемъ мѣткихъ сравненій, ясностью и живостью изложенія, въ которомъ часто проскальзываетъ столь свойственный писателямъ англо-саксонской расы юморъ. Въ смыслѣ глубины и обстоятельности обработки темы она уступаетъ книгѣ Шиллера «Этюды о гуманизмѣ».

Хотя прагматическая литература содержитъ еще и другія произведенія, вродѣ—James «Will to Believe», 1897 ³⁾; Schiller «Humanism», 1903, того же автора «Personal Idealism», 1902; Santayana «The life of reason», 1905; Dewey «Beliefs and Realities» въ Phil. Review, XV и др., но вышеупомянутыя «Pragmatism» и «Studies in Humanism», представляя новое ученіе болѣе основательно и цѣльно, послужатъ намъ руководящимъ источникомъ при ознакомленіи читателей съ прагматизмомъ.

Прагматизмъ не представляетъ собою законченной, замкнутой системы: онъ находится въ стадіи броженія. Главная характерная черта его метода, красной нитью связывающаго часто противорѣчивые тезисы, состоитъ въ томъ, что чело́вѣкъ со своими потребностями ставится исходнымъ началомъ всѣхъ интеллектуальныхъ и практическихъ цѣнностей. Нѣтъ ничего абсолютнаго, трансцендентнаго, сущаго an sich, независимо отъ чело́вѣческихъ интересовъ и цѣлей. Вся наша психическая жизнь заполнена усиліями, желаніями и стремленіями, дающими жизнь и направленіе мысли, назначеніе которой исчерпывается исключительно служеніемъ нашимъ замысламъ. Интеллектъ является орудіемъ воли, и все мышленіе есть процессъ, возникающій подъ давленіемъ психическихъ переживаній. Мысль и продуктъ ея, міросозерцаніе, суть отраженіе взаимодействія психическихъ состояній чело́вѣка,

¹⁾ У. Джемсъ. „Прагматизмъ—новое имя для нѣкоторыхъ старыхъ путей мысли“.

²⁾ Ф. Шиллеръ, „Этюды о гуманизмѣ“.

³⁾ Есть русскій переводъ.

и потому, какъ говоритъ Джемсъ, исторія философіи «въ большей мѣрѣ есть исторія извѣстныхъ столкновеній человѣческихъ темпераментовъ»¹⁾).

Миръ и факты окрашиваются въ соотвѣтствующія индивидуальности тона. «Какого бы темперамента ни былъ философъ по призванію, онъ, философствуя, пытается пропитать данный фактъ своимъ характеромъ»²⁾. Въ зависимости отъ этого Джемсъ раздѣляетъ людей на двѣ категоріи—на чутко, нѣжно-мыслящихъ (*tender-minded*) и жестко-мыслящихъ (*tough-minded*). Къ первымъ причисляетъ онъ рационалистовъ, идеалистовъ, оптимистовъ, религіозныхъ, волюнтаристовъ, монистовъ и догматиковъ; ко вторымъ—эмпириковъ, сенсуалистовъ, матеріалистовъ, атеистовъ, фаталистовъ, плюралистовъ и скептиковъ. Первые исходятъ изъ универсальныхъ положеній и спускаются къ частнымъ; вторые, наоборотъ, склонны къ индуктивному образу мышленія. Обѣ стороны относятся другъ къ другу, если не враждебно, то во всякомъ случаѣ съ нескрываемою ироніей; тѣ считаютъ этихъ грубыми, жестокими,—послѣдніе же называютъ первыхъ поэтами, сантиментальными и трусами. Съ своей стороны Джемсъ называетъ первыхъ интеллектуалистами, вторыхъ—эмпириками. Но тѣ и другіе односторонни: ученія ихъ въ отдѣльности, каждое само по себѣ, не въ состояніи удовлетворить насущнымъ потребностямъ человѣческой души. «За сто пятьдесятъ прошедшихъ лѣтъ прогрессъ науки явственно склонялся къ расширенію матеріальнаго космоса и къ умаленію человѣческаго достоинства. Въ результатѣ получился ростъ натуралистическихъ или позитивистскихъ настроеній. Человѣкъ по отношенію къ природѣ не законодатель, онъ скорѣе въ роли питомца, воспринимающаго (*absorber*). Природа стоитъ непоколебимо, и онъ принужденъ къ ней приспособляться. Предоставьте ему восхвалять, какъ бы это ни было безчеловѣчно, правду и подчиниться ей! Романтическіе порывы и храбрость исчезли, мечта матеріалистична и угнетена. Идеалы кажутся какъ бы инертнымъ и случайнымъ продуктомъ физиологіи»³⁾).

Не лучше обстоитъ дѣло, если обратиться въ сторону идеалистовъ. Вы освобождаетесь благодаря имъ отъ унижающаго

¹⁾ „Pragmatism“, 6.

²⁾ *Ibid.*, 7.

³⁾ „Pragmatism“, 16.

вась матеріализма, «но вы платите за ваше избавленіе потерю сообщенія съ конкретными сторонами жизни. Большая часть абсолютистовъ-философовъ обитаетъ на такой высотѣ абстрактной мысли, что они никогда не считаютъ нужнымъ спуститься внизъ» ¹⁾. Они создаютъ міръ, говоритъ Джемсъ, путемъ мышленія. Чистая мысль всемогуща и въ состояніи создавать и разрушать міры. Въ такой концепціи человѣкъ не находитъ точки опоры, онъ испытываетъ головокруженіе и чувствуетъ себя затеряннымъ въ хаосѣ міровъ, готовыхъ каждую минуту исчезнуть. Ни абсолютъ, ни Богъ—не въ состояніи предохранить отъ катаклизма, ибо оба понятія суть продукты рационалистическаго мышленія и въ равной степени оказываются непостижимыми и чуждыми человѣческому разумѣнію. Требуется философія, которая бы не только упражнялась въ интеллектуальныхъ абстракціяхъ, но и могла установить реальные соотношенія между внѣшнимъ міромъ и интересами людей.

Матеріалисты предлагаютъ факты, но безъ идеаловъ; идеалисты—идеалы, но безъ фактовъ: ни то, ни другое, взятое отдѣльно, недостаточно для всесторонняго удовлетворенія человѣка. И потому Джемсъ, обращаясь къ своей аудиторіи, восклицаетъ: «я предлагаю предметъ, неудачно названный прагматизмомъ, какъ философію, могущую удовлетворить обоимъ родамъ требованій. Она можетъ остаться религіозной, подобно рационализму, но въ то же время, подобно эмпиризму, она въ состояніи поддержать совершенную близость къ фактамъ» ²⁾.

Прагматическій методъ есть прежде всего способъ упорядоченія метафизическихъ диспутовъ, которые иначе были бы нескончаемы: Есть ли міръ единство или множество? Управляется ли рокомъ или онъ свободенъ? Матеріаленъ или духовенъ? Споры относительно такихъ понятій не приводятъ ни къ чему. И Джемсъ говоритъ: «прагматическій методъ въ такихъ случаяхъ пытается истолковать каждое понятіе, идя по слѣдамъ его соотвѣтствующихъ практическихъ результатовъ. Что за разница произошла бы, если скорѣе это, чѣмъ то, понятіе было бы истиною? Если невозможно отмѣтить какой бы то ни было практической разницы, альтернативы тогда означаютъ практически одну и ту же

¹⁾ Ibid., 19.

²⁾ „Pragmatism“, 33.

вещь, и споръ празденъ. Всякій разъ, когда споръ серьезенъ, мы должны быть въ состояніи показать нѣкоторую практическую разницу, которая должна послѣдовать, если та или другая сторона права» ¹⁾. Понятія, не имѣющія по своимъ послѣдствіямъ никакихъ отношеній къ нашимъ требованіямъ и цѣлямъ, оставаясь отвлеченными съ точки зрѣнія притязаній жизни, не могутъ быть предметомъ нашего вниманія: они представляютъ собою лишній балластъ для нашего мышленія.

Прагматизмъ сохраняетъ въ философіи позицію эмпиризма, но, какъ говоритъ Джемсъ, «вдвойнѣ, въ болѣе радикальной и въ менѣе предосудительной формѣ, чѣмъ это когда-либо предполагалось. Прагматизмъ рѣшительно и разъ навсегда поворачивается спиной къ кучѣ устарѣлыхъ привычекъ, столь дорогихъ профессиональнымъ философамъ. Онъ отворачивается отъ абстракцій и ненадежныхъ положеній, отъ словесныхъ рѣшеній, отъ вредныхъ апіорныхъ аргументовъ, отъ неподвижныхъ принциповъ, замкнутыхъ системъ, псевдо-абсолютовъ и первоначалъ. Онъ обращается къ конкретнымъ и измѣримымъ вещамъ, къ фактамъ, къ дѣйствию и силѣ» ²⁾. Ему ненавистны догматизмъ и манерничанье рационалистовъ. Всѣ эти—Субстанція, Разумъ, Богъ, Абсолютъ, Энергія и т. д., при прикосновеніи къ нимъ ножа прагматическаго анализа, исчезаютъ безслѣдно, какъ призраки. Прагматическій методъ заставляетъ искать въ такихъ словахъ ихъ наличную цѣнность (cash-value), онъ заставляетъ ихъ работать въ потокѣ опыта. Прагматизмъ не столько разрѣшеніе проблемъ, сколько программа для работы и, въ особенности, указаніе способовъ, которыми существующія реальности могутъ быть измѣняемы. «Теоріи дѣлаются такимъ образомъ орудіями, а не отвѣтами на загадки». Прагматизмъ предъявляетъ къ концепціямъ одно требованіе: онѣ должны практически работать; онѣ—орудія, съ помощью которыхъ человѣкъ долженъ расширять опытъ и совершенствоваться тѣмъ свою жизнь. Безъ этого понятія бесполезны и непродуктивны. «Прагматизмъ отнимаетъ отъ нашихъ теорій ихъ чопорность, дѣлаетъ ихъ гибкими и направляетъ каждую къ работѣ» ³⁾.

Но было бы ошибочно утверждать, что прагматизмъ совер-

¹⁾ „Pragmatism“, 45.

²⁾ Ibid., 51.

³⁾ „Pragmatism“, 53.

шенно враждебенъ по отношенію къ отвлеченнымъ вопросамъ. Онъ ихъ принимаетъ, если съ ихъ помощью открывается путь къ частнымъ вещамъ, если они, такимъ образомъ, работаютъ (work). Ему не важны словесные выводы: прагматизмъ налегаетъ, главнымъ образомъ, на практическую плодотворность понятій. Абстракціи, отвѣчающія извѣстнымъ потребностямъ, полезны. Существуетъ обширный классъ людей, нуждающихся въ такихъ абстракціяхъ, которыя приносятъ имъ опредѣленное утѣшеніе и моральный отдыхъ; поскольку такія абстракціи выполняютъ это, постольку прагматизмъ ихъ признаетъ. «Какъ только оно (абсолютное) доставляетъ отраду, оно несомнѣнно, небезплодно; оно обладаетъ опредѣленной цѣнностью; оно исполняетъ конкретную функцію» ¹⁾. То же самое и съ религіозными понятіями. «Если теологическія идеи доказываютъ свою цѣнность для конкретной жизни, онѣ будутъ для прагматиста въ той мѣрѣ истинны, въ какой онѣ выполняютъ свою цѣнность» ²⁾. Никакая мысль не должна быть отвергнута, пока не убѣдятся въ ея бесплодности. Всѣ теоріи для провѣрки своихъ правъ на существованіе должны доказать своими результатами свою пригодность къ жизни. Въ этомъ отношеніи прагматизмъ терпимъ: онъ не имѣетъ ничего предвзятого, никакихъ догматовъ, кромѣ стремленія споспѣшествовать интересамъ жизни. Всѣ работающіе на пользу человѣчества, на какихъ бы разнообразныхъ поприщахъ ни подвизались—должны пользоваться этимъ методомъ, который лежитъ, какъ сказалъ молодой итальянскій прагматистъ Раріпі, «посреди нашихъ теорій, подобно коридору въ отелѣ. Безчисленныя комнаты выходятъ въ него. Въ одной—вы можете найти человѣка, пишущаго атеистическую книгу; въ ближайшей комнатѣ—нѣкто на колѣняхъ молить о вѣрѣ и силѣ; въ третьей—химикъ изслѣдуетъ свойства тѣла; въ четвертой—вымышляется система идеалистической метафизики; въ пятой—доказывается ея несостоятельность. Но всѣмъ этимъ людямъ принадлежитъ этотъ коридоръ, и каждому изъ нихъ, чтобы попасть въ свою комнату или уйти изъ отеля, нужно проходить по корридолу» ³⁾. Этотъ единственный путь—корридолъ необходимъ для всѣхъ тружениковъ, воодушевленныхъ благомъ человѣчества. Они всѣ

1) Ibid, 73.

2) „Pragmatism“, 73.

3) „Pragmatism“, 54.

должны помнить, что, главнымъ образомъ, обогащаютъ жизнь не первоначала, принципы, категоріи, а «конечныя вещи, результаты, послѣдствія и факты» ¹⁾.

Въ нашемъ мышленіи всегда имѣются понятія, и нашъ насущный интересъ заключается въ томъ, чтобы имѣть критерій, опредѣляющій годность или негодность понятія и дающій намъ указанія относительно достовѣрности какой-либо концепціи. Передъ нами встаетъ вопросъ, что такое вѣрное, истинное понятіе, что такое истина?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, прагматизмъ пытается выяснить отношеніе логики къ психологіи.

Опытъ исторіи показалъ намъ неустойчивость нашихъ понятій. Мышленіе наше не есть непогрѣшимый въ своей истинности факторъ: оно подвержено случайнымъ вліяніямъ и, постоянно приспособляясь и исправляя свои ошибки, измѣняетъ свое содержаніе. Мнѣніе интеллектуалистовъ, что мышленіе имѣетъ свою сферу, независимую отъ человѣческой психики, произвольно. Мышленіе не механической процессъ, какъ, напр., тяготѣніе; оно не носитъ въ себѣ специфическаго интереса—*sui generis*, но связано генетически и телеологически съ эмотивной стороной человѣческой психики.) Каждая мысль носитъ въ себѣ цѣль и стремленіе къ удовлетворенію замысловъ, вызвавшихъ ее на порогъ сознанія. Прагматическая логика не можетъ найти доводовъ за причисленіе познавательныхъ процессовъ къ какому-то особому міру, независимому отъ міра человѣческихъ потребностей. Она считаетъ себя дочерью психологіи: она вышла изъ нѣдръ человѣческихъ инстинктовъ, чувствъ, желаній и цѣлей. И если путемъ отбора она сдѣлалась отдѣльной дисциплиной, тѣмъ не менѣе основанія ея принциповъ остаются строго психологическими. «Самыя фундаментальныя концепціи Логики, вродѣ «необходимости», «увѣренности», «самоочевидности» и «истинности» суть первоначально виды процессовъ, представляющихъ собою не что иное, какъ психическіе факты. Нераздѣльно сопровождаются онѣ особенными психическими чувствованіями. Что называется ихъ «строго-логическое» значеніе связано съ ихъ психологической сущностью, и если когда-либо эта связь на дѣлѣ разрывается, ихъ смыслъ просто исчезаетъ» ²⁾. Указывая

¹⁾ Ibid., 55.

²⁾ Schiller, „St. in Humanism“, 83.

на психологическую подкладку концепции «несомнѣнности» или «увѣренности» (certainty), которымъ обыкновенно приписывается исключительное логическое значеніе, Шиллеръ говоритъ, что «логическая увѣренность совершенно связана съ психологической увѣренностью» 1).

Основные логическія функціи, какъ, напр., подразумѣваніе, пониманіе, различеніе, отождествленіе, сужденіе и заключеніе суть психологическіе процессы и не имѣютъ ничего общаго съ *idées pures*. Это все постулирующія операции, на основаніи извѣстнаго опыта, вселяющія въ насъ увѣренность въ вѣроятную безошибочность ихъ выводовъ; но строго «логической» необходимости въ нихъ нѣтъ. Возьмемъ логическій принципъ тождества: онъ не болѣе, какъ постулатъ, полезный и желательный во многихъ случаяхъ. Этотъ постулатъ является результатомъ не столько небрежности съ нашей стороны или невнимательности по отношенію къ находящимся въ «тождественныхъ» вѣщахъ различіямъ, какъ, говоря словами Шиллера, «онъ (постулатъ)—сознательный актъ телеологическаго мышленія, совершаемаго вопреки замѣченному различіямъ» 2).

Теорія чистой мысли не объясняетъ намъ ясно происхожденія логическихъ аксіомъ: онѣ намъ даны изъ какой-то надзвѣздной сферы и глухи къ нашимъ нуждамъ и чувствамъ.

Но вѣрно ли, что мы достигаемъ истины, лишь подавляя въ себѣ стремленія и желанія? «Возьмемъ обыденный аргументъ: этотъ міръ—нехорошъ, поэтому долженъ быть лучший. Это поκειται на желаніи добра и на постулатѣ совершенства. Если постулированіе вообще негодно, и желаніе является только препятствіемъ къ достиженію истины, ясно слѣдуетъ, что этотъ аргументъ безнадежно алогиченъ, что и согласно съ постояннымъ утвержденіемъ интеллектуалистовъ-логиковъ. Скверный міръ есть логическая очевидность противъ, а не за осуществленіе лучшаго». 3) Прагматическій методъ протестуетъ противъ такой абстрактной и апіорной спекуляціи и кладетъ въ основу свою, что сужденіе тогда хорошо, когда оно направляетъ насъ на вѣрный путь и дѣлаетъ насъ способными открывать желательныя для насъ вещи. Побуждаемое желаніями нашими су-

1) Schiller, „St. in Humanism“, 84.

2) Schiller, „St. in Humanism“, 85.

3) Ibid., 91.

ждение становится для насъ большей частью весьма полезнымъ, ибо «оно можетъ побуждать къ болѣе активному освѣдомленію, къ болѣе проникающему наблюденію, къ болѣе настойчивому экспериментированію. Логикъ, объявляющій *de non apparentibus et non existentibus eadem est ratio*, отказывающійся искать то, что ему надобно, только по той причинѣ, что онъ этого не видитъ, не стремящійся по ту сторону кажущагося,—откровенно говоря, глупецъ» ¹⁾).

Значеніе логики, какъ необходимаго фактора для нашего поведения, не отрицается прагматизмомъ. Логика приноситъ намъ неоцѣнимую услугу своей функціей оцѣнки, провѣрки и сличенія фактовъ, но ея претензія быть послѣдней, неизмѣнной инстанціей въ руководствѣ нашей судьбой не можетъ считаться заслуживающей уваженія. Логика тѣсно связана съ нашей психической жизнью, лишь изъ нея черпаетъ она свое содержаніе. Въ отличіе отъ описательной психологіи, логика—дисциплина нормативная; ея постулаты суть нормы для оцѣнки нашего опыта, но нормы, надо не забывать, не вѣчныя, не абсолютныя, но такія, использование которыхъ должно сопровождаться всегда сознаніемъ ихъ относительной годности и временной примѣнимости, какъ полезныхъ, но не вполнѣ надежныхъ инструментовъ. Потребуется поколѣніе или два философовъ, говоритъ Шиллеръ, «чтобы убѣдиться, что существенныя функціи обобщеній—это примѣненіе ихъ къ частностямъ, что онѣ дѣйствительно вѣрны лишь потому и тогда, когда онѣ употребляются; что ихъ отвлеченіе, поэтому, отъ времени, мѣста и индивидуальности только поверхностно и иллюзорно и что, коротко, онѣ—инструменты для контроля и усовершенствованія человѣческаго опыта» ²⁾).

Если логика отрѣшится отъ интеллектуалистическихъ предразсудковъ и будетъ работать рука объ руку съ психологіей, первой ея задачей тогда окажется опредѣленіе понятія истины.

Что такое истина? Въ средѣ психическихъ явленій существуютъ, какъ эмпирическіе факты, правдивыя утвержденія, ошибки и, такъ называемыя, притязанія на истину (*claims to truth*). Какой методъ долженъ примѣняться логикой для различенія этихъ ка-

¹⁾ „Studies in Humanism“, 92.

²⁾ „St. in Humanism“, 113.

тегорій? Говорятъ, истина должна соотвѣтствовать дѣйствительности; знаніе, представляющее какъ бы умственную копию реальныхъ фактовъ, есть истина. Но это опредѣленіе не выдерживаетъ никакой критики, ибо всякое представленіе какого-либо факта есть лишь его аббревіатура; адекватнымъ же познаніемъ факта мы будемъ владѣть тогда, если намъ окажется доступной абсолютная его сущность. Можемъ ли мы обольщаться такой увѣренностью? Не будетъ ли поэтому всякое утвержденіе неполнымъ, приблизительнымъ? Тѣмъ не менѣе, опредѣленіе вещей необходимо: мы должны знать, насчетъ чего мы споримъ. Многія истины, какъ насъ учитъ опытъ науки и мышленія, оказались несостоятельными вполнѣдствіи, и мы, поэтому, прежде чѣмъ присвоить какому-нибудь понятію этотъ почетный терминъ, должны относиться съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ къ каждому притязанію на истину, и сохранять его лишь за тѣми понятіями, которыя достойны его. Принимая во вниманіе, что каждое утвержденіе заключаетъ въ себѣ притязаніе на истину, наша осмотрительность должна усугубиться. Формальная логика не отвѣчаетъ на вопросъ, „какъ принятая истина можетъ быть отличима отъ простаго притязанія, и какимъ образомъ это послѣднее можетъ сдѣлаться годнымъ“. 1) Она оказывается въ этомъ отношеніи безсильной: она оперируетъ надъ познавательными актами, независимо отъ ихъ конкретной приложимости. «Она разсматриваетъ значеніе какого-нибудь предложенія, какъ нѣчто ему свойственное, вродѣ формы словъ, отдѣльно отъ ихъ употребленія». 2) Но понятія или предложенія, разсматриваемыя и употребляемыя внѣ ихъ отношеній къ фактамъ, къ намѣреніямъ, въ нихъ заключающимся, теряютъ свой смыслъ, ибо всякое значеніе ихъ носитъ извѣстное отношеніе къ дѣйствительности; каждое понятіе въ этомъ отношеніи телеологично, въ немъ заключается намѣреніе высказать это отношеніе къ реальному міру, которое насъ интересуетъ. На каждое понятіе возлагается, такимъ образомъ, ожиданіе: оно должно содѣйствовать намъ въ выясненіи нашего положенія въ космосѣ. Отвѣчаютъ его функции возложеннымъ на него ожиданіямъ — оно принимается въ инвентарь годнаго мышленія, иначе оно отбрасывается. Оцѣнка

1) Ibid., 148.

2) „St. in Humanism“, 149.

этихъ функцій и придаетъ понятіямъ большую или меньшую степень истинности. Истина, слѣдовательно, говоритъ Шиллеръ, «есть форма цѣнности, а логическое сужденіе—оцѣнка; но мы еще не подняли вопроса, что побуждаетъ насъ къ установленію или опроверженію этой цѣнности, каковы наши руководящіе принципы въ оцѣнкѣ нашего опыта. Отвѣтъ на этотъ вопросъ вводитъ насъ прямо въ сердце прагматизма. Сверхъ того, отвѣтъ на этотъ вопросъ есть прагматизмъ и даетъ объясненіе тому, на какомъ основаніи прагматизмъ заявляетъ о владѣніи имъ критеріемъ истинности. Ибо прагматизмъ утверждаетъ, что онъ имѣетъ простой отвѣтъ, открытый для наблюденія и легко проверяемый. Онъ просто предлагаетъ намъ пойти къ фактамъ и наблюдать активныя операціи нашего знанія. Если только мы такъ поступимъ, мы откроемъ, что во всемъ активномъ знаніи вопросъ, истинно утвержденіе или нѣтъ,—рѣшается однообразно и просто. Это рѣшается по его послѣдствіямъ, его поведеніемъ по отношенію къ интересу, побудившему къ утвержденію; его отношеніемъ къ намѣренію, поставившему вопросъ. Излишне добавлять къ этому, что послѣдствія должны быть хороши. Ибо поскольку утвержденіе удовлетворяетъ или споспѣшествуетъ цѣли изслѣдованія, которой оно обязано своимъ существованіемъ, постольку оно истинно; если оно противорѣчитъ или не оправдываетъ ее—оно непроизводительно, бесполезно и фальшиво. И «истинное», и «ложное», мы видѣли, суть интеллектуальныя формы добра и зла. Другими словами, истина есть то, что полезно для созданія науки; ложь—что бесполезно или вредно для той же цѣли. Наука подобно этому хороша, если вноситъ гармонію въ нашу жизнь; если она этого не достигаетъ это псевдонаука или забава» ¹⁾).

Опредѣляется поэтому правильность или ложность какового-нибудь отвѣта на задачу лишь вліяніемъ его на изслѣдованіе, въ которомъ заинтересованы наши замыслы. Истинность отождествляется здѣсь съ благомъ, съ пользой.

Но благо истины можетъ оказаться, какъ мы то видимъ въ обыденной жизни, въ противорѣчій по отношенію къ жизненнымъ интересамъ отдѣльнаго индивида, и тутъ Шиллеръ добавляетъ: «...—когда мы сказали, что истина оцѣнивается по сво-

1) „Studies in Humanism“, 154.

имъ послѣдствіямъ для какой-либо цѣли, мы постоянно имѣли въ виду социальный характеръ истины и совершенно въ общемъ смыслѣ» ¹⁾.

Прагматизмъ не упускаетъ изъ виду, что такое опредѣленіе истины относительно: она зависитъ скорѣе отъ ближайшей, непосредственной цѣли, чѣмъ отъ конечнаго идеала, на который она должна походить. Такое опредѣленіе несомнѣнно лишаетъ истину ея ореола, ея непоколебимой, казалось, авторитетности.

Она вѣрна, пока обслуживаетъ какую-нибудь цѣль, и можетъ быть отставлена, если окажется истина, полнѣе отвѣчающая тому же назначенію. Это не должно насъ смущать, «...время, быть можетъ, перестать сѣтовать на то, что истина, способная совершенствоваться и расти, поэтому не абсолютно вѣрна и—нѣчто ложное, достойное презрѣнія» ²⁾. Абсолютной истиной мы никогда не будемъ владѣть; человѣческая же истина является просто ступеню, по которой мы взбираемся къ высшимъ истинамъ.

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что истина есть логическая цѣнность, а притязаніе на нее—притязаніе на владѣніе такою цѣнностью. Оцѣнка такихъ притязаній (claims) производится прагматическимъ путемъ, т.-е. дѣйствіемъ ихъ результатовъ на силу ранѣ установленной истины. Удалось такому притязанію всецѣло разрушить предшествовавшую истину, оно приобрѣтаетъ характеръ значительной, вѣской истины. Поколебало оно лишь прежнюю истину, но не уничтожило совсѣмъ,—степень истинности обонхъ утверженій менѣе значительнаго характера. Такимъ образомъ, возникаютъ разнообразнѣйшіе оттѣнки истинъ, начиная «съ той смиренной, которая удовлетворяетъ какой-нибудь цѣли, хотя бы она была низкой цѣлью нѣкоего подчиненнаго предмета, и кончая тѣмъ неисповѣдимымъ идеаломъ, который удовлетворялъ бы всякой цѣли и объединилъ бы всѣ старанія» ³⁾.

Пока же тотъ идеаль недостижимъ, и намъ остается пользоваться временными истинами, которыя насколько могутъ, приносить немалую пользу. Какъ говоритъ Джемсъ, «правды живутъ

¹⁾ Ibid., 155.

²⁾ „Studies in Humanism“, 156.

³⁾ Ibid., 158.

на дѣлѣ, большей частью, по кредитной системѣ. Наши мысли и увѣренности циркулируютъ, пока ничто не воспрепятствуетъ этому, подобно тому, какъ пребываютъ въ обращеніи банковскія ассигнаціи, пока кто-нибудь не отказывается отъ нихъ» ¹⁾.

Мы считаемся съ истиной въ той мѣрѣ, въ какой мы ею пользуемся, и готовы отказаться отъ нея, въ случаѣ неуспѣшнаго ея функционированія. «Система Птоломея, пространство Эвклида, логика Аристотеля, схоластическая метафизика были достаточны на протяженіи вѣковъ, но человѣческой опытъ переломился черезъ эти границы, и теперь мы называемъ эти понятія лишь относительно истинными или истинными въ предѣлахъ этого опыта» ²⁾.

Итакъ, истины не существуютъ какъ извѣчныя, невѣдомой силой поставленныя царить надъ человѣческимъ міромъ, но онѣ дѣлаются, и дѣлаются людьми. Вопросъ, какъ притязанія возводятся въ степень истины, и какъ эта послѣдняя отличается отъ заблужденія, представляетъ прагматическую *par excellence* проблему дѣланія истинъ (*the making of truths*), рѣшаемую прагматической точкой зрѣнія, а именно: въ претензій на истину нѣтъ ничего имманентнаго, что говорило бы намъ объ ея истинности; оцѣнка производится лишь по ея послѣдствіямъ. Истина дѣлается во время непрерывнаго опыта, къ которому побуждаютъ насъ интересы и стремленія наши. Знаніе растетъ въ объемѣ и истинности путемъ успѣшной провѣрки старыхъ знаній и ассимиляціи свѣжаго научнаго матеріала. Этотъ послѣдній не только воспринимается, но и активно работаетъ: онъ, сливаясь и дополняя, измѣняетъ старыя системы, которыя укрѣпляются и расширяютъ размѣръ своихъ функций. Онѣ, можно было бы сказать, дѣлаются болѣе организованными и связными (*coherent*), но это не отвѣчаетъ дѣйствительности, ибо «связность» и «организованность» — лично наши понятія и относятся къ нашимъ цѣлямъ: это мы судимъ насчетъ значимости этихъ понятій. И то, что мы въ нихъ постигаемъ, — это споспѣшествованіе ими нашимъ замысламъ; это ихъ продуктивность въ смыслѣ гармонированія нашего опыта» ³⁾. Что касается истинъ а ргіогі,

¹⁾ „Pragmatism“, James, 207.

²⁾ *Ibid.*, 223.

³⁾ „Studies in Humanism“, 195.

онѣ могутъ считаться, какъ и всѣ истины, постулатами, подлежащими контролю и использованію для того, чтобы получить право на обращеніе.

Лежитъ ли въ сдѣланныхъ прагматическимъ путемъ истинахъ несозданное, несдѣланное людьми ядро абсолютной, трансцендентной истины, —этотъ вопросъ не можетъ быть принятъ прагматизмомъ, ибо онъ не разрѣшимъ. Несправедливо ожидать отъ прагматизма разрѣшенія затрудненія, стоящаго предъ лицомъ всѣхъ теорій познанія. Въ нихъ, во всѣхъ—начало познанія окутано тайной, которая угнетаетъ прагматизмъ въ меньшей степени, чѣмъ его соперницъ, ибо онъ—не ретроспективная теорія. Значеніе прагматизма не столько въ объясненіяхъ прошлаго, сколько въ попыткѣ опредѣлить отношеніе настоящаго момента къ будущему. Прошлое умерло, оставивъ намъ въ наслѣдіе множество фактовъ. Но не эти послѣдніе захватываютъ наше вниманіе; «...что насъ дѣйствительно побуждаетъ знать—это, какъ дѣйствовать въ виду будущаго» ¹⁾).

Дѣланіе истины влечетъ необходимо за собой *ipso facto* и дѣланіе дѣйствительности (*the making of reality*). Въ самомъ дѣлѣ, если наши познавательные процессы исходятъ изъ субъективныхъ интересовъ, опредѣляющихъ направленіе ихъ мысли, ясно, что если мы не будемъ стремиться, не будемъ искать—мы не найдемъ и не откроемъ реальныхъ вещей, которыхъ мы не искали. «Онѣ, вслѣдствіе этого будутъ отсутствовать на нашей картинѣ міра и пребудутъ несуществующими для насъ. Чтобы сдѣлаться для насъ реальными, онѣ должны ранѣе сдѣлаться гипотетически реальными предметами интереса; а какъ такое дѣланіе объектовъ интереса совершенно въ нашей волѣ, то, въ полномъ значеніи этого слова, ихъ открытіе есть дѣланіе дѣйствительности» ²⁾). Наши идеи, увѣренности, желанія etc., будучи существенными и необходимыми элементами нашего знанія, преобразовывающаго въ дѣйствительности нашъ опытъ, должны разсматриваться, какъ реальныя силы, которыя не должны упускаться изъ виду философской мыслью. Онѣ измѣняютъ дѣйствительность; за примѣромъ недалеко ходить: «реальности культурной жизни суть воплощенія идей и желаній цивилизованнаго

¹⁾ Ibid, 198.

²⁾ „Studies in Humanism“, 199.

Вопросы философіи, кн. 99.

человѣка» ¹⁾. Мiръ можетъ быть разсматриваемъ, какъ отраженiе нашихъ интересовъ въ жизни: онъ есть то, что мы и наши предки мудро или наивно искали и научились творить, соразмѣрно нашей наукѣ и силѣ.

Однако, субъективное толкованiе генезиса истины и дѣйствительности сопровождается затрудненiемъ, ибо дѣланiе истинъ и реальныхъ вещей предполагаетъ извѣстное принятiе факта, которое, хотя какъ гласитъ слово «принятiе»—волевого характера, все же скрываетъ глухое начало, предсуществовавшее до того момента, какъ мы открыли вещь. Каждый фактъ имѣетъ двоякое значенiе. Въ болѣе широкомъ смыслѣ фактъ есть каждая вещь, которая дѣйствуетъ, включая сюда и функции воображенiя, иллюзий, сновидѣнiй и галлюцинацiй. Въ этомъ смыслѣ фактъ предшествуетъ различенiю между явленiями и дѣйствительностью. «Чтобы отличить его, мы назовемъ его первичной дѣйствительностью (*primary reality*). Ея существованiе, въ важномъ значенiи слова, неотрицаемо; ибо она—точка отправленiя и конечный пробный камень всѣхъ нашихъ теорiй дѣйствительности, наталкивающихъ лишь на ея метаморфозы» ²⁾. Эта *primary reality* можетъ быть названа независимой отъ насъ, если это кому-либо удобно; мы, конечно, не сдѣлали ее, но нашли. Нашли же ее неудовлетворяющей насъ, почему она и подверглась нашему воздействию. Она поэтому не можетъ считаться реальнымъ фактомъ или дѣйствительностью, ибо она, сама въ себѣ—хаосъ, сырой материалъ, вещество, изъ котораго реальный мiръ лишь дѣлается нами. Она нуждается въ нашей обработкѣ, которая путемъ отбора и оцѣнки отдѣляетъ «реальное» отъ «нереального»; «лишь послѣ того, какъ такiе процессы работали надъ «*primary reality*», обнаруживается различiе между просто явленiемъ и дѣйствительностью» ³⁾. Смѣшивать послѣднiя два понятiя невозможно. Лишь послѣднее—реальность, ибо опытъ нашъ имѣетъ дѣло не съ хаотическимъ, аморфнымъ материаломъ, но съ уже переработаннымъ силой нашихъ познавательныхъ актовъ, побуждаемыхъ при этомъ къ тому нашими волевыми импульсами. Эта реальность, такимъ образомъ, наше активное творчество.

Реальность инертна: она подобна древнему оракулу не отвѣ-

¹⁾ „*Studies in Humanism*“, 199.

²⁾ *Ibid.*, 187.

³⁾ „*St. in Humanism*“, 187.

чаетъ, пока къ ней не обратятся съ вопросомъ. Чтобы получить отвѣтъ, мы стараемся использовать всѣ средства, находящіяся въ нашемъ распоряженіи; этимъ самымъ мы творимъ, пробуемъ къ жизни несуществовавшія до того для нашего сознанія потенціи. Въ единомъ процессѣ мы творимъ истины и съ ними реальный міръ; въ этомъ актѣ творчества захвачена вся наша организація, всѣ наши желанія, замыслы и стремленія. Такимъ образомъ зависимость реального міра отъ нашей воли дѣлается ясной. Дѣйствительность не есть фактъ *an sich*, предсуществующій нашему сознанію. Она есть фактъ «въ познаніи, туда непосредственно вносимый или удаляемый изъ него дѣйствіемъ нашей мысли. Поэтому проблема познанія состоитъ не въ томъ, какъ можетъ мысль породить истину относительно дѣйствительности. Скорѣе—какъ можемъ мы лучше описать непрерывный познавательный процессъ, создающій наши системы истинъ и способствующій приобрѣтенію нами дѣйствительности?»¹⁾

Прагматизмъ является не только генетической теоріей истины, но и генетической теоріей мірозданія. Внѣшній міръ *im Werden*: онъ дѣлается и передѣлывается, онъ пластиченъ. Пластичность же эта создается нами. Вновь открытые факты обогащаютъ наше знаніе, которое въ дѣйствительности «всегда измѣняетъ познающаго; а какъ этотъ—реаленъ и часть реального міра, то этотъ послѣдній на самомъ дѣлѣ измѣняется»²⁾. Подъ вліяніемъ новыхъ истинъ поведеніе наше получаетъ другое направленіе, и въ ходъ космическихъ событій вводится элементъ вариантовъ. Актъ познанія не потому способенъ измѣнить дѣйствительность, что онъ представляетъ собою лишь явленіе чистаго интеллекта. «Въ прагматической концепціи—знаніе есть вступленіе къ акту»³⁾,

Что называется только знаніемъ—есть лишь отрывокъ сложнаго процесса, въ интегральномъ состояніи своемъ разрѣшающагося въ дѣйствіи. Вліяніе наше распространяется не только на живыя существа, но и на физическій міръ. Ошибочно сказать, что неодушевленные вещи не замѣчаютъ нашего знанія и не измѣняются имъ. Онѣ реагируютъ на мыслительныя операціи въ той мѣрѣ, въ какой онѣ ими захватываются. «Что онѣ не отвѣчаютъ болѣе разумно (*intelligently*) и, поэтому, названы нами

1) *Ibid.*, 426.

2) „*Studies in Humanism*“, 439.

3) *Ibid.*, 440.

исодушевленными—обязано ихъ громадной духовной отчужденности отъ насъ или, быть можетъ, нашей неспособности ихъ понимать, нашей неловкости и недостатку сноровки въ нашихъ манипуляціяхъ, что не даетъ этимъ неодушевленнымъ вещамъ случая развернуть ихъ психическую природу» ¹⁾. Но пластичность ихъ, какъ и всего космоса, очевидна. Если существуютъ факты, поддающіеся нашему вліянію, на ряду съ фактами, кажущимися неизмѣняемыми,—все же прагматическая теорія пластичности не можетъ быть отвергнута, ибо эти неизмѣняющіяся вещи требуютъ еще нашего акта для ихъ болѣе полного уразумѣнія, и тогда ихъ пластичность возникнетъ параллельно съ ростомъ нашей правды о нихъ: «...даже если бы мы могли какъ-нибудь узнать неэмпирически и а priori, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ міръ совершенно неподатливъ, мы не могли бы пользоваться такимъ знаніемъ, ибо мы не знали бы, что означаютъ эти пункты» ²⁾.

Эта теорія пластичности вызываетъ конфликтъ съ научной концепціей детерминизма. Основы физическаго міра кажутся потрясенными. Дѣйствительно, если вещи пластичны и силой нашего воздѣйствія измѣняются,—всѣ правильности, всѣ закономерности исчезаютъ и уступаютъ мѣсто произволу случая. Явленія могутъ подвергаться превращеніямъ вопреки всякимъ космическимъ законамъ. Прагматизмъ смѣло подходитъ къ этому конфликту. Детерминизмъ, говоритъ онъ, разсматриваетъ научные постулаты, какъ выраженіе высшей истины. На пунктахъ все сводится къ благоговѣйной надеждѣ: «Если бы я узналъ всѣ прецеденты, я могъ бы высчитать всѣ послѣдствія»,—что скорѣе стремленіе и желаніе, чѣмъ позитивное положеніе. Детерминистъ долженъ помнить, что весь ходъ явленій никогда не будетъ имъ *de facto* высчитанъ, вслѣдствіе чего онъ, какъ и волюнтаристъ, могутъ, не грѣша противъ логики, сойтись на мысли, что случайности возможны. Нѣтъ у нихъ обоихъ практическаго доказательства обратнаго. Такимъ образомъ, прагматически разнища между ихъ теоріями исчезаетъ.

Исходя изъ этихъ соображеній, прагматизмъ устанавливаетъ примиряющую теорію детерминованнаго индетерминизма.

¹⁾ Ibid. 444.

²⁾ „Studies in Humanism“, 445.

Если, говоритъ онъ, детерминисты утверждаютъ, что «свободные» акты vyplываютъ изъ даннаго положенія, и альтернативы существуютъ для каждаго разума при данныхъ условіяхъ,—не слѣдуетъ ли, что какая бы альтернатива ни была выбрана, она всегда будетъ находиться въ связи съ предшествовавшими обстоятельствами? Здѣсь не будетъ никакого перерыва, пробѣла въ связной цѣпи явленій. Если наши цѣли или желанія побуждаются соотвѣтствующими условіями, можно сказать, что другого хода вещей не могло быть; но это—заблужденіе. Альтернатива, будучи принятой, покажется одинаково разумной, ибо, въ дѣйствительности, она была порождена предшествовавшими ей событіями. Детерминистъ пріобрѣтаетъ увѣренность въ предвидѣніи хода вещей лишь *ex post facto*, послѣ того, какъ цѣлый рядъ событій совершился на его глазахъ и привелъ его къ опредѣленному заключенію. Онъ можетъ утверждать, что извѣстный рядъ явленій приводитъ къ извѣстному результату. Но это лишь теорія: практически нашъ детерминистъ не въ состояніи высчитать заранѣе, пройдетъ ли еще разъ этотъ рядъ явленій въ прежнемъ порядкѣ, ибо разнообразіе возможностей, могущихъ измѣнить этотъ рядъ и тѣмъ привести къ другому результату, неисчислимо. Чтобы не быть нескромнымъ, детерминистъ долженъ «въ силу недостаточнаго знанія отвергнуть возможность предсказанія и тѣмъ избѣгнуть опроверженія» ¹⁾).

Альтернативы причинно связаны съ antecedентами и въ то же время способствуютъ индетерминизму природы, ибо каждый ходъ вещей, выражающійся въ альтернативахъ, возможенъ и тѣмъ обуславливаетъ другое теченіе явленій. Если свойство вещей таково, что при варіаціи условій, онѣ создаютъ альтернативы, онѣ этимъ самымъ порождаютъ множество разумныхъ возможностей «и выборъ между ними создаетъ реальную свободу» ²⁾). Физіономія міра не единственно возможная: міръ съ такимъ же правомъ могъ бы, въ зависимости отъ другой альтернативы, быть другимъ. И прагматизмъ задаетъ вопросъ: почему альтернативы, кажущіяся дѣйствительными, должны считаться нереальными? Потому что утвержденіе о нихъ связано съ отрицаніемъ возможности науки? Но ей ничто не грозитъ: «методологическіе

1) „St. in Humanism“, 404.

2) Ibid., 405.

постулаты, какъ таковыя, не могутъ быть опровержимы; они могутъ лишь выйти изъ употребленія» ¹⁾). Почему намъ не принять, какъ фактъ, эмпирическую реальность психологическаго индетерминизма, слѣдую призыву нашего непосредственнаго сознанія, подсказывающаго намъ свободу? «Здѣсь есть постоянный рискъ принимать вѣроятность, какъ нѣчто, содержащее высшую правду. Но это не такъ вредно, какъ если бы считать ее совсѣмъ несодержащей правды. И для нашего гуманизма оказывается, весьма естественно, лучшимъ рискъ довѣриться вѣроятности, чѣмъ уничтожить ее безъ всякаго повода» ²⁾). Психологическій индетерминизмъ, какъ естественный инцидентъ, прагматизмъ усматриваетъ въ ростѣ привычекъ («St. in Hum.», 409), въ способности нашей сохранять извѣстную пластичность. Природа абсолютно детерминованная или совершенно хаотическая одинаково негодна для нашего міра. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ наука была бы совершенно невозможной. Въ первомъ случаѣ она была бы безплодной и безцѣльной: природа, будучи недоступной нашему воздѣйствію, не могла бы быть познана и обрабатываема. Во второмъ—наши успія оказались бы немнѣе тщетными—образовать какой бы то ни было порядокъ для нашего опыта. Детерминистическій индетерминизмъ ничуть не приходитъ въ коллизію съ научнымъ значеніемъ закона, какъ концепціи, могущей быть заранѣе высчитанной. Постоянство закономерности явленій есть эмпирической фактъ наблюденія. Изъ опыта мы узнаемъ, что природа вообще совпадаетъ съ постулатами закономерности, и что она ихъ дѣлаетъ настолько приложимыми къ практической жизни, что мы ихъ можемъ называть истинами. «Но опытъ никогда вполнѣ не можетъ гарантировать утвержденіе, что привычки природы абсолютно фиксированы и постоянны. Ибо, наоборотъ, мы можемъ доказать, что даже самыя фундаментальныя законы могутъ измѣняться,—мы будемъ надѣяться, развиваясь въ нѣчто лучшее» ³⁾). Постулаты науки суть методологическія принципы, полезныя своей работой, но придавать имъ и кажущемуся детерминизму ихъ опраціи трансцендентную сущность—прагматизмъ не можетъ.

¹⁾ „St. in Humanism“, 405.

²⁾ Ibid, 408.

³⁾ „St. in Humanism“, 410.

Результаты человѣческой свободы слишкомъ очевидны, чтобы можно было ее отрицать. Она можетъ быть лишь умалена въ своемъ значеніи. Противъ свободы можно возразить, что она производитъ самыя ничтожныя измѣненія и то лишь на верхней оболочкѣ земного шара; человѣкъ не можетъ измѣнить ходъ звѣздъ, регулировать вращеніе земли или предотвратить конечное угасаніе солнечной системы. «На что можно возразить: во-первыхъ, наше вліяніе не теряетъ своего значенія оттого, что не можетъ управлять космическими массами; во-вторыхъ, наши интересы, главнымъ образомъ, ограничены земной поверхностью, — и это означаетъ не мало: можемъ ли мы или не можемъ обрабатывать ее; въ-третьихъ, степень возможности нашей измѣнять ходъ вещей зависитъ отъ размѣра нашей способности дѣлать вещи пластичными для нашихъ цѣлей; въ-четвертыхъ, съ отважною и наукой мы можемъ найти мѣръ намного пластичнѣе, чѣмъ мы осмѣливаемся даже думать. Наука только въ начальномъ періодѣ, и человѣчество лишь начало довѣряться ей» ¹⁾.

Прагматизмъ хочетъ вѣрить въ расширеніе нашего могущества. Вѣру онъ признаетъ важнымъ факторомъ нашей жизни. Вѣра есть логическій результатъ, вытекающій изъ ненадежности всего нашего знанія. Постулаты наши суть продукты нашей воли; мы хотимъ вѣрить въ ихъ пригодность для каждаго частнаго случая. На вѣрѣ, такимъ образомъ, зиждется вся наука и мышленіе. Говоря словами Шиллера: «поскольку, поэтому, мышленіе основывается на постулатахъ, и постулаты не доказаны и открыты сомнѣнію еще вначалѣ, постольку приверженность къ нимъ предполагаетъ вѣру, т.-е. вѣру въ подтвержденіе, которое еще послѣдуетъ. Не должны ли мы сказать тогда, что въ самыхъ корняхъ разума мы признаемъ элементы вѣры?» ²⁾. Вѣра—явленіе, глубоко пустившее корни въ душу человѣка и сильно отражающееся на его жизни. Все начинается у насъ и кончается восклицаніемъ: *credo ut intelligam*. Наличное сознаніе наше кроетъ въ себѣ религіозныя начала, — можно ли найти возраженія противъ ихъ функций, если, какъ мы видѣли, вся наука и мышленіе базированы на вѣрѣ? «Я съ трудомъ, поэтому, понимаю, почему религіозное принятіе, какъ, на примѣръ, существованіе

¹⁾ Ibid., 412.

²⁾ «St. in Hum», 357.

Бога, должно требовать другого, болѣе строгаго доказательства, и почему теологу воспрещается процедура, которая всегда почтенна и иногда доблестна для мужа науки?»¹⁾ Предположенія научнаго познанія и религіозной вѣры тѣ же самыя. Нельзя отрицать, что разница въ пользованіи тѣми же принципами приводитъ къ разнымъ послѣдствіямъ. Это различное пользованіе принципами обусловливается разницей въ фактахъ. Въ обыкновенной жизни мы имѣемъ дѣло съ внѣшнимъ міромъ, ощущаемымъ органами чувствъ; въ наукѣ—съ этимъ же самымъ, но нѣсколько менѣе непосредственно. Въ каждомъ случаѣ наши гипотезы относятся къ фактамъ открытымъ, видимымъ и доступнымъ наблюденію—въ то время, какъ религіозное сознаніе принуждено прибѣгнуть къ болѣе бѣдному полю провѣрки, а, именно, къ внутренней интроспекціи. Менѣе богатый опытъ, открывающійся религіознымъ влеченіямъ, въ связи съ злоупотребленіями религіозными принципами въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, задержалъ интеллектуальное развитіе религіознаго познанія. Вѣра сдѣлалась генетическимъ терминомъ для всего, что связано съ отсутствіемъ знанія; она сдѣлалась убѣжищемъ для убоавшихся борьбы за жизнь и считается до сихъ поръ условіемъ умственной лѣни.

Прагматическій методъ способенъ различить точно между годнымъ и негоднымъ употребленіемъ вѣры: «онъ можетъ показать, что не вѣрѣ пренебрегать работой разума и не разуму отклонять помощь вѣры, и что поле опыта настолько просторно и невездѣлано, что мы никогда не будемъ раскаиваться, если введемъ, съ цѣлью совершенствовать плоды человѣческой жизни, въ обработку его и религію»²⁾.

Вѣра—реальная сила, которая можетъ дѣйствовать, «измѣняя и формируя дѣйствительность реальныхъ вещей»³⁾. Мы не должны относиться къ очевидностямъ религіознаго познанія, поэтому, съ большимъ подозрѣніемъ, чѣмъ къ очевидности научнаго познанія, «ибо психологическая очевидность достаточна, такъ какъ, въ концѣ-концовъ, во всѣхъ очевидностяхъ есть психологическая сторона, которую не доглядѣли»⁴⁾. Религія—личное дѣло

¹⁾ Ibid., 362.

²⁾ «St. in Humanism», 368.

³⁾ Dewey, «Beliefs and Realities», 127.

⁴⁾ «Studies in Humanism», 363.

человѣка, постигающаго свою зависимость отъ міровой жизни. «Бываютъ минуты унынія у насъ всѣхъ, когда мы болѣемъ отъ себя самихъ, утомляясь отъ тщетныхъ стремленій. Наша собственная жизнь рушится, и мы впадаемъ въ положеніе расточительнаго сына. Мы желали бы тогда все бросить, кинуться на шею отцу, и быть поглощеннымъ абсолютомъ, какъ капля, растворяемая въ рѣкѣ или морѣ» 1).

Съгносеологической точки зрѣнія прагматизмъ приглашаетъ «отправляться отъ «субъективнаго» и естественнымъ путемъ достигнуть «объективнаго» въ силу непосредственнаго развитія, которое создаетъ всѣ различія, дѣлаетъ ихъ «трансцендентными», ибо оно ихъ содержитъ и примиряетъ, но никогда ихъ ложно не толкуетъ какъ абсолютныя» 2). Всѣ эти «трансцендентныя» вещи не могутъ быть независимыми отъ насъ; онѣ означаютъ лишь, что въ нашемъ опытѣ «находятся извѣстныя черты, которыя удобно описывать, какъ независимые факты, силы, личности, etc., въ силу особенностей ихъ поведенія» 3). Въ этомъ смыслѣ все это законно, но все это, какъ говоритъ James (Journal of Philos., II, 5, 118), «интра-экспериментальное дѣло». Оно дѣлается ложнымъ только, когда искажается въ метафизическую догму и облекается чудодѣйственной способностью выскакивать изъ предѣловъ опыта. Такія акробатическія продѣлки прагматизмомъ отвергаются.

Независимыя вещи какъ идеализма, такъ и реализма—абсолютная мысль и абсолютные факты; оба понятія непостижимы. Эти «независимыя» вещи не выходятъ изъ опыта; онѣ имъ обрабатываются, и, какъ говоритъ Шиллеръ, «независимая реальность, которая постулирована, послѣ всего, не является независимой отъ опыта, но подчинена ему, ее гармонирующему; она не абсолютна, она означаетъ «real» въ и для опыта. Она, поэтому, можетъ быть въ такой же мѣрѣ реальной, какъ тотъ опытъ, но никогда не можетъ сдѣлаться болѣе реальной. Внѣшній міръ и мои ближніе въ немъ, дѣйствительно, «независимы» отъ меня, ибо утвержденіе этого существенно для моего дѣйствія» 4),

Прагматизмъ лишь не задается вопросомъ относительно онтологической сущности этихъ «внѣшнихъ, независимыхъ» вещей;

1) «Pragmatism», 292.

2) «Studies in Humanism», 457.

3) «St. in Humanism», 461.

4) Ibid., 474.

онъ считаетъ ихъ необходимыми для опыта, полезными инструментальными понятіями. Онъ не хочетъ уподобиться крайнему субъективизму, необходимо кончающему абсурднымъ солипсизмомъ, остающимся, къ огорченію философовъ, логически возможнымъ и непровержимымъ. «Мы могли бы, еслибъ хотѣли этого, принять солипсистскую точку зрѣнія, еслибъ желали принять на себя всѣ послѣдствія. Кто-нибудь логически въ достаточной мѣрѣ разстроенный, могъ бы настаивать на томъ, что онъ—единственный, всемогущій творецъ всего его опыта. Если онъ падаетъ въ канаву, онъ могъ бы себѣ апплодировать за тонкій юморъ самообмана. Если, коснувшись огня, онъ обжигается, онъ можетъ съ гордостью указать на себя, какъ на создавшего этотъ огонь. И если вамъ наскучило, и вы подходите и ударяете его по ушамъ, онъ могъ бы еще приписать оскорбленіе плохому регулированію своей творческой фантазіи! Коротко говоря, никакой логикѣ не могъ бы его опровергнуть, пока онъ самъ не отказался бы признавать приключившіеся ему инциденты собственными или считать ихъ характерными для своей особы» ¹⁾.

Мысль о реальномъ мірѣ есть прагматическій принципъ, всегда успѣшно работающій. Солипсистская теорія не алогична. Обыкновенно лишь міръ сна, въ отличіе отъ состоянія бодрствованія, считается солипсистскимъ явленіемъ, ибо онъ—наше творчество; но фундаментальной разницы между обоими состояніями сна и бодрствованіями невозможно установить. То, какъ и другое, протекаетъ во времени и пространствѣ, и оба содержатъ вещи и отношенія между ними. Теоретически къ каждому изъ нихъ не слѣдуетъ относиться различно. Поводъ лишь практической: «міръ грезъ (сновъ)—болѣе низкой цѣнности для нашихъ замысловъ, и потому считается «нереальнымъ» ²⁾. «Реалистическая интерпретація, поэтому, нашей бодрствующей жизни и «независимая реальность» міра нашего опыта не представляютъ неизбежнаго слѣдствія, какъ только имѣютъ прагматическій смыслъ; онѣ не заключаютъ дѣйствительной несообразности» ³⁾.

Противъ реализма прагматизмъ говорить: «Реальность, нами утверждаемая, поэтому, вовсе не экстраментальна; она имѣетъ своей сущностью отношенія къ опыту, который служитъ для ея

¹⁾ «St. in Humanism», 472.

²⁾ Ibid., 473.

³⁾ Ibid.,

истолкованія; если реализмъ принимается, какъ обозначеніе отрицанія принадлежности опыта и реальности другъ къ другу, онъ дѣлается метафизикой»¹⁾). Тѣ же самыя соображенія примѣняются прагматизмомъ по отношенію къ идеализму. Умъ не можетъ быть реальнымъ безъ какого-нибудь «реального міра», подлежащаго нашему уразумѣнію, равно какъ и реальный міръ не можетъ сдѣлаться таковымъ безъ содѣйствія разума: идея и фактъ нераздѣльны. Но «если, тѣмъ не менѣе, можетъ казаться, что вѣсы, въ концѣ-концовъ, склоняются къ субъективной сторонѣ, ибо послѣ всего еще возможно, что каждая индивидуальная душа можетъ когда-нибудь, при пробужденіи, найти реальность ея міра со всѣми ея работами, уничтоженными за одну ночь,— вина кроется не въ нашей теоріи, но въ дѣйствительныхъ фактахъ. Ибо, какъ мы видѣли, реальный міръ не совпадаетъ со всеобщностью бытія, со всѣмъ абсолютнымъ опытомъ. Онъ—отборъ, произвольность и неадекватность котораго возбуждаютъ сомнѣнія, одной только «вѣрой» не разрѣшимыя»²⁾).

II.

Пріемъ, встрѣченный новой доктриной въ Европѣ, за исключеніемъ развѣ Италіи, гдѣ она нашла горячихъ адептовъ, подъ руководствомъ Раріні основавшихъ во Флоренціи для пропаганды прагматическаго ученія органъ Leonardo, не можетъ считаться восторженнымъ. Новѣйшая философская мысль, даже въ такой классической странѣ эмпиризма, какъ Англія, не говоря уже о Германіи и Франціи, обнаруживаетъ явное тяготѣніе къ идеализму. Вліяніе не только представителей отвлеченнаго мышленія въ этихъ странахъ, какъ, на примѣръ, Гринъ, Брэдли въ Англіи; Бергсонъ, Фулье, Бутру во Франціи; Виндельбандъ, Эйкенъ, Риккертъ, Когенъ, Дильтей, Вундтъ и др. въ Германіи, но и все яснѣе опредѣляющееся въ области точныхъ наукъ направленіе противъ господствовавшаго въ ней до послѣдняго времени эмпирико-механическаго теченія, создали не вполнѣ благоприятную въ данный моментъ почву для распространенія прагматизма, сохраняющаго, несмотря на нѣкоторыя идеалистическія тенденціи, радикально-

1) «St. in Humanism», 482.

2) Ibid., 484.

эмпирический характеръ. Отчасти этимъ обстоятельствомъ, а также и не въ меньшей мѣрѣ существующимъ партикуляризмомъ національной мысли можно объяснить, что на послѣднемъ философскомъ конгрессѣ въ Гейдельбергѣ прагматизмъ подвергся ярымъ нападкамъ со стороны, главнымъ образомъ, интеллектуалистовъ. Пока прагматизмъ пребываетъ для большей части мыслящей публики неизвѣстнымъ, чему виной отсутствіе переводной прагматической литературы. Въ послѣднее время интересъ къ новому движенію повышается; въ философскихъ періодическихъ изданіяхъ то и дѣло начинаютъ появляться статьи и критическія замѣтки о прагматизмѣ. Отмѣтимъ между ними слѣдующія: Lalande, Pragmatisme, Revue philosophique, 1906; тамъ же, янв. 1908, его же Pragmatisme, humanisme et verité; тамъ же, 1908, Chide, Pragmatisme et intellectualisme; Parodi, Le pragmatisme, La revue de metaphysique et de moral I, 1908; Baron—Revue de philosophie № 6, 1909; La theorie de la connaissance dans le pragmatisme; A. Schinz, Antipragmatisme, Paris, Alcan, 1909,—рецензію на эту книгу см. въ Revue philosophique, juin 1909; Paulhan, Antipragmatisme et hyperpragmatisme; Visan, Mercure de France, dec. 1907. Въ нѣмецкой литературѣ: Jerusalem, Der Pragmatismus, Deutsche Literaturzeitung, № 4, 1908; Robert R. Rusk, Die pragmatische und humanistische Strömung in der modernen engl. Philosophie, Jenaer Diss; 1906; Stein, Pragmatismus, Archiv für systematische Philosophie, II, 1908; Kr. B. R. Aars, Pragmatismus und Empirismus, Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, Band 135, Heft 1, Mai, 1909; Lorenz-Ightham, Das Verhältnis des Pragmatismus zu Kant, Kant Studien, Band XIV, Heft 1, 1909; того же автора изложеніе прагматизма въ «Internationale Wochenschrift», Bd. II, № 29—31. Въ итальянской литературѣ: Aliotta—La Cultura Filosofica, Firenze, 1909, № 2, «Il pragmatismo anglo-americano»; Calderoni—Rivista di Psicologia applicata, Bologna, 1909, № 3: «Uno difficoltà del metodo pragmatistico». Въ англо-американской період. печати мы находимъ наиболѣе проявляемый къ прагматизму интересъ. Журналы: Philosophica Review, Journal of Philosophy, Psych. and Scient. Methods, Mind, Hibbert Journal, Fortnightly Review, Quarterly Review изобилуетъ статьями о прагматизмѣ за и противъ. Слѣдуетъ упомянуть, что королевская академія наукъ въ Даніи, для которой нѣкогда Шопенгауэръ писалъ свое «Основаніе морали», назна-

чила интернаціональную премію за работы объ отношеніи прагматизма къ критицизму.

Первымъ учителемъ своимъ прагматики считаютъ Протагора, учившаго, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей; послѣднимъ же, непосредственно предшествовавшимъ возникновенію новой доктрины, Джемсъ считаетъ Джонъ-Стюарта Милля, которому онъ и посвящаетъ свою книгу со слѣдующими словами: «памяти Джонъ-Стюарта Милля, отъ котораго я впервые позналъ прагматическую ясность ума и котораго воображеніе мое представляетъ вождемъ нашимъ, если бы онъ нынѣ былъ въ живыхъ. («Pragmatism»)». Какъ и послѣдній, прагматизмъ отвергаетъ трансцендентальность знанія, ставя непосредственнымъ источникомъ его опытъ и наличное сознаніе, а содержаніемъ его — факты и замыслы. Всякія универсальности и апріорныя концепціи могутъ оказаться полезными инструментами для опыта, но не могутъ претендовать на абсолютную независимость отъ человѣческихъ интересовъ. Философская мысль не имѣетъ ничего присущаго ей отдѣльно отъ замысловъ и желаній человѣка. Отдаляясь изъ сферы непосредственныхъ психическихъ переживаній въ область абстракціи, развертывая свою механическую прямолинейность до конечнаго предѣла, она становится aberrацией дѣйствительности и создаетъ чудовищныя конструкціи, не имѣющія никакого базиса, никакого отношенія къ реальному міру, гдѣ страдаетъ и стремится человѣкъ. Не удивительно, поэтому, что всѣ метафизическія системы терпятъ крушеніе одна за другой, являя этимъ наглядное доказательство безсилія одной мысли къ плодотворной дѣятельности. Главная ошибка большинства доктринъ—это слѣдовать указаніямъ *idée pure* на счетъ существованія міра внѣ человѣка; этотъ міръ оказывается трансцендентнымъ, независимымъ и подчиняющимъ себя человѣка. Прагматизмъ беретъ на себя задачу произвести революцію въ духѣ Коперника: онъ хочетъ сдѣлать человѣка центромъ, отъ котораго исходятъ и къ которому тяготеютъ міры. Человѣкъ освобождается изъ рабскаго плѣна вліяющихъ на него космическихъ силъ и дѣлается ихъ властелиномъ. Философія прагматизма, такимъ образомъ, является антропоцентрической, персональной. Человѣкъ всемогущъ, онъ измѣняетъ и создаетъ дѣйствительность; руководящимъ началомъ при этомъ являются его чувства, его стремленія—элементы его воли, которой и подчиненъ возникшій изъ нея нѣдръ интел-

лектъ, лишь путемъ отбора изъ фактовъ обширнаго, но сравнительно ограниченнаго опыта сдѣлавшійся полезнымъ, хотя и не вполне надежнымъ сотрудникомъ. Воля пользуется его услугами, поскольку данный опытъ гарантируетъ непогрѣшимость его функций, и всякая попытка его перейти за предѣлы опыта встрѣчаетъ съ ея стороны энергичный отпоръ. Воля—направляющій факторъ человѣческой дѣятельности. Въ этомъ отношеніи прагматизмъ представляетъ собою доктрину волюнтаризма, но волюнтаризма не этического въ духѣ Фихте, и не метафизическаго въ духѣ Шопенгауэра, но личнаго, схватываемаго каждымъ субъектомъ въ актѣ психическаго самонаблюденія, какъ основное начало, побуждающее его къ дѣйствию. Воля освобождаетъ человѣка отъ предвзятыхъ нормъ, отъ непоколебимыхъ законовъ, навязываемыхъ ему интеллектомъ. Она открываетъ ему свободный путь и вселяетъ въ него вѣру въ возможность всеосуществленія, наполняя душу его неутолимой жаждой активной работы. Прагматизмъ—жизнерадостная и ободряющая теорія; она воодушевляетъ человѣка къ новымъ завоеваніямъ и къ новому творчеству. Прагматизмъ отвергаетъ возраженія своихъ противниковъ-интеллектуалистовъ, что тезисъ Протагора ведетъ къ крайнему субъективизму, къ произволу личной воли, и отвергаетъ не логическимъ путемъ, но ссылаясь на наличное сознаніе, на здравый не критикующій разумъ (*common sense*), подсказывающій намъ существованіе внѣшняго міра со множествомъ индивидуумовъ. Онъ сознаетъ, что концепція монистической воли, къ которой неизбежно приводитъ положеніе о созиданіи истинъ и дѣйствительности, становится антигуманитарной и абсолютной идеей, и онъ, памятуя способность нашей логической спекуляціи, приводитъ къ неожиданнымъ и непостижимымъ выводамъ, со свойственнымъ ему практическимъ чутьемъ, обращается въ сторону внутренней интуиціи, непосредственнаго чувства. Претензія логики на абсолютную компетентность игнорируется, и прагматизмъ ничуть не приходитъ въ смущеніе, если противникамъ, во всеоружіи логическаго аппарата, удается показать несостоятельность его ученія. Сфера его аргументаціи лежитъ еще и въ другой плоскости: это—область его интуицій, его вѣрованій, его непосредственныхъ психическихъ переживаній и данныхъ активнаго опыта. Нашу волю мы ощущаемъ и чувствуемъ въ себѣ, и тѣмъ не менѣе рядомъ съ этимъ «понятіе независимаго внѣш-

няго міра и независимыхъ другихъ личностей несомнѣнно работаетъ, философскіе аргументы безсильны противъ него» («Studies in Humanism», 474). Нѣтъ сомнѣнія, что сама концепція воли непостижима безъ усилія преодолѣть препятствія, внѣ ея лежащія. Необходимо существованіе трансцендентнаго міра, надъ которымъ оперировала бы воля, въ стремленіи ассимиляціи и подчиненія его себѣ. Воля и внѣшній міръ не представляютъ собою антиноміи; они — дополняющіе и коррелятныя другъ къ другу элементы. Воля при томъ не абсолютна въ своей власти; она ограничивается требованіемъ опыта, налагающаго на ея поползновенія извѣстнаго рода отвѣтственность. Но здѣсь мы наталкиваемся на затрудненіе. Является вопросъ, какъ сочетать прагматическія making of truth and reality съ неизбѣжностью подчиненія даннымъ опыта?

Прагматизмъ учитъ, что опытъ является нашимъ творчествомъ, продуктомъ нашей волевой дѣятельности: наши замыслы и интересы побуждаютъ насъ къ поискамъ, въ результатъ чего и возникаетъ опытъ. Но могутъ ли обнаруженныя въ опытѣ препятствія и ограничивающія волю черты считаться ея же творчествомъ? Какъ можно допустить, чтобы она себѣ самой создавала непреодолимыя подчасъ преграды? Является ли она, поэтому, главнымъ моментомъ въ появленіи реальностей?

Если я, скажемъ, побуждаемый какимъ-нибудь желаніемъ, открываю глаза, и взору моему представляется комплексъ внѣшнихъ вещей, въ правѣ ли я утверждать, что онѣ мною созданы, что онѣ вполне зависимы въ своемъ бытіи отъ моего желанія поднять вѣки? Мой волевой актъ является въ данномъ случаѣ лишь однимъ изъ множества другихъ неизвѣстныхъ для меня условій, но никакъ не можетъ считаться единственнымъ причиннымъ явленіемъ для возникновенія реальныхъ вещей. Лишь во взаимодействіи всѣхъ этихъ условій появляется дѣйствительность, и наше участіе въ этомъ созидающемъ процессѣ отнюдь не преобладающее. Моя воля не исчерпываетъ всего акта; сознанию моему являются не только желательныя вещи, но вещи, совершенно чуждыя моимъ интересамъ и цѣлямъ. Это внушаетъ мнѣ неискоренимую мысль объ ихъ независимости отъ моихъ желаній и намѣреній: онѣ объективны. Здѣсь, слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи о «making», а скорѣе о «нахожденіи» реальностей.

Прагматизму, обращающемуся въ конечныхъ своихъ выводахъ за помощью къ common sense, тѣмъ болѣе непростительна эта ошибка. Опытъ обыденной жизни наглядно обнаруживаетъ недостаточность одного желанія нашего для появленія или измѣненія фактовъ. Появленіе Америки на географическихъ картахъ въ значительной мѣрѣ обязано волѣ Колумба, но можемъ ли мы утверждать, что она имъ создана? Зачѣмъ, въ такомъ случаѣ, поставлены были имъ на пути своихъ замысловъ такія невероятныя препятствія, которыя пришлось ему преодолевать не безъ опасности для жизни? Вѣдь, гораздо легче было бы создать Америку, не выѣзжая изъ предѣловъ Европы, однимъ лишь сознательнымъ выраженіемъ своего желанія. Одно изъ двухъ: если внѣшній міръ является мнѣ въ опытѣ, создающемся моею волей, я, въ силу присущаго мнѣ гедоническаго начала, устранилъ бы заранѣе всѣ препоны и противорѣчія, заключающіяся въ немъ, тормозящія и дѣлающія тщетными мои усилія; если же существуютъ въ опытѣ извѣстныя черты, ограничивающія мою свободу и наперекоръ моимъ желаніямъ неотразимыя,—этотъ опытъ не можетъ считаться моимъ творчествомъ. Онъ долженъ быть признанъ въ значительной степени независимымъ отъ меня и зачастую подчиняющимъ меня своимъ императивамъ. Я принужденъ съ нимъ считаться и приспособляться къ нему; я «открываю» въ немъ данную неподатливость или извѣстное сопротивленіе, но не «дѣлаю» таковыхъ.

Безусловно, внѣ нашего сознанія дѣйствительность для насъ не существуетъ. Но есть ли сознаніе съ его содержаніемъ всецѣло продуктъ нашей воли, и будутъ ли всѣ вещи, появляющіяся въ немъ въ силу одной лишь фантазіи или нашего желанія, прагматически работать?

Прагматизмъ различаетъ двѣ категоріи реальныхъ вещей; возникающихъ въ состояніи бодрствованія и въ состояніи сна. Вещи перваго состоянія представляютъ цѣнности болѣе высокаго качества въ сравненіи съ вещами втораго, ибо лучше «работаютъ» (work). Если бы мы, искушаемые красотой или желательностью для насъ вещей второй категоріи, попытались оперировать и довольствоваться лишь ими, намъ пришлось бы испытать горькое разочарованіе: онѣ оказались бы фиктивными, и нашъ міръ грозилъ бы намъ чреватыми послѣдствіями. Намъ пришлось бы прибѣгнуть къ вещамъ первой категоріи, хотя бы менѣе симпатич-

нымъ. Здѣсь обнаруживается необходимость подчиненія. Наше мышленіе, заключающее въ себѣ телеологическій принципъ, призывается отвергнуть негодныя, неработающія явленія и прибѣгнуть къ оперированію лишь активно-годными. Передъ нами выборъ, но мы выбираемъ изъ-подъ палки инстинкта самосохраненія! Не скрывается ли въ этомъ, вопреки намѣреніямъ новой доктрины, сознаніе нашей подчиненности, и можемъ ли мы утверждать, что сознаніе со своимъ содержаніемъ есть продуктъ нашей воли. Прагматизму, представляющему, въ сущности, доктрину, основанную на психологизмѣ, на наличности внутреннихъ переживаній, не слѣдовало бы удаляться въ область абстракцій, отрываясь отъ психологическаго самонаблюденія, которое исключительно и можетъ считаться достовѣрнымъ знаніемъ, поскольку, конечно, эмпирическое наблюденіе является лучшимъ его источникомъ. Опытъ этого наблюденія учитъ, что не всякая мысль, не всякое представленіе вызывается нашимъ желаніемъ или замысломъ. Явленія тщетнаго, бесплоднаго воспоминанія, съ одной стороны, и извѣстные каждому факты навязчивости какой-либо идеи, представленія или мелодіи, преслѣдующихъ насъ часами, вопреки желаніямъ нашимъ,—съ другой, могутъ служить намъ примѣромъ неполной власти воли надъ интеллектомъ. На патологическіе инциденты вродѣ абуліи или явленія гипертрофіи воли у маньяковъ мы не будемъ указывать,—практическая жизнь даетъ богатый матеріалъ для убѣжденія въ томъ, что какъ интеллектъ, такъ и воля не могутъ быть умалены въ своемъ отдѣльномъ значеніи; что сферы ихъ функцій, хотя и находятся въ тѣсной связи, но въ зависимости отъ психической констелляціи могутъ раздѣляться, и каждая изъ нихъ можетъ оказаться довлѣющей по отношенію къ другой. Если генетически интеллектъ и подчиненъ чувству, желанію, инстинкту и т. д., нѣтъ сомнѣнія, что въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи онъ пріобрѣтаетъ извѣстную независимость и способность подавлять волевые импульсы. Онъ дѣлается необходимымъ факторомъ въ человеческой жизни, ибо представляетъ собою продуктъ естественнаго отбора и приспособленія, и, какъ таковой, можетъ диктовать волѣ пріобрѣтенныя имъ путемъ долгаго опыта знанія. Напрасно видитъ въ немъ прагматизмъ своего *enfant terrible*: изъ того, что интеллектомъ столь часто злоупотребляли, распространяя его операнціи за предѣлы его компетенціи, не слѣдуетъ впадать

въ неменѣе опасную крайность и отнимать у него принадлежашее ему по праву значеніе. Прагматизмъ при этой попыткѣ не увеличиваетъ, но ослабляетъ мощь человѣка.

Однимъ изъ важнѣйшихъ положеній прагматизма, вытекающихъ изъ борьбы его съ приоритетомъ мысли, является его гегельевская теорія истины.

Прагматизмъ, какъ мы видѣли, признаетъ въ истинѣ не абсолютное значеніе, но преходящее, относительное. Истина это то, что работаетъ, что споспѣшествуетъ и двигаетъ человѣчество впередъ; она не есть ничто, *sui generis*, независимое, заключающее въ себѣ самоцѣль, но является понятіемъ, практическіе результаты котораго хороши для нашихъ замысловъ; она скорѣе—биологическій инструментъ. Истина признается прагматизмомъ, какъ логическая цѣнность («*St. in Num.*», 157), но, въ отличіе отъ рационалистическихъ теорій познанія, онъ настаиваетъ на томъ, что эти цѣнности входятъ въ обиходъ логики не на основаніи собственно логической очевидности, но прагматическимъ путемъ, т.-е. испытаніемъ ихъ дѣйствій на заключающіеся въ нихъ замыслы наши, при чемъ дѣйствія эти должны соотвѣтствовать замысламъ. Такого рода успѣшный результатъ дѣлаетъ какое-либо утвержденіе истиной. «Успѣхъ, поэтому, въ оцѣнкѣ «истины» есть относительное условіе, относительное къ замыслу, на который притязаетъ правда. Одно и то же предложеніе можетъ быть «истиннымъ» для меня и «ложнымъ» для васъ, если наши замыслы (*purposes*) различны». («*St. in Num.*», 193). Критеріемъ истины, такимъ образомъ, служатъ—продуктивность и удовлетворяемость. Каждая истина должна давать результаты, которые, въ свою очередь, должны удовлетворять нашимъ цѣлямъ и желаніямъ,—тогда только она дѣлается логической цѣнностью.

Заслуга прагматизма не маловажна въ томъ отношеніи, что, благодаря ему, съ новой силой выдвигается впередъ гуманитарная сторона въ понятіи «истина», столь часто оставляемая въ пренебреженіи мыслителями гегельянскаго толка. Понятіе абсолютной истины для человѣка непостижимо, ибо какъ все, такъ и истина не можетъ не быть относительной концепціей. Она не приходитъ вполнѣ готовой въ сознаніе, но возникаетъ въ человѣческомъ опытѣ. Истины провѣряются и оцѣниваются, онѣ должны выдержать извѣстное испытаніе, пока получаютъ достоинство, опредѣляемое ихъ званіемъ. Какъ критическій ме-

тодъ истины прагматизмъ, нельзя отрицать, содержитъ здоровое зерно, но надо сознаться, страдаетъ нѣкоторой односторонностью, извращающей значеніе истины.

Исчерпывается ли понятіе истины лишь продуктивностью и удовлетворяемостью, качествами чисто утилитарными и субъективными; или къ нимъ слѣдуетъ присоединить критерій болѣе объективаго характера? Если бы приводимые прагматизмомъ критеріи отвѣчали всѣмъ требованіямъ истины, то къ ней слѣдовало бы причислить сужденія, вызываемыя у наивныхъ людей продѣлками какого-нибудь мистификатора, или же собственныя мнѣнія плута, чьи аферы работаютъ и удовлетворяютъ, по крайней мѣрѣ, его самого. Шиллеръ, сознавая затрудненіе, указываетъ на социальный моментъ образованія истины, что, безспорно, придаетъ ей болѣе устойчивый и объективный характеръ; она дѣлается интеръ-индивидуальнымъ явленіемъ и выходитъ за предѣлы личной очевидности. Непосредственная надежность какого-либо утвержденія пріобрѣтаетъ тѣмъ большую силу, чѣмъ меньше встрѣчаетъ она противорѣчій въ согласованіи съ переживаниями «Denkgenossen», на которыхъ вліяетъ то же утвержденіе. Понятіе, работающее такимъ образомъ, что вызываетъ общее согласіе всѣхъ, оперирующихъ имъ, несомнѣнно, имѣетъ большую годность для обращенія въ наукѣ и мышленіи, чѣмъ лишь лично какимъ-либо субъектомъ или группой таковыхъ испытываемая увѣренность въ истинности утвержденія.

Но чѣмъ объяснить, въ такомъ случаѣ, исчезновеніе изъ нашего обихода многихъ положеній, служившихъ въ прошломъ несомнѣнными правдами для всего общества? Не является ли даже очевидность коллективная ненадежнымъ критеріемъ истины?

Передъ нами встаетъ во всей своей трудности проблема истины, надъ разрѣшеніемъ которой въ настоящее время упорно работаютъ многочисленныя теоріи познанія, изъ коихъ слѣдуетъ указать на слѣдующія: нормативная или интеллектуалистическая съ Риккертомъ во главѣ, имманентная—съ Шuppe, эмпирио-критицистическая—съ Авенаріусомъ и, наконецъ, прагматическая школа. Первая утверждаетъ, что цѣль познанія есть само познаніе, и истина—то, что логически удовлетворяетъ, независимо отъ вреда и пользы для жизни. «Wahrheit ist nichts anderes als Inbegriff der als wertvoll anerkannten Urteile» (Rickert, «Der Gegenstand der Erkenntniss», 63). Здѣсь главный критерій

истины—логическая очевидность, которая, какъ справедливо замѣчаетъ Шиллеръ, сводится къ психологическому переживанію увѣренности. Что это переживаніе, къ которому, въ сущности, примыкаетъ критерій, выставляемый имманентной школой, какъ непосредственное чувство достовѣрности, не можетъ служить доказательствомъ истинности какого-либо понятія, видно изъ того, что многія изъ нашихъ убѣжденій оказываются вполнѣ заблужденіями. Въ насъ самихъ, независимо отъ фактовъ, не заключается источникъ достовѣрности; критерій истины двухъ этихъ школъ неполный.

Подъ другимъ угломъ разсматривается истина эмпирио-критицистической школой: ея критерій приближается къ прагматическому, а именно: истина имѣетъ инструментальный, біологическій характеръ, ея значеніе находится въ тѣсной связи съ самохраненіемъ моего «я». Но полезность не есть исключительный моментъ истины; многія истины оказываются безусловно губельными, и, наоборотъ, ложь можетъ оказаться для насъ полезной.

Гдѣ же заключается вѣрное опредѣленіе истины? Если подъ этимъ понятіемъ подразумѣвается правильность сужденія, кроющаго въ себѣ извѣстное отношеніе между предметами сознанія, то надо признаться, что истина сохраняетъ всегда относительный характеръ, ибо предметы нашего сознанія не адекватны трансцендентнымъ ихъ прототипамъ; они не болѣе, какъ аббревіатуры, упрощенія послѣднихъ, и согласованность во взаимныхъ отношеніяхъ предметовъ нашего сознанія не можетъ служить гарантіей ихъ объективной реальности.

Въ этомъ отношеніи прагматизмъ правъ, не признавая за истиной абсолютнаго значенія: людямъ приходится довольствоваться преходящими, релятивными истинами. У насъ является задача найти для нихъ критерій, ибо, не владея болѣе надежными, мы принуждены прибѣгнуть къ пользованію имѣющимися у насъ истинами, которыя, какъ показываетъ опытъ, служатъ весьма полезными средствами для нашей дѣятельности, позволяя намъ заранѣе во многихъ случаяхъ разсчитывать ходъ явленій. Какъ говоритъ Джемсъ, «важность для человѣческой жизни владѣть точными увѣренностями относительно сущности фактовъ есть общеизвѣстная вещь. Мы живемъ въ мірѣ реальностей, которыя могутъ быть безконечно полезными или безконечно вредными. Мысли, дающія намъ свѣдѣнія относительно пер-

выхъ, какъ и вторыхъ, считаются истинными»... (Pragmatism, 202). Провѣряются же онѣ и оцѣниваются, какъ мы видѣли, практическими результатами ихъ.

Безусловно, истины должны быть доказаны и провѣрены; прагматизмъ въ этомъ отношеніи болѣе требователенъ, чѣмъ остальные теоріи; наличная очевидность не можетъ служить гарантіей истинности какого-либо понятія; истина должна работать, и въ соотвѣтствіи ея дѣйствія съ возлагаемыми на нее ожиданіями кроется залогъ ея пригодности. Затрудненіе заключается здѣсь въ томъ, что прагматизмъ придаетъ функціямъ мышленія и истинъ лишь практическое значеніе: должна ли истина работать исключительно практически или же можетъ быть признана чисто теоретическимъ путемъ—для прагматизма праздный вопросъ. Теорія, говоритъ онъ, телеологична; ея смыслъ и назначеніе выражаются въ практическихъ результатахъ. Теорія и практика совпадаютъ: первая является лишь извѣстной стадіей второй, и принципиальной разницы между обѣими не существуетъ. Каждая истина должна, поэтому, приводить къ практическимъ послѣдствіямъ. «Человѣческій интересъ необходимъ для существованія истины. Если говорить, что истина имѣетъ результаты, и что немѣющая таковыхъ—безсмысленна, то это означаетъ, что истина имѣетъ отношеніе къ нѣкоторому человѣческому интересу. Ея послѣдствія должны относиться къ кому-нибудь и къ какому-нибудь замыслу. Если выяснено, что истина, которую мы разсматриваемъ, есть истина для человѣка, и что «послѣдствія» такъ или иначе находятся въ связи съ человѣческими интересами, то совершенно лишнее прибавлять, что эти послѣдствія должны быть практическими... Ибо всѣ послѣдствія, рано или поздно, практическія, въ смыслѣ вліянія на наши поступки. Если они не измѣняютъ хода событій непосредственно, они измѣняютъ нашъ собственный характеръ, и тѣмъ служатъ причиной измѣненія нашихъ поступковъ»... («St. in Hum.», 5).

По прагматизму мысль и истина не статическое явленіе, но дѣйствующій, активный, толкающій къ работѣ факторъ. Но всѣ ли продукты нашего сознанія обладаютъ такимъ свойствомъ? Какое вліяніе, напр., на наши поступки можетъ оказать истинность существованія вновь открытой звѣзды или добытая цѣлымъ рядомъ изслѣдованій палеонтологомъ истина о принадлежности даннаго ископаемаго организма къ извѣстному геологиче-

скому періоду? Несомнѣнно, такія истины «работаютъ», но этотъ предикатъ въ данныхъ случаяхъ чисто теоретическаго свойства: ихъ работа проявляется въ томъ, что онѣ оправдываютъ возложенныя на нихъ ожиданія, т.-е. звѣзды и окаменѣлый организмъ у каждаго астронома и палеонтолога должны вызвать одинаковое или приблизительно одинаковое сужденіе; но въ чемъ выражаются практическіе результаты этихъ истинъ, кромѣ чисто внутренняго акта согласія неясно. Если эти истины вліяютъ извѣстнымъ образомъ на міросозерцаніе людей, то возможно, что косвенно онѣ и отражаются на дѣйствительный міръ, измѣняя поведеніе человѣка, но это не всегда обязательно. Не всякое понятіе или представленіе ведетъ къ акту; существуютъ извѣстныя условія взаимодѣйствія психическихъ элементовъ, между коими немаловажны: съ одной стороны, сознание практической приложимости даннаго понятія, съ другой—желаніе, позывъ къ дѣйствию, для того, чтобы вызвать актъ. Каждый сознательный или волевой процессъ подвергается задержкѣ (Hemmung) или подкрѣпленію (Unterstützung). Прагматизмъ правъ, когда утверждаетъ, что въ каждомъ понятіи скрывается нѣкоторый замыселъ, какое-либо желаніе: человѣкъ всегда ищетъ удовлетворенія и пользы. Но между этими послѣдними приходится различать такія, напр., которыя получились въ *результатъ* отъ практическаго примѣненія понятія, являющагося средствомъ,—и, съ другой стороны, такого рода удовлетворенія и пользы, когда они вытекаютъ *непосредственно* изъ самаго понятія, служащаго тогда, въ нѣкоторомъ родѣ, самоцѣлью. Первыя можно назвать практическимъ результатомъ понятія, во второмъ случаѣ операція послѣдняго не выходитъ изъ предѣловъ теоретическаго примѣненія. Въ предъявленіи требованій къ какой-либо вещи, или, скажемъ, проблемѣ, можно быть разныхъ мнѣній. Одна и та же проблема воли, напр., можетъ быть вызвана разными мотивами и отвѣчать разнымъ интересамъ. Метафизикъ ищетъ въ ней удовлетворенія пытливости своего интеллекта; моралистъ—основанія своей доктрины; юристъ—утвержденія юридической отвѣтственности; книгоиздатель, наконецъ, печатающій о ней книгу—просто барыша. Требованіе метафизика къ проблемѣ остается чисто «теоретическимъ»; въ отличіе отъ остальныхъ, онъ не ждетъ никакихъ практическихъ результатовъ, и все же нельзя отрицать, что эта

проблема для него телеологична: она является потребностью его души, въ ней отражаются сокровеннѣйшія стремленія его «я» отозваться на волнующія его загадки потусторонняго міра. Одно уже непосредственное бытіе этой проблемы въ его сознаніи доставляетъ ему родъ интеллектуальнаго удовлетворенія, граничащаго съ религіознымъ. Если прагматизмъ отвергаетъ такое безплодное въ практическомъ смыслѣ занятіе, онъ, чтобы быть послѣдовательнымъ, долженъ выключить изъ своей программы такія области человѣческихъ интересовъ, какъ эстетику, религію, идеалы далекаго будущаго, не говоря уже о метафизикѣ. Нельзя отрицать, что генетически каждая функція интеллекта и воли отправляетъ какое-нибудь конкретное, практическое назначеніе, проявляющееся въ оперированіи предметами реального міра въ поискахъ удовлетворенія чисто біологическаго характера. Эти функціи сохраняютъ свое значеніе, поскольку результаты ихъ способствуютъ сохраненію и развитію организма. Но съ теченіемъ времени онѣ пріобрѣтаютъ интересъ *per se*, независимо отъ своихъ послѣдствій; изъ средствъ достиженія какого-либо замысла онѣ превращаются въ самоцѣли. На ряду съ результатами дѣлается цѣннымъ и само исканіе: эмоціи, возбуждаемыя сознаніемъ результата активнаго процесса, сопровождаются эмоціями, возникающими отъ самаго протеканія этого процесса. Новѣйшая психологія такъ и различаетъ: чувство отъ предмета (*Gegenstandsgeföhle*), приходящія изъ интенціальнаго сознанія, направленнаго на вещи и цѣли,—и чувства протеканія (*Verlaufsgeföhle*), непосредственно вызываемыя актомъ исканія, независимо отъ возможныхъ послѣдствій его. Математикъ, сидя надъ сложнымъ вычисленіемъ, или филологъ, дешифрируя старинныя письма, могутъ равно увлекаться какъ заключительными плодами своихъ трудовъ, такъ и самимъ процессомъ своихъ изслѣдованій. Въ послѣднемъ случаѣ эмоціи, можно сказать, совершенно безкорыстны; онѣ имѣютъ болѣе субъективный характеръ и, несомнѣнно, представляютъ цѣнности, достигающія въ отдѣльныхъ случаяхъ значительной степени. Эта эмансипація функцій отъ своего назначенія, основанная въ сущности на психологическомъ законѣ привыканія, проявляется въ разнообразнѣйшихъ видахъ, начиная съ ученаго, разсматривающаго науку, какъ самоцѣль, а не какъ средство улучшенія жизни, и кончая гурманомъ или скопидомомъ, для которыхъ ѣда и деньги потеряли

свое инструментальное значеніе и превратились въ предметъ исключительнаго интереса an sich.

Прагматизмъ или, какъ называетъ его Шиллеръ, примѣняющій этотъ методъ ко всѣмъ сторонамъ человѣческаго бытія, гуманизмъ, чтобы оставаться строго человѣчнымъ, обязанъ разобратся въ такого рода цѣнностяхъ: признать полезныя и отвергнуть принявшія болѣзненный характеръ, но считать ихъ огульно, за исключеніемъ одной религіи, лишнимъ балластомъ для человѣка, оттого лишь, что онѣ не работаютъ практически—односторонне. Гуманизмъ въ этомъ отношеніи нѣсколько сухъ. Въ человѣческой душѣ неискоренимы извѣстныя черты, къ которымъ можно причислить и стремленіе выйти изъ своего одиночества и слиться со Всецѣлымъ, и всю пеструю гамму настроеній, навѣваемыхъ радостями и печалами жизни, и весь тотъ богатый міръ внутреннихъ переживаній, что вдохновляетъ поэта, вѣрующаго и мыслителя. Все это составляетъ цѣнное достояніе души; оно не взываетъ непременно къ дѣйствию и остается внутреннимъ богатствомъ человѣка; прагматизмъ будетъ полнѣе отвѣчать своему назначенію—отражать въ себѣ всѣ оттѣнки человѣческой души, если къ сферѣ своихъ чисто практическихъ интересовъ онъ приобщитъ и эти, неотъемлемыя для человѣка цѣнности. Впрочемъ, и самъ гуманизмъ не удовлетворяется одной лишь практической стороной человѣческой дѣятельности. Приходятъ минуты унынія и сомнѣнія, и взоры гуманизма устремляются въ сторону Непознаваемаго. «Просыпается могучее стремленіе спастись отъ личности, погрузиться въ силы, никакого уваженія къ «я» не питающія, и предоставить приливу подниматься, пусть даже грозить намъ при этомъ гибель» (James, «Will tu believe» 90), и «положеніе, въ которомъ принужденъ себя видѣть индивидъ по отношенію къ тому, что онъ называетъ Божественнымъ— есть положеніе безпомощности и жертвы. Ибо послѣ всего, что мы сказали и сдѣлали, въ конечномъ пунктѣ, мы все же зависимъ отъ Всего» (Ibidem). Также: «я твердо не вѣрю, что нашъ человѣческій опытъ есть высшая форма существующаго въ мірѣ опыта. Я скорѣе вѣрю, что во многомъ мы находимся въ отношеніи ко Всему, какъ наши любимцы собачьей и кошачьей породы къ общему человѣческой жизни» («Pragmatism», 299).

Кругъ нашихъ интересовъ не исчерпывается полезностью и продуктивностью. Масштабъ этихъ понятій, примѣняемыхъ для

оцѣнки мысли и истинъ прагматическимъ методомъ, оказывается на дѣлѣ недостаточнымъ. Не въ каждомъ замыслѣ кроется обязательно элементъ полезности, если признавать за послѣдней, въ концѣ-концовъ, какъ того хочетъ прагматизмъ, исключительно біологическое значеніе.

Культура человѣчества не была бы на такой ступени безъ свободнаго порыва отдѣльныхъ личностей перейти границы своей субъективной сферы интересовъ, ради торжества какой-либо идеи или для блага общества. Если здѣсь усматривается исканіе пользы, то таковое въ данномъ случаѣ носить идеальный характеръ: оно выражается и исчерпывается для даннаго индивидуума въ извѣстнаго рода духовномъ удовлетвореніи. Мученики идеи и вѣры видятъ свою пользу въ совершенно другой области, чѣмъ заурядный человѣкъ. Вообще, понятіе полезности содержитъ въ себѣ чисто субъективный моментъ; оно подразумѣваетъ извѣстное отношеніе, несомнѣнно, ко внѣшнимъ вещамъ, но, въ сущности, оно означаетъ внутреннее психическое состояніе удовлетворенія, которое есть не что иное, какъ чувство. Послѣднее, въ отличіе отъ воспріятій, представленій и мыслей, остается совершенно внутреннимъ субъективнымъ состояніемъ. Въ то время, какъ воспріятіе, представленіе и мысль содержаніемъ своимъ имѣютъ вещи и отношенія между ними, чувство, наоборотъ никакого содержанія не имѣетъ: оно исключительно переживаніе эмотивныхъ состояній удовольствія или неудовольствія, и, какъ таковое, во всѣхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ оно менѣе подвержено анализу, ибо, если оно и имѣетъ извѣстное отношеніе къ предметамъ сознанія, то, въ большей мѣрѣ, чувство обусловливается элементами ирраціональными и подсознательными. Поэтому изученіе чувствъ не выходитъ изъ области самонаблюденія и не можетъ сдѣлаться предметомъ объективнаго изслѣдованія. Во-первыхъ, потому, что невозможно установить точно связь чувства съ другими психическими процессами; во-вторыхъ, потому, что оно не имѣетъ никакого содержанія и, слѣдовательно, никакихъ признаковъ, по которымъ оно могло бы объективироваться, т.-е. быть опредѣлено и сообщаемо другимъ лицамъ. Внѣшніе признаки, на основаніи которыхъ мы судимъ о наличности того или другого чувства, возбуждаемаго у даннаго субъекта извѣстными вещами, не могутъ считаться адекватнымъ выраженіемъ качества или интенсивности эмотивнаго состоянія:

это послѣднее остается вполне доступнымъ и ощущаемымъ лишь для переживающаго его субъекта и ускользаетъ для воспріятія и познанія посторонними лицами. Всякая попытка установить нормативный порядокъ, по которому данныя вещи должны возбуждать извѣстныя переживанія и въ силу этого дѣлаться цѣнностями, страдаетъ апіорностью сужденія. Прагматизмъ, усматривая лишь въ практическихъ результатахъ какого-либо понятія способность удовлетворенія, совершаетъ методологическую ошибку; кто, какъ не онъ самъ, протестуетъ противъ всякихъ предвзятостей, нормъ, универсальностей и тому подобныхъ апіорныхъ конструкцій.

Телеологическій принципъ, какъ руководящее начало человѣческой дѣятельности, толкуется прагматизмомъ весьма узко, но ошибка, совершаемая послѣднимъ, принимаетъ крупныя размѣры, когда телеологія дѣлается экстр-индивидуальной концепціей, когда сама истина пріобрѣтаетъ характеръ цѣлесообразности и полезности. Это является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ прагматической теоріи дѣланія правды и дѣйствительности. Если человѣкъ способенъ дѣлать правды, естественно, что онѣ будутъ отвѣчать его замысламъ и желаніямъ.

Но всѣ ли высказываемыя нами утвержденія, въ послѣдствіи ходомъ событій подтверждаемыя и возводимыя въ рангъ истинъ, порождаются нашими интересами, или существуетъ извѣстное давленіе извнѣ, принуждающее насъ сдѣлать или признать то или другое утверженіе, дѣлающееся вопреки нашимъ желаніямъ правдой?

Несомнѣнно, что «если утверженіе дѣлается цѣннымъ и поэтому «правдивымъ», его послѣдствія должны быть «хороши». Они могутъ испытать приписываемую имъ истинность лишь путемъ споспѣшествованія или сопротивленія интересу, путемъ удовлетворенія или воспрепятствованія замыслу, который ведетъ къ возникновенію утверженія. Если они дѣлаютъ одно, утверженіе «хорошо» и pro tanto «вѣрно»; если они дѣлаютъ другое, оно—«скверно» и «ложно». («St. in Hum.», 6). Но это можетъ касаться лишь тѣхъ утверженій, которыя должны по своимъ результатамъ соотвѣтствовать нашимъ цѣлямъ и потребностямъ; прагматизмъ въ данномъ случаѣ упускаетъ изъ виду, что не всѣ утверженія, дѣлающіяся затѣмъ истинами, вызваны нашими желаніями. Въ самомъ дѣлѣ, если возьмемъ такой примѣръ:

нѣкто на основаніи извѣстныхъ симптомовъ высказываетъ предположеніе о существованіи у него такой-то болѣзни, что впоследствии констатируется врачами и самимъ фактомъ; или же, у многочисленныхъ пассажировъ на пароходѣ, при начавшемся на немъ пожарѣ, исторгается утверженіе, что пока явится помощь, ихъ пароходъ сгоритъ, а съ нимъ погибнетъ большая часть пассажировъ. Пожаръ истребляетъ пароходъ и изъ всѣхъ пассажировъ какимъ-то чудомъ спасается лишь нѣсколько человекъ въ истерзанномъ видѣ; утверженіе, такимъ образомъ, дѣлается истиной. Можно ли сказать, что утверженія, высказанныя больнымъ и пассажирами, скрывали замысль или извѣстное желаніе, и что эти высказанныя утверженія менѣе истинны оттого, что они оказались столь пагубными? Предикатъ «хорошо», употребляемый Шиллеромъ въ такомъ случаѣ, носить характеръ не утилитарный, практической, но чисто логической, ибо если утверженіе и содержало замысль, то этотъ послѣдній вытекалъ не только изъ волевыхъ импульсовъ, но скорѣе, изъ побужденій очевидности, увѣренности, несомнѣнности,—мотивовъ, относимыхъ къ разряду логическихъ. Эти истины имѣютъ характеръ объективный, независимый отъ нашихъ личныхъ усмотрѣній. Въ томъ и заключается основное значеніе истины, что она остается таковой—хочу ли я этого, или нѣтъ. Отнимать у нихъ оттѣнокъ необходимости и неизбежности равносильно созданію личнаго произвола. Истина, какъ регулирующее, инструментальное начало жизни и имѣющее основаніемъ своимъ законмѣрность явленій, потеряла бы свой смыслъ. Языкъ, культура, социальная жизнь и наука утратили бы свое значеніе, если бы они были плодами всецѣло нашихъ преходящихъ настроеній и замысловъ; жизнь наша стала бы хаосомъ.

Процессъ отстаиванія истинъ двойственъ—въ немъ принимаютъ участіе два фактора: объективный и субъективный міры. Отдавать примать одному въ ущербъ другому—произвольное толкованіе; въ этомъ отношеніи кантовскій дуализмъ остается по днесь единственно вѣрной и непоколебимой концепціей.

Чтобы избѣгнуть произвола, гуманизмъ методологически приходитъ къ утверженію детерминизма въ природѣ, благодаря которому дѣлается возможной наука, фиксируя извѣстную связь явленій и тѣмъ позволяя намъ заранѣе ихъ высчитывать. Но прагматизму становится скоро ясно, что если все въ мірѣ обу-

словлено, человекъ безсиленъ, все должно подчиняться Року. Выходъ изъ этого положенія прагматизмъ усматриваетъ въ индетерминизмѣ, корнящемся въ существованіи альтернативъ. «Наша моральная «свобода», кажется, указываетъ на моральное переходное состояніе между состояніемъ ангела и состояніемъ дьявола. Она какъ бы лежитъ въ необусловленности характера, неокрѣпшаго еще въ своихъ привычкахъ къ добру и злу, но пока еще чуткаго къ призывамъ обоихъ. Подобно этому, интеллектуальныя перспективы исчезли бы для умовъ, значительно болѣе совершенныхъ, а равно и для значительно менѣе совершенныхъ, чѣмъ наши. Разумъ, который бы непогрѣшимо выбиралъ сразу лучшія средства для реализаціи своихъ цѣлей, не приходилъ бы въ замѣшательство отъ альтернативъ такъ же, какъ и умъ, слишкомъ тупой для того, чтобы замѣтить болѣе одного очевиднаго хода» («St. in Hum.», 402).

Несовершенство нашей природы создаетъ альтернативы, дѣлающія насъ свободными. Выборъ между ними даетъ основаніе множеству возможностей, которыя всѣ разумны, ибо обусловлены какимъ-нибудь мотивомъ. Оба направленія: детерминизмъ и индетерминизмъ оказываются лишенными своихъ ужасныхъ послѣдствій, и «намъ не приходится ниспровергать алтаря науки, и приносить себя на немъ въ жертву: свобода, казавшаяся потерянной, пока лишь одно теченіе природы казалось рациональнымъ, понятнымъ и вычисляемымъ, — возрождается, если мы вспомнимъ, что два и болѣе кажутся постижимымъ, ибо они равно естественны и доступны вычисленію» («St. in Hum.», 405). Прагматизмъ пріобрѣтаетъ свободу; но не должно ли насъ нѣсколько смущать необыкновенное условіе ея, именно, несовершенство человеческой природы? Высшая ступень разума, равно какъ и его низшая, одинаково не искали и не создавали бы альтернативъ; лишь переходная между ними ступень обладаетъ свободой. Прогрессъ несомнѣненъ: идеалы совершенства вдохновляютъ и самую доктрину прагматизма: не явствуетъ ли, что предъ нами раскрывается печальная перспектива? Пока мы, оставаясь несовершенными, еще «свободны», но, по мѣрѣ приближенія къ идеалу совершенства, мы все болѣе и болѣе теряемъ въ своей свободѣ, ибо альтернативы оказываются менѣе необходимыми; онѣ будутъ все болѣе исключаться самимъ процессомъ совершенствованія. Развертываніе нашего поведенія будетъ имѣть

единственно возможное направлѣніе, ибо, будучи всезнающими и всемогущими, мы не будемъ теряться въ поискахъ и противорѣчивыхъ актахъ, служащихъ доказательствами нашего несовершенства. Но эта экономія мышленія и дѣйствія будетъ насъ связывать не менѣе, чѣмъ въ прошломъ; наше совершенство насъ детерминируетъ, и мы лишены возможности разнообразія и перемѣны въ нашихъ поступкахъ, и если у насъ сохранится чувство свободы, мы съ сожалѣніемъ будемъ оглядываться назадъ, въ глубь прошедшихъ вѣковъ, когда, не будучи всемогущи, мы все же владѣли свободой. Идеальное совершенство въ то же время связано желѣзными законами детерминизма, одинаково присущаго созданіямъ высшаго и низшаго порядка. Не лучше ли не стремиться, въ такомъ случаѣ, къ совершенству и оставаться свободными?

Но прагматизмъ не отступаетъ отъ своего утвержденія. Онъ, вѣрный своему принципу, прибѣгаетъ къ позитивному, непосредственному самонаблюденію: онъ отказывается заглядывать въ метафизическую область проблемы, которую рѣшаетъ практически. Обѣ теоріи—и детерминизмъ, и индетерминизмъ каждый въ отдѣльности непрактиченъ. Первый исключаетъ альтернативы: никакой человѣкъ не могъ бы поступать иначе, чѣмъ онъ поступаетъ; моральная отвѣтственность и осуществленіе идеаловъ и замысловъ остаются иллюзіей, если же «рег сонга», ходъ событій не обусловленъ, мы должны отбросить одно только предположеніе, что онъ можетъ быть узнанъ и высчитанъ, и въ результатѣ природа сводится къ хаосу. Мы должны пожертвовать или нашимъ знаніемъ или собою. («St. in Hum.», 395). Конфликтъ между обѣими концепціями чисто теоретической, отвлеченной; на дѣлѣ наука возможна, благодаря детерминизму явленій, позволяющему намъ высчитывать ихъ ходъ и заранѣе подготовиться для приспособленія къ нимъ; такимъ образомъ, обусловленность и законмѣрность даютъ намъ возможность дѣйствовать, и дѣйствовать для нашего блага. Съ другой стороны, абсолютная свобода воли въ отношеніи мышленія и морали немислима, ибо какъ то, такъ и другая всегда предполагаютъ извѣстныя нормы, мотивирующія направлѣніе нашихъ дѣйствій,—свобода, такимъ образомъ, связана съ детерминизмомъ: одно не исключаетъ другого. «Другими словами, прагматическая разница между обѣими соперничающими теоріями склоняется къ исчезнове-

нію; на практикѣ обѣимъ сторонамъ остается спрятать въ карманъ (to pocket) свои метафизики и дѣйствовать разумно; въ теоріи различія таковы, что ихъ вліяніе на практикѣ весьма отдаленнаго и, главнымъ образомъ, эмотивнаго свойства. Наоборотъ, для здраваго разсудка здѣсь нѣтъ практической разницы; вся метафизическая контрверсія, поэтому, является вздорной и должна разсматриваться съ крайнимъ равнодушіемъ. И не должно ли такъ, въ самомъ дѣлѣ, быть въ мірѣ, гдѣ мысль является второстепенной по отношенію къ акту?» («St. in Hum.», 408).

Въ этихъ словахъ кроется все евангеліе прагматизма. Если логика оказывается безсильной, если благодаря ей создается густая сѣть ловушекъ и противорѣчій, стоящихъ неисчислимыми преградами для человѣка на пути къ его совершенству, единственно возможный исходъ и спасеніе—это оставить резонерство и теоретизированіе и обратиться къ вѣрѣ и здравому разсудку, а главное къ работѣ. Чистая мысль носитъ въ себѣ ядъ сомнѣній; она разлагаетъ наши намѣренія, прежде чѣмъ они успѣли оформиться. Она дѣлаетъ насъ смѣшными и беспомощными. Для человѣка существуетъ альтернатива: пойти на зовъ common sense, вѣрнаго спутника нашей жизни, или послѣдовать императивамъ чистой мысли. Въ первомъ случаѣ его ждетъ жизнь, полная дѣйствія, работы и развлеченій, во второмъ—безплодное скитаніе по дебрямъ горныхъ областей, гдѣ онъ, въ состояніи головокруженія и теряя равновѣсіе, мутнымъ взоромъ улавливаетъ плывущіе куда-то міры и падаетъ въ разверзающуюся передъ нимъ бездну. Вольно каждому пойти по любому пути; но живущій въ насъ инстинктъ жизни указываетъ намъ пальцемъ на первый. Прагматизмъ есть философія этого направленія: онъ практиченъ и жизнерадостенъ; онъ полонъ силъ и хочетъ брать отъ жизни все, что можетъ; лишь въ общеніи съ міромъ опыта, лишь въ пропитанныхъ запахомъ земли вещахъ черпаетъ онъ свою силу и содержаніе. Какъ реакція, какъ протестъ противъ интеллектуализма, какъ страстный призывъ къ непосредственной жизни съ ея пестрымъ, кипучимъ разнообразіемъ, прагматизмъ займетъ безусловно крѣпкую позицію въ области мысли. Въ немъ кроется здоровое зерно: въ отличіе отъ геометрической манеры логической мысли, онъ, хотя нѣсколько скупъ, но все же съ большимъ вниманіемъ, относится къ ирраціональнымъ элементамъ нашей психики. Его философема въ данномъ

отношеніи полнѣе отражаетъ человѣческую душу, чувствующую въ себѣ частицу космоса, чѣмъ *idée pure*. Эта послѣдняя отвѣчаетъ лишь императивамъ критическаго сознанія; она оставляетъ въ пренебреженіи требованія чувствъ; не допускаетъ сна рядомъ съ собой равноцѣннаго для жизни спутника—вѣру: и въ то время, какъ она вращается въ *circulus vitiosus*, прагматизмъ раздвигаетъ рамки нашей жизни; онъ наполняетъ насъ надеждой и жизненной силой; онъ увлекаетъ впередъ на работу и пользованіе жизнью. Между двумя доктринами—пессимизмомъ и оптимизмомъ—прагматизмъ занимаетъ среднюю позицію, а именно, позицію меліоризма. Міръ самъ по себѣ вовсе не безотраденъ; въ то же время счастья *an sich* въ немъ нѣтъ. Мы можемъ его добыть путемъ лишь неусыпныхъ стремленій и работъ. По мѣрѣ нашего совершенствованія осуществляется благо.

Чтобы прагматизмъ завоевалъ человѣческое сознаніе всецѣло, болѣе чѣмъ сомнительно. Исторія человѣческой мысли представляетъ шатаніе сознанія то въ сторону отвлеченной абстракціи, то въ сторону практической дѣятельности. Человѣческая организація двойственна. Реальный міръ призывомъ своихъ интересовъ привлекаетъ нашъ умственный взоръ, но предѣльность его богатства не можетъ удовлетворить тоскующую по Вѣчному, по Абсолюту душу. На ряду съ земными потребностями не угасаетъ въ человѣкѣ религія Непознаваемаго, интуиція потусторонняго міра. Въ человѣческой душѣ борются два начала, и они ищутъ своего синтеза. Поскольку прагматизмъ проникнется этимъ и расширитъ предѣлы своей терпимости по отношенію къ «непрактическимъ» сторонамъ бытія, постольку онъ сблизится съ человѣкомъ и полнѣе будетъ отвѣчать своему назначенію, какъ гуманитарной философіи.

Что касается генетической теоріи истины, то она нуждается въ развитіи своихъ положеній. Для жизни и прогресса нужна истина, которая какъ цементъ связывала бы безчисленныя части того цѣлаго, что называется прагматическимъ космосомъ,—иначе онъ рассыпется. Нужны нормы извѣчныя, незыблемыя, на фундаментахъ которыхъ могли бы создаваться и умирать истины-инструменты. Какъ бы онѣ ни назывались: категоріи ли ума, космическіе ли законы или императивы морали и религіи,—безъ нихъ немыслима гармоническая координація міра: онъ представлялъ бы хаосъ, нелѣпый произволь. Будутъ ли онѣ достигнуты или

нѣтъ, но человѣческая пытливость никогда не дастъ себя усыпить реальными фактами здраваго разсудка: она вѣчно будетъ искать и томиться...

Нельзя не признать, что прагматизмъ является отголоскомъ общечеловѣческаго конфликта вѣры и мысли. Имъ затрогивается и съ новой силой выдвигается на форумъ человѣческаго сознанія эта вѣчная драма. Суждено ли ему разрѣшить эту проблему, едва ли можетъ быть принято въ расчетъ; заслуга его въ томъ, что онъ возбудилъ снова интересъ къ ней.

Алек. Балабанъ.

Предметъ и методъ соціологіи.

(*G. Simmel. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. 1908.*)

I.

Раздѣленіе человѣческаго знанія на отдѣльныя научныя дисциплины вызвано, въ общемъ, тою же потребностью, какою вызывается всякое раздѣленіе труда. И въ области науки раздѣленіе труда является средствомъ сдѣлать трудъ интенсивнѣе и разнообразнѣе. Чѣмъ шире поэтому становится область научной работы, чѣмъ разностороннѣе дѣлается матеріаль и разнообразнѣе примѣняются методы и приемы изслѣдованія, тѣмъ больше прогрессируетъ раздѣленіе науки. При этомъ, конечно, въ историческомъ ходѣ процесса обособленія научныхъ дисциплинъ другъ отъ друга строго-логической планомѣрности нѣтъ; самыя разнообразныя обстоятельства могутъ сдѣлать извѣстную область знанія предметомъ самостоятельнаго изученія, при чемъ не послѣднюю роль могутъ играть даже тѣ или иныя индивидуальныя особенности склада ума отдѣльнаго изслѣдователя. Конечно, не всѣ попытки выдѣленія самостоятельныхъ научныхъ дисциплинъ даютъ одинаково прочныя результаты; здѣсь имѣетъ мѣсто своеобразный отборъ, вносящій извѣстную регулировку въ этотъ процессъ. Чѣмъ больше развивается научное знаніе, тѣмъ интенсивнѣе становится однако стремленіе внести чисто-логическую планомѣрность въ процессъ раздѣленія наукъ, обратить исторически сложившееся разнообразіе дисциплинъ въ строго-логическую систему. И само собою разумѣется, что въ области науки, которая сама есть систематизированное знаніе, такая систематическая классификація вполне возможна и по существу

необходима. Только выполнѣ точное опредѣленіе каждой научной отрасли съ точки зрѣнія ея предмета и ея мѣста среди другихъ наукъ даетъ возможность правильно установить и характеръ наиболѣе подходящихъ къ ней методовъ и пріемовъ изслѣдованія.

Въ особенности нуждаются въ такомъ опредѣленіи тѣ науки, которыя только еще начинаютъ обособляться отъ другихъ областей знанія. О такихъ наукахъ часто происходятъ споры, касающіеся самой правомѣрности ихъ существованія. Только та наука имѣетъ право на обособленное существованіе, которая изслѣдуетъ достаточно опредѣленный и обособленный кругъ явленій или которая разсматриваетъ матеріаль опыта съ достаточно опредѣленной въ своей обособленности точки зрѣнія. Въ настоящее время едва ли не первое мѣсто среди научныхъ дисциплинъ по спорности своего права на существованіе занимаетъ такъ называемая социологія. Нельзя сказать, чтобы выполнѣ ясенъ для всѣхъ былъ ея предметъ и методъ, а потому неясными остаются и грани, отдѣляющія ее отъ другихъ наукъ. Есть попытки построить социологию на базисѣ биологическихъ данныхъ, есть попытки истолковать ее, какъ философію исторіи; въ последнее время очень сильно дасть чувствовать себя теченіе, сближающее социологию съ социальной психологіей.

При этихъ условіяхъ не можетъ не остановитъ на себѣ вниманія толстый томъ, почти въ 800 страницъ убористаго шрифта, носящій на себѣ имя Георга Зиммеля и озаглавленный этимъ загадочнымъ терминомъ «Социологія». У приступающаго къ его чтенію имѣются всѣ основанія думать, что подобное изслѣдованіе должно насъ очень подвинуть въ правильной постановкѣ вопроса о предметѣ и методѣ социологіи. Вотъ почему читатель, не жалѣя времени и труда, устремляется черезъ густой и не всегда легко проходимый лѣсъ многочисленныхъ страницъ новой книги. Къ сожалѣнію, для меня, по крайней мѣрѣ, результаты оказались не выполнѣ соответствующими тому труду, который долженъ былъ затратить авторъ на свое изслѣдованіе, а читатель—на ознакомленіе съ нимъ. Мнѣ кажется, что, въ общемъ, Зиммель этимъ новымъ трудомъ не оправдалъ тѣхъ ожиданій, которыя могли бы быть вызваны его появленіемъ. Едва ли тѣ выводы, къ которымъ приходитъ авторъ, безъ очень значительныхъ поправокъ и дополненій могутъ стать прочнымъ достояніемъ науки.

Въ виду особенностей изложенія и плана работы Зиммеля, о которыхъ придется говорить позже, общія положенія о предметѣ и методѣ соціологіи, которыя особенно важны въ книгѣ, посвященной именно этой дисциплинѣ, должны быть извлекаемы читателемъ изъ разныхъ мѣстъ обширной книги, и имъ отведено въ общемъ гораздо меньше мѣста, чѣмъ это слѣдовало бы, если принять во вниманіе сложность вопроса и его спорность.

Мнѣ кажется, что общія точки зрѣнія автора по этимъ вопросамъ могутъ быть сведены къ слѣдующимъ положеніямъ.

1. Предметомъ соціологіи, въ отличіе отъ другихъ общественныхъ наукъ, является, по мнѣнію Зиммеля, не *содержаніе* общественной жизни, а *форма* ея. При этомъ различіе между содержаніемъ и формой авторъ опредѣляетъ въ слѣдующихъ, весьма тяжелыхъ и трудно поддающихся переводу, фразахъ: «Содержаніемъ, какъ бы матеріей общенія, я называю все то, что происходитъ въ индивидахъ, непосредственно конкретныхъ мѣстахъ всякой исторической дѣйствительности, какъ влеченіе, интересъ, цѣль, склонность, психическое состояніе и движеніе, и притомъ происходитъ такъ, что изъ этого или въ этомъ возникаетъ дѣйствіе на другихъ и принятіе ихъ дѣйствій (das Empfangen ihrer Wirkungen). Сами по себѣ эти матеріалы, которыми наполняется жизнь, эти мотивировки, которыя ее направляютъ, еще не социальны. Ни голодъ, ни любовь, ни трудъ, ни религіозность, ни техника, ни функціи и результаты разсудка не означаютъ еще процесса общенія, какъ они даны намъ непосредственно и въ чистомъ своемъ смыслѣ; они приводятъ къ процессу общенія лишь тогда, когда преобразуютъ изолированное существованіе индивидовъ рядомъ другъ съ другомъ въ опредѣленные формы существованія другъ вмѣстѣ съ другомъ и другъ для друга, въ такія формы, которыя подходятъ подъ общее понятіе взаимодѣйствія. Процессъ общенія есть, слѣдовательно, въ бесконечно разнообразныхъ видахъ проявляющаяся форма, въ которой индивиды на основаніи интересовъ—чувственныхъ или идеальныхъ, моментальныхъ или длительныхъ, сознательныхъ или безсознательныхъ, каузально обуславливающихъ или телеологически влекущихъ—срастаются въ единство, и въ предѣлахъ которой эти интересы осуществляются» (стр. 6). Хотя содержаніе и форма составляютъ единую и неразрывную реальность общественной жизни, но форма общенія, какъ абстракція, можетъ быть пред-

метомъ самостоятельнаго изученія. Дѣло въ томъ, что одни и тѣ же формы общенія могутъ встрѣчаться при самомъ различномъ содержаніи общественной жизни, и, наоборотъ, одни и тѣ же содержанія могутъ укладываться въ разныя формы. Такъ, напр., «хозяйственный интересъ реализуется какъ въ формѣ конкуренціи, такъ и въ видѣ планомѣрной организаціи производителей, какъ черезъ посредство замыканія отъ другихъ хозяйственныхъ группъ, такъ и путемъ присоединенія къ нимъ; религіозныя содержанія жизни требуютъ, оставаясь по содержанію тождественными, то болѣе свободной, то болѣе централизованной формы общенія» и т. д. (стр. 9). Въ то время, какъ другія общественныя науки изучаютъ разныя содержанія общественной жизни, социологія смотритъ на явленія, куда относящіяся, исключительно съ точки зрѣнія формъ общенія и различныхъ степеней, въ которыхъ проявляется фактъ общенія между людьми.

2. Социологія, по мнѣнію Зиммеля, должна быть строго отдѣляема отъ *соціальной психологіи*. Конечно, въ основѣ общенія между людьми лежатъ психическіе процессы, происходящіе въ отдѣльныхъ людяхъ, и эти процессы составляютъ матеріаль для социологическаго разсмотрѣнія. Но самое это разсмотрѣніе по своему характеру абстрактно, и это абстрагированіе кладетъ грань между социологіей и психологіей. Социологія занимается не изученіемъ духовныхъ процессовъ, происходящихъ во вступающихъ въ общеніе индивидахъ, но формами самаго общенія, какъ самостоятельнымъ объектомъ изслѣдованія. Какъ физическія науки не становятся отдѣлами психологіи, хотя и онѣ возникаютъ въ концѣ-концовъ изъ надлежащей обработки духовныхъ содержаній, такъ и социологія сохраняетъ свою самостоятельность отъ психологіи. «Такимъ образомъ, данныя социологіи суть духовные процессы, непосредственная дѣйствительность которыхъ прежде всего раскрывается въ психологическихъ категоріяхъ; но послѣднія, хотя и необходимы для описанія фактовъ, остаются внѣ *цѣли* социологическаго разсмотрѣнія, которая заключается скорѣе въ самой предметности общенія (*Sachlichkeit der Vergesellschaftung*), опирающейся на духовные процессы и часто изображаемой только при ихъ посредствѣ» (стр. 24). Такъ, при социологическомъ разсмотрѣніи явленія вражды, «для насъ представляетъ интересъ не самъ по себѣ протекающій въ каждомъ изъ двухъ индивидовъ духовный рядъ, но синопсисъ обоихъ подъ категоріей единенія

и раздвоенія» (стр. 23). Что касается социальной психологии, то она не составляет самостоятельной науки, такъ какъ нѣтъ особой социальной души, въ качествѣ предмета ея изслѣдованія. Она представляетъ только отдѣлъ индивидуальной психологии и имѣетъ своей задачей разрѣшеніе вопроса: «какое видоизмѣненіе претерпѣваетъ духовный процессъ индивида, если онъ протекаетъ подъ опредѣленными вліяніями окружающей общественной среды?» (стр. 561).

3. Зиммель констатируетъ существенное различіе между *соціальнымъ единствомъ и единствомъ внѣшней природы*. Наподобіе Кантовскаго вопроса: «какъ возможна природа?», онъ ставитъ въ специальномъ экскурсѣ вопросъ: «*какъ возможно общество?*»,— и даетъ на него слѣдующій отвѣтъ. «Рѣшительное различіе общественнаго единства отъ природнаго единства состоитъ въ слѣдующемъ: послѣднее—съ предполагаемой здѣсь Кантовской точки зрѣнія—совершается исключительно въ наблюдающемъ субъектѣ, произведено только имъ и изъ чувственныхъ элементовъ, которые сами по себѣ не связаны; напротивъ, общественное единство непосредственно реализуется его элементами, такъ какъ они сознательны и синтетически активны, и не нуждается въ наблюдателѣ. Положеніе Канта: связь никогда не можетъ заключаться въ вещахъ, такъ какъ она создается только субъектомъ, непримѣнима къ общественной связи, которая фактически непосредственно совершается въ «вещахъ», каковыми въ данномъ случаѣ оказываются индивидуальныя души. Она, какъ синтезъ, естественно, остается чисто духовной и не стоитъ въ параллели съ пространственными образованіями и ихъ взаимодействіями. Но объединеніе не нуждается здѣсь ни въ какомъ факторѣ, кромѣ его элементовъ, такъ какъ каждый изъ нихъ выполняетъ функцію, которая по отношенію къ внѣшнему міру выполняется дѣятельностью наблюдателя: сознаніе образованія единства съ другими и *есть* здѣсь фактически все единство, о которомъ идетъ рѣчь... Общество есть единство объективное, не нуждающееся въ постороннемъ наблюдателѣ» (стр. 28—29). Но при этомъ объективномъ характерѣ связи, отдѣльные элементы, объединенные въ общество, сохраняютъ и свою самостоятельность. «Части пространственнаго бытія сливаются въ сознаніи наблюдателя въ такое единство, котораго не достигаетъ общеніе индивидовъ. Именно благодаря тому, что предметами

синтеза здѣсь оказываются самостоятельныя существа, духовныя центры, личныя единства, они сопротивляются тому абсолютному объединенію въ душѣ другого субъекта, которому должна покоряться безличность неодушевленныхъ вещей. Такимъ образомъ, совокупность людей образуютъ единство реально въ гораздо большей степени, а идеально—въ гораздо меньшей степени, чѣмъ столъ, стулья, софа, коверъ и зеркало образуютъ «обстановку комнаты» или рѣка, лугъ, деревья, домъ—«ландшафтъ» или на картинѣ «изображеніе» (стр. 29). Поэтому при изученіи общества необходимо считаться не только съ объединяющими индивидовъ процессами духовной жизни, но и съ индивидуальной самостоятельностью каждаго члена, съ тѣмъ неравенствомъ, которое существуетъ между ними при ихъ принципиальной равноцѣнности. Отсюда выводится авторомъ наиболее важное изъ апіорныхъ условій изученія общества. «Общественная жизнь, какъ таковая, построена на предположеніи принципиальной гармоніи между индивидомъ и социальнымъ цѣлымъ... Если бы социальная дѣйствительность безпрепятственно и безошибочно обуславливалась этимъ принципиальнымъ предположеніемъ, то мы имѣли бы совершенное общество,—не въ смыслѣ этического или эвдемонистическаго совершенства, но соотвѣтственно самому понятію: такъ сказать, не *совершенное* общество, но совершенное *общество*. Для индивида, въ качествѣ аргіогі его социальнаго существованія, является постоянное соотвѣтствіе его индивидуальнаго бытія съ окружающими слоями, коренная необходимость его особенностей, обусловленныхъ его внутренней психической жизнью, для жизни цѣлаго. Поскольку онъ не реализуетъ этого аргіогі или не находитъ реализованнымъ, постольку онъ и не социаленъ, постольку общество не есть непрерывное взаимодействіе, какимъ оно должно быть по своему понятію» (стр. 44).

4. Несмотря на всю важность, которую имѣетъ понятіе общенія и общественности для человѣка, не это понятіе, по мнѣнію Зиммеля, даетъ намъ мѣрило для *оцѣнки* явленій человѣческой жизни. Такимъ мѣриломъ является понятіе «человѣчества» (*Menschheit*), въ основѣ котораго лежитъ идея индивида, а не общества; общество имѣетъ значеніе лишь, какъ одно изъ средствъ, при помощи которыхъ индивидъ развиваетъ въ себѣ человѣческія свойства, идетъ къ идеалу. «Матеріаль для идеи

человѣчества и исходящихъ отъ нея вопросовъ составляютъ индивидуиды, и для нея является уже второстепеннымъ обстоятельствомъ, производятся ли вклады этихъ индивидуидовъ въ осуществленіе и развитіе этой идеи въ формѣ общенія, или же въ формѣ чисто личной дѣятельности, выражающейся въ мысленіи, настроеніи, художественномъ творчествѣ, въ біологическомъ улучшеніи или ухудшеніи расы, или въ религіозномъ отношеніи къ богамъ и идоламъ. Въ какой-либо изъ подобныхъ формъ, конечно, должно протекать существованіе и дѣятельность индивидуиды, и она образуетъ технику или промежуточное звено, черезъ посредство коихъ индивидуальность можетъ стать практически дѣйствительнымъ элементомъ человѣчества. Но при всей неоспоримой необходимости этихъ отдѣльныхъ формъ, среди которыхъ выше всего стоитъ общеніе, методическими полюсами разсмотрѣнія человѣческой жизни остаются однако: *человѣчество и индивидуидъ*» (стр. 774).

5. Къ изслѣдованію соціологическихъ явленій Зиммель находитъ необходимымъ примѣнить совершенно особенный *микроскопическій методъ*. «Въ общемъ, — говоритъ онъ, — соціологія ограничивалась тѣми соціальными явленіями, при которыхъ взаимодействующія силы уже выкристаллизовались изъ ихъ непосредственныхъ носителей, по меньшей мѣрѣ, въ идеальныя единства. Государство и промышленные союзы, организаціи духовенства и семейные союзы, хозяйственныя учрежденія и военный строй, цехи и общины, образованіе классовъ и промышленное раздѣленіе труда, — эти и имъ подобныя органы и системы какъ будто исчерпывали общество и заполняли область науки о немъ» (стр. 18). Однако, «изъ названныхъ образованій, которыя составляютъ обычный предметъ науки объ обществѣ, совершенно невозможно вывести дѣйствительную, данную въ опытѣ жизнь общества; безъ участія безчисленныхъ, въ отдѣльности малообъемистыхъ синтезовъ, которымъ въ большей части посвящены настоящія изслѣдованія, жизнь общества распалась бы на множество разрозненныхъ системъ... Здѣсь идетъ дѣло какъ бы о микроскопически-молекулярныхъ процессахъ внутри человѣческаго матеріала, которые однако и являются настоящимъ *процессомъ*, уже потому сплетающимся или гипостазирующимся въ этихъ макроскопическихъ твердыхъ единствахъ и системахъ. Мы постоянно связываемся тѣмъ, что люди другъ на друга поглядываютъ и что они

другъ друга ревнуютъ; что они пишутъ другъ другу письма и совмѣстно обѣдаютъ; что они, совершенно независимо отъ всякихъ уловимыхъ интересовъ, симпатически и антипатически соприкасаются; что благодарность сообщаетъ альтруистическому предоставленію неразрывно связующія послѣдствія; что одинъ у другого спрашиваетъ дорогу и что они другъ для друга наряжаются и украшаются, и что имѣютъ мѣсто вообще тому подобныя тысячи отношеній, разыгрывающихся между людьми, моментальныхъ или длительныхъ, сознательныхъ или безсознательныхъ, безслѣдно проходящихъ или обильныхъ послѣдствіями, изъ которыхъ вполнѣ случайно выбраны эти примѣры.. Дѣло идетъ о томъ, чтобы примѣнить принципъ безконечно-многихъ и безконечно-малыхъ дѣйствій къ сосуществованію общества такъ же, какъ онъ съ успѣхомъ примѣненъ къ наукамъ о послѣдовательности: къ геологій, къ біологической теоріи развитія, къ исторіи» (стр. 19 и сл.).

Этого рода анализу общественныхъ явленій посвященъ почти весь обширный трудъ Зиммеля, за исключеніемъ первой, сравнительно небольшой главы, и нѣсколькихъ экскурсовъ, трактующихъ объ общихъ и принципиальныхъ вопросахъ. Во второй главѣ обстоятельному разбору подвергается вопросъ о значеніи *численности* для соціальной группы, при чемъ съ особенною детальною анализируются отличительные признаки союзовъ изъ двухъ и изъ трехъ членовъ. Предметомъ третьей главы является изученіе *формъ властвованія и подчиненія*; рассматриваются случаи подчиненія одному лицу, цѣлой группѣ и объективному принципу, а затѣмъ анализируются разныя степени подчиненія. Въ четвертой главѣ обстоятельно выясняется значеніе *спора* въ соціальной жизни и разныя формы, которыя принимаетъ антагонизмъ между людьми; въ особенности долго останавливается авторъ на явленіи конкуренціи. Въ пятой главѣ авторъ, выяснивъ, какимъ образомъ люди вообще могутъ сноситься между собой и уяснить другъ другу содержаніе своего внутренняго міра, особо останавливается на *тайнѣ и тайныхъ обществахъ*. Соціальные круги различаются по характеру объединяющей людей связи и по степени сплоченности; они могутъ вступать между собой во взаимодѣйствіе. Выясненію этого «*скрещиванія соціальныхъ круговъ*» и его вліянія на выработку индивидуальности посвящена глава шестая, отчасти повторяющая выводы болѣе ран-

ного сочиненія Зиммеля «Соціальная дифференціація». Предметомъ разсмотрѣнія въ главѣ седьмой является *блѣдный*, какъ членъ соціальной группы, занимающій въ ней своеобразное положеніе. *Самосохраненіе соціальной группы*, его условія и формы, которыя оно принимаетъ, анализируются въ главѣ восьмой, при чемъ попутно, въ особыхъ экскурсахъ, изслѣдуются вопросы о наслѣдственности должностей, о соціальной психологіи, о вѣрности и благодарности. Глава девятая, посвященная вопросу о значеніи *пространственныхъ отношеній* для соціальной жизни, включаетъ въ себя любопытный экскурсъ о соціологіи внѣшнихъ чувствъ, главнымъ образомъ, о томъ, какое значеніе въ общественныхъ отношеніяхъ имѣютъ зрѣніе, слухъ и обоняніе. Послѣдняя—десятая глава, такъ же какъ и шестая въ значительной мѣрѣ повторяющая разсужденія, высказанныя въ «Соціальной дифференціаціи», посвящена вопросу о *ростѣ соціальныхъ группъ и обобществленіи индивидуальности*. Я считаю возможнымъ не останавливаться болѣе подробно на содержаніи этихъ главъ, такъ какъ оно было уже изложено С. А. Котляревскимъ въ «Вопр. фил. и псих.», 1908 г., кн. 95.

Во всѣхъ этихъ главахъ разбросано очень много интересныхъ наблюденій и оригинальныхъ замѣчаній. Нельзя не пожалѣть, однако, о томъ, что авторъ чрезвычайно скупъ на общіе выводы и совершенно не позаботился о систематизаціи своего обширнаго матеріала. Онъ самъ не разъ предупреждаетъ, что его трудъ не имѣетъ исчерпывающаго значенія и представляетъ лишь попытку примѣненія новаго метода къ ряду отдѣльныхъ вопросовъ (см. примѣчанія къ оглавленію и на стр. 17). Но и при такомъ планѣ книги можно было бы въ болѣе высокой степени позаботиться о систематичности и наглядности въ расчлененіи и расположеніи матеріала. Теперь же длиннѣйшія главы, въ которыхъ подъ рядъ трактуются безъ передышки иногда довольно разнообразныя вопросы, вдругъ перебиваются уже совсѣмъ мало съ ними связанными экскурсами, а по прочтеніи каждой главы и всего труда читатель не получаетъ почти никакихъ руководящихъ обобщеній отъ автора. Въ этомъ видѣ книга представляется скорѣе довольно хаотическимъ собраніемъ матеріаловъ, нежели систематическимъ изслѣдованіемъ, и едва ли оправдываетъ слишкомъ громкое и претенціозное заглавіе, данное ей авторомъ.

Но это все, конечно, болѣе внѣшніе недостатки. Посмотримъ

какъ обстоитъ дѣло съ основными положеніями автора по существу.

II.

Я не могу вполне согласиться съ тѣми положеніями о предметѣ и методѣ социологіи, которыя выставлены въ книгѣ Зиммеля и выше были мною сведены къ пяти тезисамъ. Въ дальнѣйшемъ я постараюсь изложить тѣ недоумѣнія и возраженія, которыя возникаютъ у меня по поводу этихъ положеній.

1. Какъ мы видѣли, Зиммель считаетъ предметомъ социологіи *форму* общенія, взятую въ абстракціи, тогда какъ *содержаніе* общественной жизни составляетъ предметъ изученія отдѣльных общественныхъ наукъ. Я думаю, что здѣсь въ основѣ заключается до извѣстной степени правильная мысль, но выражена она антитезой «формы» и «содержанія» едва ли удачно и ясно. Дѣло въ томъ, что названныя понятія, въ примѣненіи ихъ особенно къ духовнымъ и социальнымъ процессамъ, приводятъ къ большимъ недоразумѣніямъ. Что именно понимается здѣсь подъ формой и что должно быть означено содержаніемъ? Нельзя сказать, чтобы смыслъ этихъ понятій былъ вообще очень опредѣлительнъ. Но обыкновенно подъ формой разумѣется нѣкоторое *болѣе* или *менѣе постоянное соотношеніе* элементовъ содержанія, которое остается неизмѣннымъ при перемѣнѣ этихъ элементовъ. Такъ называемыя формы возрѣнія—пространство и время—неизмѣнно обуславливаютъ всякое содержаніе опыта. Геометрическая форма предмета остается неизмѣнной при смѣнѣ вызываемыхъ имъ ощущеній свѣта или цвѣта. Формы мышленія, изучаемыя логикой въ качествѣ постоянного порядка логической мысли, противоплагаются измѣнчивому содержанію мысли. Въ особенности отчетливо выясняется указанный смыслъ понятія «формы» въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно прилагается къ явленіямъ жизни. Живой организмъ узнается по его относительно неизмѣнной формѣ, которая поддерживаетъ его тождество съ самимъ собою при постоянномъ обмѣнѣ веществъ, лежащемъ въ основѣ жизненнаго процесса. Но то ли же самое имѣемъ мы въ данномъ случаѣ? Самъ Зиммель даетъ намъ основаніе сказать, что такого соотношенія въ данномъ случаѣ не имѣется. Онъ указываетъ, что одна и та же форма можетъ примѣняться къ различнымъ содержаніямъ общественной жизни, но, съ другой

стороны, и одно и то же содержаніе можетъ принимать различныя формы. При такомъ положеніи дѣла остается неяснымъ, почему именно порядокъ общенія между людьми называется формой, а тѣ разнообразныя интересы, побужденія и стремленія, которыя приводятъ къ процессу общенія и преслѣдуются въ этомъ процессѣ, должны быть именуемы содержаніемъ общественной жизни? Сравнительнаго постоянства или устойчивости мы ни тамъ; ни здѣсь не имѣемъ.—Нельзя сказать и того, чтобы одинъ изъ этихъ элементовъ являлся *опредѣляющимъ*, а другой *опредѣляемымъ*. Если способы общенія извѣстнымъ образомъ отражаются на характерѣ стремленій и наклонностей людей, то, съ другой стороны, и характеръ интересовъ и наклонностей не можетъ не класть своего отпечатка на способы сношеній между людьми: вѣдь не всѣ виды и способы общенія одинаково пригодны для преслѣдованія всѣхъ безъ различія интересовъ!—Едва ли можно истолковать дѣлаемое Зиммелемъ противоположеніе формы и содержанія и въ томъ смыслѣ, что процессъ общенія есть форма, какъ нѣчто *внѣшнее*, тогда какъ содержаніе общественной жизни составляютъ *внутреннія* переживанія людей. Вѣдь, по ученію Зиммеля, и процессъ общенія есть результатъ внутренней связи между людьми, связи, которая, по его собственному выраженію, заключается въ самихъ «вещахъ», каковыми въ данномъ случаѣ являются вступающіе въ общеніе люди (индивидуальныя души).—Я думаю поѣтому, что гораздо цѣлесообразнѣе было бы формулировать отношеніе между соціологіей и другими общественными науками, не прибѣгая къ неясному въ данномъ случаѣ противопоставленію формы и содержанія. Можно сказать просто, что соціологія имѣетъ своимъ предметомъ изученіе процесса общенія между людьми *независимо* отъ тѣхъ интересовъ, удовлетвореніе которыхъ достигается при посредствѣ этого общенія, тогда какъ многія изъ другихъ общественныхъ наукъ изучаютъ процессы общенія именно съ точки зрѣнія ихъ соотношенія къ спеціальнымъ интересамъ. Такъ, напр., политическая экономія въ значительной степени посвящена выясненію тѣхъ процессовъ общенія, которые возникаютъ на почвѣ хозяйственныхъ интересовъ. Что же касается еще цѣлаго ряда общественныхъ наукъ, то о нихъ приходится сказать, что онѣ вообще *процессомъ* общенія, какъ таковымъ, не занимаются. Предметомъ ихъ разсмотрѣнія являются извѣстныя содержанія мысли

или чувства, которыя сложились у людей въ результатѣ ихъ общенія и, оказывая сами извѣстное социальное воздѣйствіе, объективировались. Эти науки имѣютъ дѣло не съ процессомъ социальной жизни людей, но съ *продуктами* этой жизни, взятой какъ процессъ творчества, и разсматриваютъ эти продукты не съ генетической точки зрѣнія, т.-е. не съ точки зрѣнія ихъ происхожденія, а только съ логически-систематизирующей. О такихъ объективныхъ продуктахъ социального творчества, являющихся потомъ для науки предметомъ логическаго анализа, Зиммель упоминаетъ, напр., на стр. 558—9, разсуждая объ «объективно-духовномъ содержаніи, которое уже не является чѣмъ-то психологическимъ». Къ этому разряду наукъ относятся догматическая юриспруденція, грамматика и т. п.

2. Эти соображенія приводятъ насъ ко второму тезису Зиммеля. Я не могу согласиться съ тѣмъ разобщеніемъ социологии и социальной психологии, какъ отдѣльныхъ дисциплинъ, на которомъ настаиваетъ Зиммель. Въ самомъ дѣлѣ, это разобщеніе представляется совершенно невыполнимымъ, если стать на только что выясненную точку зрѣнія относительно предмета социологии. Съ этой точки зрѣнія, социология есть наука, занимающаяся изученіемъ процессовъ общенія между людьми, какъ таковыхъ. Но самые процессы общенія вѣдь не являются феноменами какой-либо таинственной сущности въ видѣ «социальной души», витающей гдѣ-то внѣ человѣческихъ индивидовъ. Самъ Зиммель постоянно подчеркиваетъ ту мысль, что процессъ человеческого общенія сводится къ взаимодействию отдѣльныхъ людей. Если это взаимодействие становится предметомъ особаго изученія, то именно въ виду того, что въ психикѣ каждаго изъ индивидовъ происходятъ серьезныя измѣненія именно подъ вліяніемъ общенія, въ связи съ общеніемъ. Нельзя изучать процессъ общенія, отвлекаясь отъ этихъ измѣненій въ психикѣ индивидовъ, такъ какъ онъ и состоитъ именно въ этихъ измѣненіяхъ. А между тѣмъ, по Зиммелю, изученіе этихъ измѣненій въ психикѣ индивида составляетъ предметъ особой отъ социологии науки—социальной психологии! Мнѣ кажется, что, абстрагируя социологию, какъ науку о процессахъ общенія между людьми, отъ социальной психологии, мы только лишимъ одну изъ этихъ двухъ дисциплинъ всякаго содержанія, а это показываетъ, что *социология и социальная психология находятся въ тѣснѣйшей и неразрыв-*

ной связи, или даже, что мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ, просто *совпадаютъ другъ съ другомъ*. Мы не можемъ изучать социальный процессъ иначе, какъ подвергая анализу тѣ психическіе процессы, которые происходятъ въ индивидахъ при общеніи ихъ между собою. Я полагаю поэтому, что именно социальная психологія и составляетъ тотъ отдѣлъ социологіи, который имѣетъ своимъ предметомъ раскрытіе общихъ законовъ жизни и развитія общества. Кромѣ этого отдѣла, система социологіи должна содержать въ себѣ другой, посвященный гносеологическому изслѣдованію вопроса о природѣ общества и установленію методологіи социальныхъ наукъ. Этимъ и исчерпывается содержаніе социологіи, какъ основной науки объ обществѣ. Всѣ остальные вопросы составляютъ предметъ изслѣдованій отдѣльных общественныхъ и историческихъ дисциплинъ.—Совершенно ошибочно утвержденіе Зиммеля, что социальная психологія, какъ ученіе объ измѣненіяхъ въ психикѣ индивидовъ, есть лишь глава или отдѣлъ индивидуальной психологіи. Дѣло въ томъ, что эти измѣненія психики, создающіяся въ процессѣ общенія, столь сложны, столь разнообразны и въ то же время подлежатъ столь своеобразной закономерности, что при ихъ изученіи приходится примѣнять не тѣ приемы и методы, которыми пользуется индивидуальная психологія при разрѣшеніи своихъ обычныхъ задачъ. Этого достаточно, чтобы признать, что социологія или социальная психологія есть наука, особая отъ индивидуальной психологіи.

Такимъ образомъ, я считаю практически невыполнимымъ и теоретически неправильнымъ предложенное Зиммелемъ обособленіе социологіи и социальной психологіи. Нельзя отдѣлить изученіе процесса общенія и его формъ отъ изученія тѣхъ процессовъ, которые разыгрываются въ психикѣ вступающихъ въ общеніе людей и въ общей сложности составляютъ самый процессъ общенія. Въ социальныхъ наукахъ предметомъ абстрактнаго изученія можно дѣлать лишь нѣкоторыя произведенія социального процесса, тѣ обьективировавшіяся содержанія мысли и чувства, которыя извѣстны подъ именемъ языка, религіи, нравовъ и т. п. Эти произведенія, какъ мы видѣли, могутъ быть сдѣланы предметомъ чисто логическаго анализа, будучи взяты въ абстракціи отъ процесса своего происхожденія. Этимъ такія *систематическія* науки, какъ догматическая юриспруденція, грам-

матика, догматическое богословіе, отличаются отъ наукъ, изучающихъ законмѣрность процессовъ, наукъ *феноменологическихъ*, по терминологіи Вундта. Наиболѣе общей изъ феноменологическихкихъ наукъ объ обществѣ является социологія; другія науки объ обществѣ, принадлежащія къ этой группѣ, изучаютъ общественные процессы лишь въ какомъ-либо спеціальному ихъ приложеніи (образованіе хозяйственныхъ отношеній, правовыхъ и т. п.).

Мнѣ кажется, что самъ Зиммель своею книгою лучше всего подтверждаетъ положеніе, что нельзя обособить социологію отъ социальной психологіи. Въ самомъ дѣлѣ, что же дѣлаетъ онъ на протяженіи 700 страницъ своего труда, какъ не анализируетъ тѣ духовные процессы, которые происходятъ въ индивидахъ подъ вліяніемъ общенія ¹⁾? Въ одномъ мѣстѣ Зиммель, какъ бы забывъ о своемъ утвержденіи, что социологія имѣетъ предметъ, отличный отъ социальной психологіи, самъ даетъ именно такую характеристику своему труду. На стр. 30 мы читаемъ, что его книга «изслѣдуетъ происходящія въ концѣ-концовъ въ индивидахъ процессы, которые обуславливаютъ общественное бытіе индивидовъ, и при томъ изслѣдуетъ не какъ временно-предшествующія причины для этого результата, но какъ частичные процессы того синтеза, который мы, взятый въ общемъ, называемъ обществомъ».

3. Едва ли можно вполне согласиться и съ той формулой, въ которой Зиммель выражаетъ различіе общества, какъ духовнаго единства, отъ единства внѣшняго. физическаго міра. По Зиммелю выходитъ, какъ будто бы единство въ физическій міръ вносится всецѣло нашимъ познающимъ интеллектомъ, тогда какъ связь индивидовъ въ обществѣ имѣетъ реальный объективный характеръ. Такая постановка грозитъ привести насъ къ полной субъективности внѣшняго міра, къ иллюзионизму или солипсизму. Не вдаваясь въ метафизическія концепціи, которыхъ избѣ-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи любопытно сравнить трудъ Зиммеля хотя бы съ трудами *Тарда* „Законы подражанія“, „Соціальная логика“, „Соціальныя этюды“ или съ недавно вышедшей книгой *Ross'a* „Social Psychology“, 1908. Я не вижу разницы съ трудомъ Зиммеля ни въ характерѣ разбираемыхъ вопросовъ, ни въ методахъ изслѣдованія и полагаю, что *Ross'у* не болѣе удалось ограничить социальную психологію отъ социологіи (см. гл. I), чѣмъ Зиммелю; въ обоихъ случаяхъ границы получаются весьма неясныя и расплывчатыя.

гаетъ и Зиммель въ своемъ трудѣ, замѣтимъ только, что основнымъ постулатомъ эмпирической науки является предположеніе извѣстнаго согласія между формами нашего мышленія и объективной связью опыта. Съ этой точки зрѣнія между предметами объективнаго, внѣшняго міра должна быть извѣстная связь, которая затѣмъ нами въ большей или меньшей степени познается при помощи анализирующей и синтезирующей работы мысли. Это положеніе, впрочемъ, признаетъ и Зиммель. На стр. 43 онъ говоритъ: «наша познавательная жизнь покоится на предположеніи предустановленной гармоніи между нашими духовными, хотя бы и индивидуальными энергіями, и внѣшнимъ, объективнымъ бытіемъ». Разъ это такъ, то нельзя утверждать, что единство во внѣшній міръ привносится исключительно наблюдающимъ и познающимъ субъектомъ; оно должно быть въ немъ и помимо нашего познанія. Конечно, для правильной иллюстраціи этого единства не слѣдуетъ, подобно Зиммелю, брать такіе искусственно-создаваемые человѣкомъ агрегаты вещей, какъ «обстановка комнаты»; гораздо лучше оно иллюстрируется такими примѣрами, какъ лѣсъ, дерево, кусокъ металла и даже объединяемая силою тяготѣнія куча камней или песку; я уже не говорю о такихъ единствахъ, какъ, напр., планетная система. Разница же между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ сводится при правильной постановкѣ дѣла къ тому, что связи внутренняго міра мы познаемъ непосредственнымъ переживаніемъ, тогда какъ о связяхъ міра внѣшняго, физическаго мы судимъ только при помощи абстрактныхъ понятій, не имѣющихъ адекватнаго замѣщенія ни въ какихъ представленіяхъ. Мы не имѣемъ непосредственнаго знанія о физическомъ мірѣ, но передаемъ наши соображенія о немъ въ абстрактныхъ сужденіяхъ и понятіяхъ, имѣющихъ лишь символическое значеніе.

Существеннымъ недостаткомъ соображеній Зиммеля о предметѣ соціологіи является, на мой взглядъ, то обстоятельство, что онъ, съ другой стороны, совершенно игнорируетъ еще одно отличіе между міромъ физическимъ и духовнымъ, чуть ли не болѣе важное въ данномъ отношеніи. Мнѣ кажется, что рѣшительную грань между міромъ физическихъ явленій и міромъ духовныхъ и социальныхъ отношеній полагаетъ совершенно *различный характеръ причинности*, господствующей въ той и другой области. Въ то время, какъ въ мірѣ физическомъ все сводится

къ отношеніямъ количественнымъ, и основнымъ принципомъ естествознанія является такъ называемый законъ сохраненія энергіи, осложняемый обыкновенно закономъ разсѣянія или обезцѣненія энергіи, въ мірѣ духовномъ и социальномъ на первый планъ выдвигается качественная сторона и опредѣляющимъ принципомъ оказывается законъ нарастанія психической энергіи. Мнѣ думается, что только это различіе въ характерѣ причинности и можетъ пролить надлежащій свѣтъ на міръ социальныхъ отношеній. Я не буду останавливаться, однако, на этомъ пунктѣ, такъ какъ недавно болѣе подробно говорилъ о немъ на страницахъ «Вопросовъ философіи и психологіи» въ статьѣ «Къ вопросу о свободѣ воли».

4. Что касается замѣчаній Зиммеля о «человѣчествѣ», какъ окончательномъ мѣрилѣ оцѣнки, то я думаю, что въ такихъ эмпирическихъ работахъ, какой является трудъ Зиммеля, лучше совсѣмъ не останавливаться на подобныхъ проблемахъ. Всякая проблема оцѣнки неизбежно включаетъ въ себя метафизическіе элементы, изслѣдованіе которыхъ настолько сложно, что должно составлять предметъ особаго анализа. Замѣчанія, сдѣланныя Зиммелемъ на двухъ заключительныхъ страницахъ книги, слишкомъ мало обоснованы. Скажу только, что и здѣсь едва ли Зиммель вполне точно опредѣлилъ значеніе момента общественности. Если даже соглашаться съ нимъ, что послѣднимъ моментомъ, подлежащимъ оцѣнкѣ, является человѣкъ, а не цѣлыя общества, то во всякомъ случаѣ на общество нельзя смотрѣть только какъ на одно изъ средствъ, при помощи которыхъ индивидъ достигаетъ идеала «человѣчества». Значеніе общества гораздо больше: оно есть *необходимое условіе, безъ котораго немислимъ самый индивидъ, стремящійся къ идеалу «человѣчества»*. Мы можемъ представить себѣ человѣка въ качествѣ разумнаго и моральнаго существа, (а вѣдь только такое существо интересуется въ данномъ случаѣ Зиммеля: рѣчь идетъ о построеніи масштаба этической оцѣнки) только, какъ члена общества, и внѣ общества нѣтъ и человѣка, какъ такового. Не даромъ социологи спорятъ о томъ, что именно является абстракціей и что истинной реальностью: человѣческая личность или общество. Я думаю, что какъ общество, такъ и личность, взятая въ отдѣльности, въ одинаковой степени являются абстракціями отъ цѣльнаго жизненнаго процесса, состоящаго въ общественномъ взаимодействіи личностей.

5. Предлагаемый Зиммелемъ методъ «микроскопическаго» анализа соціальныхъ отношеній, несомнѣнно, имѣетъ большую цѣнность, и я лично считаю наиболѣе важными именно тѣ части обширной книги, гдѣ излагаются результаты его примѣненія. Но и здѣсь трудъ Зиммеля представляется одностороннимъ, если принять во вниманіе данное ему авторомъ широкое заглавіе «Соціологія». Соціологія, какъ наука, должна анализировать не только эти «молекулярные» процессы въ обществѣ, но и показывать, какъ изъ нихъ слагаются процессы болѣе широкаго свойства. Если до сихъ поръ эта наука, по правильному замѣчанію Зиммеля, слишкомъ односторонне занималась макроскопическими изслѣдованіями, то самъ Зиммель придаетъ ей односторонне-обратный характеръ. Онъ слишкомъ увлекается мелочами соціальной жизни и далеко не всегда достаточно ясно намѣчаетъ путь, ведущій отъ нихъ къ болѣе широкимъ и мощнымъ теченіямъ. Вотъ почему и чтеніе книги Зиммеля такъ утомляетъ читателя монотонностью изложенія и мелочностью содержанія.

Очень возможно, что не каждый, кто читалъ книгу Зиммеля, согласится съ возраженіями, изложенными въ настоящей замѣткѣ. Авторъ замѣтки на это и не рассчитываетъ. Но онъ считалъ бы весьма желательнымъ дальнѣйшее выясненіе затронутыхъ здѣсь вопросовъ. Въ особенности важнымъ представляется коренной вопросъ объ отношеніи соціологіи и соціальной психологіи, такъ какъ его постановкой и разрѣшеніемъ предопредѣляется и рѣшеніе вопроса о предметѣ и методѣ соціологіи. Безъ разрѣшенія этихъ вопросовъ оказывается непрочнымъ самое существованіе соціологіи, какъ самостоятельной науки ¹⁾.

В. М. Хвостовъ.

¹⁾ Эта замѣтка была уже набрана, когда я ознакомился со статьей г. Франка „Сущность соціологіи“, помѣщенной въ Русской Мысли, сентябрь 1909 г. Во многомъ наши замѣчанія сходятся, въ особенности по вопросу объ отношеніи между соціологіей и соціальной психологіей. Г. Франкъ приходитъ къ выводу, что нѣтъ „иного пути къ превращенію соціологіи въ точную и методологически ясную науку, кромѣ сліянія ея съ соціальной или „интерментальной“ психологіей“ (стр. 50).

Русскій послѣдователь Германа Когена.

I.

(В. А. Савальскій. Основы философіи права въ научномъ идеализмѣ. Марбургская школа философіи. Когенъ, Наторпъ, Штаммлеръ и др. Т. I. М. 1908. IV+360.)

Заглавіе книги, лежащей передъ нами, способно возбудить въ читателѣ нѣкоторыя ожиданія. Можно такъ или иначе оцѣнивать заслуги философовъ марбургской школы; можно относиться къ нимъ критически и даже отрицательно, но едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что ихъ опыты по этикѣ и философіи права занимаютъ выдающееся и первостепенное мѣсто въ современной философской литературѣ. Съ этими опытами нельзя не считаться, ихъ надо оцѣнить въ ихъ значеніи, въ добытыхъ ими результатахъ. Было бы большою заслугой передъ русской философской литературой выполнить эту задачу, и каждый читатель, интересующійся современной борьбою философскихъ школъ, съ понятнымъ интересомъ откроетъ произведеніе г. Савальскаго. Однако, того, кто возьметъ на себя далеко не легкій трудъ внимательно прочесть эту объемистую книгу, ждетъ тягостное разочарованіе: онъ найдетъ, что усилія автора не соотвѣтствуютъ трудности задачи, и что путь, избранный имъ, не есть путь правильный и ведущій къ цѣли.

Конечно—и это надо сказать съ самаго начала—задача, поставленная себѣ авторомъ, была не изъ легкихъ. Изслѣдованіе ученій хотя бы одного Когена представляется чрезвычайно труднымъ. Но если бы г. Савальскій сосредоточилъ свои силы на одномъ этомъ, то, при всей трудности предмета, онъ получилъ бы, вѣроятно, болѣе удовлетворительные результаты. Однако, въ своемъ трудѣ г. Савальскій не ограничивается изло-

женіемъ и истолкованіемъ ученій Когена: онъ выступаетъ съ чрезмѣрной претензіей рѣшить споръ современной философіи между критицизмомъ, позитивизмомъ и мистицизмомъ, а сверхъ того и между различными направленіями критицизма. Вознося Когена, а вмѣстѣ съ нимъ и себя на нѣкоторую сверхчеловѣческую высоту, онъ созерцаетъ оттуда съ сожалѣніемъ и укоромъ ошибки и заблужденія тѣхъ, кто не приобщился еще этой высшей мудрости. Но нѣтъ ничего удивительнаго, что съ этой головокругительной высоты не все хорошо видно, что, вознесшись на нее, автору не только трудно производить спокойный анализъ; у него не хватаетъ зрѣнія, чтобы правильно видѣть то, что лежитъ передъ нимъ. Многое остается въ туманѣ, инос и вовсе скрывается изъ глазъ. На своемъ марбургскомъ Олимпѣ г. Савальскій предается славословіямъ и величаніямъ въ честь Когена, или же занимается судомъ надъ иначе мыслящими. А научный анализъ и философское безпристрастіе отъ этого страдаютъ, и его работа производитъ впечатлѣніе недодѣланной, недоконченной и черезчуръ субъективной.

Съ перваго взгляда книга г. Савальскаго кажется очень внушительной,—обширный томъ съ обиліемъ ссылокъ и примѣчаній, со всѣмъ аппаратомъ учености, съ очевидными слѣдами большого труда и прилежанія. Но вчитываясь въ эту книгу внимательно, тотчасъ же замѣчаешь, что этотъ научный обликъ ея искажается какимъ-то инороднымъ духомъ. Вмѣсто чисто научнаго и критическаго отношенія къ своему предмету, у г. Савальскаго встрѣчаешь элементы поклоненія и обожанія, переходящіе порою въ фанатическое увлеченіе и столь же фанатическую нетерпимость. Въ книгѣ г. Савальскаго есть свой герой—Когенъ, онъ совершаетъ сказочные подвиги и великія дѣла, онъ преодолеваетъ всяческія затрудненія, которыхъ никто до него преодолѣть не могъ, и г. Савальскій не устаетъ его славословить, такъ что мѣстами диссертация нашего автора впадаетъ въ тонъ акаѳиста, а методъ его изъ научнаго и аналитическаго становится даже не богословскимъ, а просто панегирическимъ. Я приведу сейчасъ нѣкоторые изъ слѣдовъ этого сектантскаго отношенія къ предмету, проникающаго всю книгу г. Савальскаго. Я буду слѣдовать въ порядкѣ страницъ его книги и долженъ замѣтить, что восхваленія идутъ въ ней все время crescendo, начиная съ болѣе умѣренныхъ и переходя къ болѣе торжествен-

нымъ, при чемъ, какъ и подобаеть важности случая, все кончается величественнымъ аккордомъ на послѣдней страницѣ.

На стр. 14 г. Савальскій заявляетъ, что система Когена есть не просто интересное явленіе въ философіи нашего времени, а переворотъ въ исторіи послѣкантивскаго идеализма. На стр. 21 онъ видитъ въ явленіи Когена особое благоволеніе *генія философіи*, который по его словамъ, «на примѣрѣ Когена пожелалъ еще разъ засвидѣтельствовать необычайное богатство понятій и точекъ зрѣнія критической философіи Канта»; въ этомъ заключается, по словамъ г. Савальскаго, «самое замѣчательное событіе въ философіи нашихъ дней». На стр. 24—25 г. Савальскій говоритъ о томъ, какъ «геній философіи въ лицѣ Когена раскрывается... *новую философскую систему*». Тутъ же г. Савальскій ставитъ Когена по самостоятельности его философскаго творчества на ряду съ Фихте, Гегелемъ и Шопенгауэромъ, а далѣе выясняется, что онъ ставитъ его и выше ихъ. Система философіи Когена, читаемъ мы на 41 стр., овладѣваетъ самыми основными тенденціями современнаго научнаго духа и стремится дать имъ удовлетвореніе. Замыслы ея—на стр. 42—признаются «грандіозными». На стр. 69 и 91 Когенъ у г. Савальскаго съ честью выходитъ изъ безвыходныхъ противорѣчій и затрудненій; онъ «исправляетъ неточности Канта» (стр. 72), онъ освобождаетъ его систему отъ колебаній (стр. 48); «онъ выдерживаетъ до конца линію предѣльныхъ опыту понятій» (99) и въ то время какъ «вся послѣкантивская философія борется съ понятіемъ вещи въ себѣ и оперируетъ понятіемъ свободы и умопостигаемаго характера», въ то время какъ и «Фихте и Гегель, и Шопенгауэръ и современные неохихтеанцы не могутъ преодолѣть этихъ понятій», Когенъ все преодолѣваетъ и надъ всѣмъ торжествуетъ.

Неудивительно, если г. Савальскій находитъ у Когена и поражающія своей смѣлостью заключенія (стр. 106), и ослѣпительныя по своей яркости мысли (стр. 194), и важныя открытія (113—114 и 216), и стройность и гармонію въ архитектурникѣ системы (142), и необыкновенную смѣлость, энергію и ясность, съ которой онъ «овладѣваетъ... глубочайшей сущностью научныхъ тенденцій времени» (144). Онъ даетъ и «разрѣшеніе проблемы философіи права» (202), и «рѣшеніе проблемы научной этики» (158). Восторгъ г. Савальскаго достигаетъ своего кульминацион-

наго пункта въ концѣ книгѣ (стр. 360), когда нашъ увлеченный авторъ объявляетъ, что въ «сердцѣ» философіи Когена... «слышится біеніе пульса эпохи Возрожденія, Духа Европейскаго Просвѣщенія и Культуры». Такъ этотъ философъ, котораго на стр. 174 г. Савальскій называетъ необычнымъ въ философскихъ произведеніяхъ именемъ *маэстро*, представляется ему единственнымъ, несравненнымъ, обладающимъ тайною устранять безвыходныя затрудненія и разрѣшать задачи, которыя доселѣ казались неразрѣшимыми. Понятно, что въ концѣ концовъ г. Савальскому приходитъ въ голову поставить странный по своей претенціозности вопросъ: «система Когена есть ли истина?» И молодой авторъ поучаетъ насъ, что система эта дѣйствительно есть истина—не въ томъ смыслѣ, чтобы она давала систему готовыхъ аксіомъ, а въ томъ, что она «указуетъ пути для отысканія истины». Г. Савальскій разъясняетъ далѣе, что въ этой философіи открываются «вѣрныя средства для спасенія человѣчества», каковыми слѣдуетъ признать науку и государство.

Читая эти восторженные отзывы о Когенѣ, можно дѣйствительно подумать, что въ философіи случилось нѣчто необыкновенное, что на долю нашего времени, благодаря открытіямъ марбургскаго профессора, выпалъ завидный жребій найти если не законченную истину, то прямой и вѣрный путь къ ней.

Получается впечатлѣніе, что передъ нами какой-то особовдохновенный философъ, исключительно счастливый искатель истины, у котораго есть рѣдкій даръ разрѣшать самыя трудныя задачи и самыя трагическія противорѣчія.

Но не только самъ по себѣ Когенъ въ глазахъ г. Савальскаго такой замѣчательный философъ, и тѣ, кто слѣдуетъ за нимъ, становятся замѣчательными и крупными мыслителями. Приближеніе къ нему, приобщеніе къ его духу даетъ человѣку почетное и видное положеніе, а уклоненіе отъ него обрекаетъ на грубыя заблужденія. Да не подумаетъ кто-либо, что тутъ я преувеличиваю. Я цитирую только собственныя слова г. Савальскаго. На стр. 9 онъ утверждаетъ, что къ Когену постепенно примыкаютъ виднѣйшіе въ современной литературѣ писатели: Наторпъ, Штаммлеръ, Штадлеръ, Форлендеръ, Кассиреръ, Штаудингеръ и многіе другіе. Съ пылкостью вѣрующаго прозелита г. Савальскій всѣхъ ихъ относитъ къ числу виднѣйшихъ, а на стр. 16 онъ утверждаетъ, что приверженцы, послѣдователи

и ученики Германа Когена, раздѣляя его методы, распространяютъ ихъ на новыя и новыя области знанія, вырастая въ *крупныя научныя величины*. Многіе изъ нихъ, какъ говоритъ г. Савальскій, вслѣдъ за Форлендеромъ, являются даже самостоятельными мыслителями, но на стр. 24 (примѣч.) мы узнаемъ отъ него, что эти послѣдователи (какъ напр. Штаммлеръ) «дѣлаютъ грубѣйшія ошибки всего чаще тамъ, гдѣ занимаютъ самостоятельное положеніе относительно Когена».

Понятно, что при этомъ условіи г. Савальскій считаетъ правильнымъ при разногласіи различныхъ философовъ марбургской школы ближе держаться къ Когену (стр. 243, 329 примѣч., 348—349). Лишь въ религіозной философіи онъ болѣе склоняется къ Наторпу (стр. 193—194).

Эти указанія г. Савальскаго, что «надо слѣдовать ближе указаніямъ Когена, а не Штаммлера» (329), напомнили мнѣ средневѣковую схоластическую мудрость, которая въ лицѣ Альберта Великаго говорила: надо знать, что во всемъ томъ, что касается вѣры и нравственности, слѣдуетъ болѣе довѣрять Августину, чѣмъ философамъ, въ медицинѣ—Галену и Гиппократу, въ изученіи явленій природы—Аристотелю. Такъ и г. Савальскій думаетъ: въ дѣлѣ вѣры надо ближе держаться Наторпа, а во всемъ остальномъ Когена. Самый слогъ г. Савальскаго принимаетъ порою тонъ евангельскаго повѣствованія. Такъ, на стр. 155 онъ пишетъ: «Говоритъ Когенъ: философія Канта образуетъ систему. Кто разрушаетъ эту систему въ этикѣ, тотъ разрушаетъ ее также и въ логикѣ. Здѣсь все единство, отъ котораго нельзя отнять ни одной части».

Само собою разумѣется, что въ соотвѣтствіи съ этимъ превознесеніемъ Когена и его школы стоитъ и мнѣніе г. Савальскаго о другихъ философахъ.

Такъ, на стр. 26 г. Савальскій единымъ духомъ обвиняетъ Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра, Локка, Юма, а кстати ужъ и Канта, Милля и Спенсера въ томъ, «что они въ своихъ построеніяхъ порвали живую связь съ наукой, наукой математическаго естествознанія и поняли задачу философіи метафизически, а рѣшали ее или путемъ геніальничанія, какъ Фихте, Шеллингъ, Гегель и Шопенгауэръ, или въ психологическихъ терминахъ, какъ напр., въ англо-французскомъ позитивизмѣ». Послѣ этого смѣлаго и суммарнаго приговора читатель такъ и ждетъ, что г.

Савальскій, подобно одному изъ героевъ Тургеневскаго «Дыма», скажетъ: всѣ эти философы относятся къ Когену, «какъ отроги Альпъ къ Монблану».

Я остановился съ нѣкоторой подробностью на этихъ особенностяхъ книги г. Савальскаго, потому что отсюда объясняются всѣ ея существенные недостатки. Элементъ поклоненія вытѣсняетъ въ ней элементъ послѣдованія; г. Савальскій болѣе восхваляетъ, чѣмъ анализируетъ, и вмѣсто того чтобы дать намъ настоящее научное произведеніе, онъ даетъ лишь слабую попытку его выполненія. И это именно оттого, что онъ подходитъ къ Когену не съ критическимъ масштабомъ, а съ благоговѣйнымъ обожаніемъ. Тамъ, гдѣ хочется видѣть въ разбираемомъ трудѣ сомнѣнія и вопросы, гдѣ эти вопросы сами собою возникаютъ при чтеніи Когена, авторъ спѣшитъ подвести итоги, заполняя пробѣлы расточительными похвалами, и когда у него прерывается нить изслѣдователя, къ его услугамъ готовъ богатый запасъ усвоеннаго имъ панегирическаго лексикона.

Конечно, поклоненіе Когену—это личное дѣло г. Савальскаго, это дѣло вѣры, дѣло спеціальнаго откровенія. Если онъ вѣритъ въ Когена, какъ мусульманинъ въ Магомета, это — интимная область его чувствъ, въ которую мы даже не имѣемъ права вмѣшиваться.

Однако, мы имѣемъ право требовать, чтобы эта спеціальная вѣра автора не отражалась на научномъ характерѣ его работы. Къ сожалѣнію, я не могу сказать, чтобы вѣра г. Савальскаго не оставила слѣдовъ на его научномъ анализѣ. Въ послѣдующемъ разборѣ я и постараюсь указать результаты того своеобразнаго увлеченія автора своимъ предметомъ, которое мы находимъ въ диссертациі г. Савальскаго. Мы увидимъ, что это увлеченіе чрезвычайно повредило ему даже въ пониманіи Когена, которому онъ поклоняется, и что получить правильное представленіе объ этомъ философѣ по книгѣ г. Савальскаго невозможно.

II.

Я начну свой разборъ съ указанія нѣкоторыхъ второстепенныхъ погрѣшностей диссертациі г. Савальскаго. Эти погрѣшности могли бы показаться мелкими и случайными, если бы онѣ не встрѣчались у нашего автора въ такомъ прискорбномъ изобиліи.

Мелкія въ отдѣльности, онѣ свидѣтельствуютъ въ совокупности о дурной привычкѣ г. Савальскаго обходиться въ иныхъ случаяхъ безъ справокъ и ссылокъ, писать безъ надлежащей вдумчивости и должнаго вниманія, по памяти, сохранившей къ услугамъ автора иногда поверхностныя, а иногда невѣрныя свѣдѣнія. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ особой дилеттантской манерой, съ небрежнымъ отношеніемъ къ подробностямъ, съ неряшливой обработкой цѣлаго. У г. Савальскаго нѣтъ той критической осторожности, которая составляетъ самое существо научнаго отношенія къ предмету: она замѣняется у него съ одной стороны восторгомъ предъ Когеномъ и нетерпимостью къ иначе мыслящимъ, а съ другой—смѣлостью въ обобщеніяхъ и небрежностью въ доказательствахъ.

Съ первыхъ же строкъ диссертации на 3 стр. я встрѣчаю положеніе, которое заставляетъ меня поставить знакъ вопроса и даже не одинъ, а нѣсколько знаковъ вопроса. «Творческая игра генія,—пишетъ г. Савальскій,—въ непрестанной борьбѣ понятій между собой создаетъ системы, базируя ихъ всякій разъ на одномъ изъ трехъ возможныхъ источниковъ познанія: на чувственномъ опытѣ, разумѣ, интуиціи, въ своихъ заключеніяхъ приводя къ міровоззрѣніямъ матеріализма, идеализма, мистицизма». Спрашивается: откуда г. Савальскій взялъ, что системы философіи базирують всякій разъ на *одномъ* источникѣ познанія; почему онъ утверждаетъ, что матеріализмъ опирается только на чувственный опытъ, если со временъ Демокрита въ немъ можно обнаружить умозрительные и метафизическіе элементы, почему идеализмъ считается опирающимся только на разумъ, если у цѣлаго ряда идеалистовъ можно открыть ярко выраженные мистическіе элементы. Ошибка въ общемъ опредѣленіи тотчасъ же даетъ себя знать въ частномъ выводѣ, ибо на стр. 4 г. Савальскій относитъ къ рационалистамъ и Платона, и Фихте, и даже Шеллинга, у котораго съ особенной яркостью на ряду съ рационалистическимъ элементомъ выражается романтическій и религіозный. Здѣсь же на 4 стр. г. Савальскій обнаруживаетъ и злоупотребленіе терминами, имѣющими совершенно опредѣленный смыслъ. Онъ беретъ хорошо извѣстный терминъ Влад. Соловьева: «критика отвлеченныхъ началъ», обозначающей сравнительную оцѣнку отвлеченныхъ началъ съ указаніемъ ихъ необходимаго *синтеза*, и употребляетъ это выраженіе для опредѣ-

ленія *аналитическаю* изслѣдованія отвлеченныхъ началъ въ ихъ самобытномъ развитіи. Столь же произвольно на одной изъ послѣдующихъ страницъ (13) терминъ, «конкретный идеализмъ», употребленный кн. С. Н. Трубецкимъ, г. Савальскій примѣняетъ къ характеристикѣ системы Когена, можно сказать діаметрально противоположной по духу системѣ кн. Трубецкого; при этомъ терминъ «конкретный идеализмъ» онъ путаетъ съ другимъ терминомъ: «положительный идеализмъ», который употребляется Влад. Соловьевымъ и имѣетъ совершенно иное значеніе. Далѣе мы ознакомимся и съ болѣе серьезными философскими прегрѣшеніями автора, я не буду поэтому перечислять тѣхъ многочисленныхъ мелкихъ недоразумѣній, которыя возбуждаются его философскими экскурсами. Перехожу непосредственно къ его страннымъ утвержденіямъ изъ области юриспруденціи. На стр. 216 г. Савальскій говоритъ объ открытіи огромной важности, дѣлающимъ эпоху въ конструкціи понятій юриспруденціи. Это открытіе заключается въ томъ, что юридическое отношеніе имѣетъ свои апіорныя условія, свои необходимыя категоріи, а именно: субъектъ, объектъ, отношеніе и правило отношенія. Юриспруденція, говоритъ г. Савальскій, не понимаетъ этихъ категорій, Когенъ же ихъ установилъ и философски обосновалъ. Замѣчу здѣсь, что самъ Когенъ не въ этомъ полагаетъ свою заслугу и что отъ этого мнимаго открытія юриспруденція даже не пошевелится. На стр. 217 г. Савальскій уже самъ дѣлаетъ открытіе, хотя и не заявляетъ объ этомъ, считая, что это всѣмъ извѣстно: современное отношеніе родителей къ дѣтямъ, по его мнѣнію, сводитъ родителей «скорѣе на роль попечителей». Почему понятіе попечительства, этого совершенно опредѣленнаго института гражданскаго права, связаннаго съ извѣстнымъ возрастомъ несовершеннолѣтнихъ, считается совпадающимъ съ понятіемъ родительской власти, объ этомъ можно только догадываться. На стр. 292 читателю преподносится открытіе еще болѣе удивительное. Вотъ какъ формулируетъ его г. Савальскій: «юриспруденція, какъ намъ извѣстно, различаетъ правоспособность юридическаго субъекта и его дѣеспособность и эту послѣднюю считаетъ рѣшающимъ для понятія юридическаго субъекта, такъ какъ правоспособный, но не дѣеспособный есть *persona alieni juris* (а не *persona sui juris*), т.-е. въ юридическомъ смыслѣ не есть вполне родившійся, вполне образовавшійся че-

ловѣкъ - лицо». Я не допускаю мысли, чтобы г. Савальскій не зналъ, что рѣшающимъ моментомъ для признанія субъекта права является не дѣеспособность, а правоспособность; едва ли также могъ онъ не знать, что состояніе подвластности въ семейныхъ отношеніяхъ вовсе не совпадаетъ съ понятіемъ недѣеспособности. Очевидно, г. Савальскій употребляетъ эти термины не въ строго-юридическомъ, а въ разговорномъ ихъ значеніи, но эта крайне неосторожная терминологія приводитъ къ весьма страннымъ результатамъ. Столь же странно на стр. 297 читать, что формула, подъ которую юристъ подводитъ юридическое отношеніе, есть формула *do ut des, facio ut facias*. Частный типъ правоотношеній почему-то объявляется тутъ общимъ.

Но еще болѣе непростительны тѣ промахи г. Савальскаго, которые относятся къ области исторіи философіи права, составляющей спеціальнѣйшій предметъ его занятій.

На стр. 212 я нахожу у г. Савальскаго слѣдующее утвержденіе: «естественное состояніе было психологіей человѣческой природы и соотвѣтственно рисовало людей или какъ злыхъ и слѣдовательно способныхъ только къ вѣчной войнѣ между собой (Гоббсъ и Спиноза) или какъ добрыхъ и слѣдовательно способныхъ къ миру (Г. Гроціи, Локкъ, Монтескье, Руссо)». Оставляя въ сторонѣ странный стиль автора, у котораго естественное *состояніе* *всучетъ* людей, какъ злыхъ, я спрошу, возможно ли включать въ общую скобку съ одной стороны Гоббса и Спинозу, а съ другой—Гуго Гроція, Локка, Монтескье и Руссо. Въ отличіе отъ Гоббса, Спиноза признавалъ, что люди *отъ природы* стремятся къ гражданскому состоянію (см. напр. *Tractatus Polit.* VI, 1) и хотя въ противорѣчій съ этимъ онъ утверждалъ, что люди по природѣ враги, но именно это противорѣчіе должно было бы удержать г. Савальскаго отъ утвержденія, что по теоріи естественнаго состоянія Спинозы люди «способны *только къ вѣчной войнѣ между собой*». Неправильнымъ является также уравненіе Локка и Руссо съ Гуго Гроціемъ и Монтескье. Если бы г. Савальскій раскрылъ *De jure belli ac pacis* (Lib. I, cap. II, IV) и *Esprit des lois* (Livre I, ch. II), онъ убѣдился бы въ томъ, что по Гуго Гроцію и Монтескье склонность къ миру и общежитію вытекаетъ не изъ доброты естественнаго человѣка, а изъ его слабости, и что въ частности Гуго Гроціи вовсе не считаетъ естественныхъ людей исключительно добрыми людьми. Скорѣе

можно согласиться съ тѣми изслѣдователями, которые (какъ напр. проф. Шершеневичъ), считаютъ Гроція близкимъ къ утвержденію, что «враждебное отношеніе другъ къ другу и составляетъ черту первобытнаго состоянія».

На стр. 310 г. Савальскій пишетъ: «въ рѣшеніи этого вопроса Когенъ стоитъ всецѣло на точкѣ зрѣнія новой и новѣйшей культуры, высказанной впервые Макиавелли и сформулированной потомъ у Гуго Гроція: *civitas est perfectus coetus liberorum hominum*». Странно, что «точка зрѣнія новой и новѣйшей культуры» характеризуется у г. Савальскаго формулою, имѣющей весьма древнее происхожденіе. Если бы онъ справился хотя бы въ руководствѣ Чичерина по исторіи политическихъ ученій, онъ узналъ бы, что опредѣленіе Гроція заимствовано у Цицерона и Аристотеля. Утверждать, что эта точка зрѣнія высказана впервые у Макиавелли, сугубо неправильно: и потому, что ее высказывали до него, и потому, что какъ разъ къ ученію Макиавелли о государствѣ, какъ о принудительной и обуздывающей власти, формула Гроція мало подходитъ. Но всего болѣе странно, что у г. Савальскаго и Макиавелли, и Гуго Гроція, и Когенъ ставятся на одну доску. Непонятно, какъ онъ не замѣтилъ, что опредѣленіе Когена: «государство, какъ міръ духовъ», еще далѣе отстоитъ отъ ученія Макиавелли, чѣмъ формула Гуго Гроція. И если между всѣми этими взглядами есть нѣчто общее, то оно во всякомъ случаѣ можетъ быть установлено не чрезъ формулу Гроція.

На стр. 315 читаемъ слѣдующее: «государственный абсолютизмъ Гоббса и Гегеля есть, на точкѣ зрѣнія научнаго идеализма, тотъ же анархизмъ: они оба возводятъ эмпирическое въ абсолютное, оба отрицаютъ смыслъ и значеніе идеи, какъ регулятивы и максимы». Это явно невѣрное мнѣніе находитъ свое разъясненіе на стр. 359, гдѣ г. Савальскій говоритъ объ «утвержденіи Гегеля, которое гласитъ, что существующее разумно». Знаменитое утвержденіе Гегеля, высказанное имъ въ предисловіи къ «Философіи права», столько разъ подвергалось всяческимъ обсужденіямъ, что для г. Савальскаго стыдно приводить его въ извращенномъ видѣ. Гегель говорилъ о разумности *дѣйствительнаго*, а не существующаго, при чемъ, какъ извѣстно, не все существующее онъ считалъ дѣйствительнымъ. Но, сохранивъ въ своей памяти невѣрную формулу, г. Савальскій безъ колебаній

и оговорокъ отождествляетъ Гегеля съ Гоббсомъ и обвиняетъ его въ отрицаніи «идеи, какъ регулятива и максимы». Тому, кто знакомъ съ «Философіей права» Гегеля, подобныя утверждения покажутся, конечно, лишь повтореніемъ старыхъ недоразумѣній, давно уже разъясненныхъ въ философской литературѣ.

Всѣ указанные мною недочеты разбираемой книги въ высшей степени характерны, тѣмъ болѣе что они далеко не исчерпаны мною. Они обнаруживаютъ какъ нельзя ярче невниманіе г. Савальскаго къ отѣнкамъ, къ различіямъ. Не разъ встрѣчаемъ мы въ его книгѣ легкое обращеніе съ именами и фактами. Все это свидѣтельствуетъ не о частныхъ и возможныхъ у каждаго промахахъ, а о цѣлой манерѣ, ему лично свойственной.

III.

Я отмѣтилъ до сихъ поръ нѣкоторыя изъ второстепенныхъ упущеній г. Савальскаго, характеризующихъ его дилеттантскую манеру. Невольно возникаетъ вопросъ: только ли въ мелочахъ обнаруживается этотъ дилеттантизмъ, не является ли онъ общимъ тономъ разбираемой книги. Къ сожалѣнію, и на этотъ вопросъ приходится отвѣтить утвердительно. При значительномъ трудѣ, затраченномъ на свою диссертацию, г. Савальскій не сумѣлъ дать ей надлежащую обработку не только въ частности, но и въ цѣломъ.

Прежде всего нельзя не обратить вниманія на слѣдующее серьезное обстоятельство. Въ работахъ, посвященныхъ изслѣдованію того или другого ученія, мы привыкли встрѣчать вступительныя главы, въ которыхъ говорится объ идейныхъ вліяніяхъ, подъ которыми сложилась изслѣдуемая доктрина. Съ удивленіемъ приходится констатировать, что у г. Савальскаго ничего подобнаго нѣтъ. Когенъ является у него изъ Канта, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Однако, на стр. 40, а еще яснѣе на стр. 247 самъ г. Савальскій признаетъ, что въ систему Когена «вошли не только элементы изъ Платона, но изъ Фихте и Гегеля». Естественно было бы дать хотя бы краткую вступительную главу съ анализомъ этихъ элементовъ. Ничего подобнаго у г. Савальскаго нѣтъ. Особенно больно чувствуется этотъ пробѣлъ въ отношеніи къ Гегелю. Во многихъ отношеніяхъ параллель между Когеномъ и Гегелемъ напрашивается сама собой, а г. Саваль-

скій отдѣляется тутъ лишь краткими замѣчаніями и этотъ существенной важности пунктъ остается у него невыясненнымъ. Еще менѣе выясненнымъ является у г. Савальскаго отношеніе Когена къ Фихте. Въ началѣ своей книги онъ очень категорически утверждаетъ, что «Фихте со всѣмъ своимъ содержаніемъ не дѣлаетъ *никакаго шага* впередъ по сравненію съ Кантомъ» (стр. 14); къ концу же работы онъ настолько измѣнилъ свой взглядъ, что указанное категорическое утвержденіе отнесъ къ числу «важнѣйшихъ опечатокъ» своей книги и постарался смягчить его нейтрализующей вставкой. Въ соотвѣтствіи съ этимъ на стр. 300 (въ примѣчаніи) и 304 онъ признаетъ, что Когенъ и въ терминологіи, и въ нѣкоторыхъ общихъ понятіяхъ дѣлаетъ заимствованіе у Фихте. При такой невыясненности вопроса о значеніи Фихте, какъ могъ рѣшить г. Савальскій споръ между неофихтеанцами и марбургской школой. Ни этотъ споръ, ни тѣмъ болѣе споръ между позитивизмомъ, критицизмомъ и мистицизмомъ у г. Савальскаго не только не рѣшенъ, но даже и не поставленъ сколько-нибудь удовлетворительно.

Но я не буду настаивать на этихъ пунктахъ; по сложности своей они, конечно, далеко превышаютъ предѣлы постановки вопроса въ разбираемой книгѣ. Я предъявлю къ диссертации г. Савальскаго минимальныя требованія; я разсмотрю, насколько въ его работѣ выполнены общеобязательныя правила научнаго анализа при изложеніи и истолкованіи Когена. Вѣдь это и былъ въ сущности основной и главный предметъ изслѣдованія г. Савальскаго. Посмотримъ, что онъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи.

Научное безпристрастіе требуетъ говорить о предметѣ то, что ему соотвѣтствуетъ, не преувеличивая и не преуменьшая его значенія. Въ изложеніи г. Савальскаго я не нахожу этого безпристрастія: стремясь представить Когена въ видѣ нѣкоторой общеобязательной истины, онъ то подымаетъ его вверхъ, то опускаетъ внизъ и только никакъ не можетъ поставить на собственное мѣсто. Вотъ это я постараюсь теперь показать. Съ самаго начала я встрѣчаю у г. Савальскаго одну любопытную особенность въ постановкѣ вопроса, которая свидѣтельствуетъ о томъ, что панегирическій стиль его диссертации не представляетъ только внѣшней оболочки его разсужденій, что онъ соотвѣтствуетъ внутреннему существу отношенія г. Савальскаго къ своему предмету.

На стр. 9 онъ пишетъ: «Марбургская школа исходитъ изъ того пониманія Канта, какое развито въ трактатахъ Германа Когена, въ которыхъ по понятіямъ школы, особенно въ лицѣ младшихъ представителей ея, процессъ интерпретаціи Канта закончился и данъ искомый выходъ черезъ Канта и за Канта».

Во всей разбираемой диссертациі едва ли найдется мѣсто болѣе характерное,—тутъ сказанъ весь ея догматизмъ, вся ея схоластическая вѣра въ законченные догматическіе итоги, въ окончательно найденные выходы и рѣшенія. Точно такъ же послѣдователи Оомы Аквинскаго утверждаютъ, что въ твореніяхъ великаго отца церкви содержится законченная интерпретаціа Аристотеля. Я понялъ бы еще, если бы г. Савальскій говорилъ объ истолкованіи того или другого изъ отдѣльныхъ взглядовъ Канта,—хотя и здѣсь кто скажетъ, что удалось закончить его интерпретацію. Но г. Савальскій говоритъ о цѣлой системѣ; онъ говоритъ о томъ, что она окончательно разъяснена у Когена въ томъ своеобразномъ истолкованіи Канта, которое есть вмѣстѣ и продолженіе его. И если эту систему г. Савальскій объявляетъ найденнымъ выходомъ и окончательной интерпретаціей Канта, это значить, что онъ стоитъ не на научной, а на схоластической точкѣ зрѣнія. Добывая свои рѣшенія и отстаивая ихъ отъ нападеній скептицизма, наука не можетъ считать своего достоянія законченнымъ и неизмѣлемымъ, она предполагаетъ возможность критики, возможность новыхъ рѣшеній,—вотъ этого научнаго и критическаго духа нѣтъ у г. Савальскаго.

Я привелъ сейчасъ одно мѣсто разбираемой книги, изъ котораго можно судить, что у Когена, по мнѣнію г. Савальскаго, интерпретаціа Канта достигла своего кульминаціоннаго пункта, и затѣмъ не разъ г. Савальскій противопоставляетъ Когеновское пониманіе Канта традиціонному, увѣряя, что сущность Кантовскаго критицизма правильно понимается только у Когена. Однако, онъ не довольствуется этимъ: ему мало сказать, что Когенъ есть удачный истолкователь Канта, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что Когенъ и творецъ новой системы, обозначающей собою поворотный пунктъ въ критической философіи. Казалось бы, что слѣдовало утверждать что-нибудь одно изъ двухъ: или Когенъ *только вѣрный интерпретаторъ* Канта, и тогда г. Савальскій правъ, нападая на невѣрное традиціонное истолкованіе Кантовой системы, или же Когенъ *радикально измѣнилъ* осно-

ванія этой системы, и тогда какой смысл имѣютъ нападки г. Савальскаго на традиціонное истолкованіе Канта. Такова дилемма, изъ которой онъ не нашель и даже не искаль выхода, между тѣмъ какъ она неизбежно представляется при внимательномъ изученіи предмета. Онъ запутался въ этомъ пунктѣ въ противорѣчіяхъ настолько очевидныхъ, что надо удивляться, какъ ему самому это не бросилось въ глаза. Достаточно прочесть и сопоставить нѣсколько отдѣльныхъ мѣстъ изъ III главы разбираемаго труда, чтобы видѣть всю противорѣчивость положеній автора.

Такъ, на стр. 111 по поводу изложенія Когеномъ Кантовскаго моральнаго закона онъ пишетъ: «Выводы и заключенія Когена при изложеніи моральнаго закона Канта получаютъ принципиальнс новый смыслъ и новое значеніе. Это не значитъ, однако, что Когенъ пришелъ къ другимъ выводамъ, чѣмъ Кантъ, а только, что Когенъ въ ходѣ разсужденій Канта подчеркнул другіе моменты этой дедукціи, чѣмъ это дѣлали философы и комментаторы Канта до сихъ поръ, и такимъ образомъ далъ другое направленіе для логическаго состава понятій критической философіи».

Я рѣшительно не знаю, какъ понять это мѣсто, какъ согласить его внутреннюю противорѣчивость: оказывается, что Когенъ къ другимъ выводамъ, чѣмъ Кантъ, не пришелъ и, однако, придалъ «принципиально новый смыслъ» и «другое направленіе» критической философіи. Какъ отличить другое направленіе отъ другихъ выводовъ, это остается неяснымъ.

То же противорѣчіе встрѣчаетъ насъ на 117 стр., гдѣ также одновременно утверждается, что Когенъ измѣнилъ «радикально составъ понятій критической философіи» и что къ другимъ выводамъ онъ не пришелъ. Это противорѣчіе находитъ свое объясненіе только въ пристрастіи г. Савальскаго къ Когену: когда нужно упрекнуть другихъ интерпретаторовъ Канта, Когенъ является у него самымъ вѣрнымъ истолкователемъ критической философіи; когда же кажется ему, что для прославленія Когена этого мало, онъ энергично подчеркиваетъ различіе Когена отъ Канта. Такъ на стр. 25 читаемъ:

«Философскій геній Когена вырабатываетъ себя въ тѣснѣйшемъ соприкосновеніи съ Кантомъ и вырастаетъ какъ бы непосредственно изъ него... И тѣмъ не менѣе Когенъ не просто истолкователь Канта. Разницы между Кантомъ и Когеномъ

столько же, сколько разницы между Кантомъ и Фихте, Кантомъ и Гегелемъ, Кантомъ и Шопенгауэромъ...»

Я сдѣлаю наиболѣе благопріятное для г. Савальскаго предположеніе, что онъ относитъ это утвержденіе ко второму періоду въ развитіи Когена, хотя изъ текста разбираемой книги этого и не видно, но вѣдь онъ же самъ разъясняетъ, что между первой и второй системой Когена нѣтъ принципиальнаго различія (142 стр.)

Теперь я хотѣлъ бы указать, къ какимъ дальнѣйшимъ противорѣчіямъ приводитъ г. Савальскаго его стремленіе выдать Когена въ одно и то же время и за вѣрнаго истолкователя системы Канта, и за радикальнаго ея преобразователя. Достаточно привести немногіе примѣры, болѣе характерные.

На стр. 93 г. Савальскій утверждаетъ, что въ критической философіи Канта психологическая и метафизическая дедукція моральнаго закона имѣютъ лишь провизорное и второстепенное значеніе, а *главное значеніе* имѣетъ трансцендентальная дедукція. Но если подъ трансцендентальной дедукціей понимать вслѣдъ за Когеномъ «ориентированіе на фактъ научнаго опыта», то ясно, что Кантъ такой дедукціи въ отношеніи къ моральному закону не далъ. Это настолько безспорно, что г. Савальскій и самъ это признаетъ какъ своими собственными словами, такъ и словами Когена. На стр. 104 онъ говоритъ, что Кантъ не указалъ соответствующаго факта науки для этики. «Если бы такой фактъ оказался...», замѣчаетъ г. Савальскій, «явилась бы возможность говорить о трансцендентальной (а не только метафизической и психологической) дедукціи понятій этики». Такимъ образомъ здѣсь признается, что Кантъ не далъ трансцендентальной дедукціи понятій этики. Еще яснѣе то же положеніе высказывается на стр. 37. Но въ такомъ случаѣ, какой же смыслъ имѣетъ упрекъ традиціонному пониманію Канта, что оно въ выведеніи моральнаго закона по Канту не даетъ трансцендентальной дедукціи.

Приведу еще одно замѣчаніе г. Савальскаго, высказываемое имъ по отношенію къ традиціонному пониманію Канта. Въ той же третьей главѣ онъ разбираетъ извѣстное обвиненіе въ формализмѣ нравственнаго закона Канта, и на стр. 118 утверждаетъ, что съ точки зрѣнія Когена этотъ упрекъ не имѣетъ никакого смысла. Я самъ считаю и всегда считалъ, что этотъ упрекъ основанъ на недора-

зумѣннїи; но сказать, что онъ и вовсе не имѣетъ смысла, это значить имѣть въ виду не дѣйствительнаго Канта, а какого-то другого.

Въ самомъ дѣлѣ не кто иной, какъ Когенъ хорошо объяснилъ, что если неправильно упрекать формальный принципъ Канта въ бессодержательности, то съ полнымъ правомъ можно было видѣть у него недостатокъ въ томъ отношеніи, что онъ не указалъ перехода отъ формы къ содержанію, не указалъ связи между формой и содержаніемъ ¹⁾. А между тѣмъ, какъ поясняетъ Когенъ въ другомъ мѣстѣ, безъ этой связи съ опредѣленнымъ содержаніемъ, безъ этого шага къ дѣйствительности самоопредѣленіе остается только задачей ²⁾. Такъ объясняетъ Когенъ обычный упрекъ Канту въ формализмъ его нравственнаго закона. А г. Савальскій говоритъ, что этотъ упрекъ не имѣетъ никакого смысла.

Если бы г. Савальскій потрудился справиться, какъ старыя философы критиковали формализмъ Кантовой этики, если бы онъ заглянулъ хотя бы въ «Философію права» Гегеля, онъ увидѣлъ бы, что упреки въ формализмъ не были столь лишены смысла, какъ это ему кажется. Онъ нашелъ бы, что эти упреки въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣли въ виду именно тотъ недостатокъ моральной философіи Канта, на который указываетъ и Когенъ.

Вообще говоря, та глава, гдѣ г. Савальскій возстаетъ противъ традиціоннаго пониманія Канта, оставляетъ читателя въ полномъ недоумѣннїи. Обвиняя это традиціонное пониманіе въ неправильномъ истолкованіи Канта, нашъ авторъ на стр. 68, 99, 104 своего труда *дѣйствительнаго историческаго* Канта толкуетъ такъ, что почти во всемъ совпадаетъ съ этимъ традиціоннымъ пониманіемъ. Оказывается такимъ образомъ, что традиціонное пониманіе г. Савальскій упрекаетъ не въ томъ, что оно невѣрно интерпретируетъ подлиннаго Канта, а въ томъ, что оно несогласно съ Когеновскимъ продолженіемъ Кантовой философіи. И когда недоумѣвающимъ читателю станеть доискиваться объясненій, про какого Канта говорится въ трудѣ г. Савальскаго, онъ получитъ отвѣтъ только въ одномъ изъ случайныхъ

1) Ethik des reinen Willens S. 261 (по перв. изд.).

2) Ibid. S. 329.

примѣчаній на стр. 266—267, гдѣ объявляется, что на самомъ дѣлѣ надо имѣть въ виду не одного Канта, а нѣсколькихъ «Кантовъ», такъ какъ есть «Кантъ историческій», «Кантъ традиціонный», «Кантъ марбургскій» и т. д.

Тутъ-то читатель понимаетъ, что когда г. Савальскій упрекалъ обычное воззрѣніе въ неправильномъ пониманіи Канта, онъ имѣлъ въ виду не настоящаго историческаго кенигсбергскаго Канта, а Канта марбургскаго, или, точнѣе говоря, то сложное образованіе, которое самъ онъ называетъ необычнымъ наименованіемъ: «Канто-Когенъ» (стр. 64 примѣч., стр. 277 примѣч. и въ друг. мѣстахъ.)

Однако, порицать обычное воззрѣніе за то, что оно имѣло въ виду Канта, а не «Канто-Когена», и неправильно, и странно ¹⁾. Г. Савальскій смѣшиваетъ въ своей критикѣ два совершенно различныхъ понятія: то, что онъ называетъ «возвращеніемъ къ Канту» и что онъ понимаетъ, какъ *продолженіе* Канта, съ тѣмъ, что всѣ мы называемъ *истолкованіемъ* Канта въ его подлинныхъ и собственныхъ ученіяхъ. Отсюда и получилась та путаница, которую я отмѣтилъ.

IV.

Если нападая на традиціонное пониманіе Канта, г. Савальскій имѣлъ въ виду не настоящаго кенигсбергскаго Канта, а «Канта марбургскаго», какъ онъ выражается, то надо сказать, что и Ко-

1) Въ числѣ другихъ истолкованій Канта г. Савальскій, между прочимъ, подвергаетъ подробному разбору и мое изложеніе основныхъ началъ критической философіи въ книгѣ „Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ“. Г. Савальскій очень облегчилъ свою задачу, взявъ для разбора мой краткій очеркъ, имѣющій въ моемъ трудѣ лишь вводное значеніе, вмѣсто того чтобы обратиться къ Куно Фишеру и Виндельбанду. Но онъ облегчилъ свой путь и въ другомъ отношеніи, изобразивъ мои взгляды не такъ, какъ они изложены въ моей книгѣ, а такъ, какъ ему нужно было для цѣлей критики. При этомъ получились величайшія странности. Для того, чтобы приписать мнѣ чужіе взгляды, г. Савальскій прибѣгаетъ къ слѣдующему приему: беретъ излагаемыя мною положенія Канта и утверждаетъ, что это говорю я (такъ, на стр. 188 онъ цитируетъ въ качествѣ моихъ словъ очень хорошо извѣстное мѣсто „Критики практическаго разума“ въ моемъ изложеніи, между тѣмъ какъ именно въ отношеніи къ этому мѣсту я въ своей книгѣ высказываю извѣстныя сомнѣнія). Въ другихъ же случаяхъ, излагая будто бы мои взгляды, онъ просто пишетъ свое, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мои дѣйствительныя утвержденія. Я бы назвалъ подобное искаженіе

гена онъ изложилъ намъ не настоящаго, не марбургскаго, а развѣ только московскаго. Какъ вмѣсто Канта намъ былъ изображенъ Канто-Когенъ, такъ вмѣсто Когена мы, къ сожалѣнію, получили только Когено-Савальскаго.

Сколько-нибудь удовлетворительное изложеніе взглядовъ Когена мы имѣемъ только въ первыхъ главахъ труда г. Савальскаго, гдѣ рѣчь идетъ о первомъ періодѣ философскаго развитія марбургскаго философа. Но главный предметъ изслѣдованія г. Савальскаго—философія права Когена, а она слагается лишь во второмъ періодѣ. Здѣсь изложеніе нашего автора полно грубѣйшихъ ошибокъ, промаховъ и пробѣловъ. Приходится сказать, что написалъ онъ много, а сказалъ мало, и это оттого, что его книга совершенно необработана: чѣмъ далѣе она подвигается къ концу, тѣмъ болѣе она имѣетъ характеръ черновыхъ записокъ, не сведенныхъ въ систему. Безконечныя длиннѣйшія примѣчанія, въ которыхъ иногда содержится болѣе важное, чѣмъ въ текстѣ, постоянныя отступленія въ сторону и постоянныя повторенія, все это страшно удлиняетъ книгу. При этомъ страсть г. Савальскаго къ полемическимъ выпадамъ нерѣдко заставляетъ его терять путеводную нить: прежде чѣмъ выяснитъ какое-нибудь понятіе, г. Савальскій начинаетъ полемизировать, прерывая на десятки страницъ ходъ послѣдовательнаго изложенія, и читатель вслѣдъ за авторомъ теряется въ этой невозможной черезполосицѣ.

Приведу примѣры. На стр. 156 г. Савальскій начинаетъ свой подходъ къ философіи права съ цитаты изъ «Этики чистой воли», кратко и очень неполно указываетъ планъ этики Когена и затѣмъ тотчасъ же переходитъ къ полемикѣ съ Штаудингеромъ и Спекторскимъ. Это ведетъ къ большимъ неудобствамъ для систематическаго изложенія. Вмѣсто того, чтобы слѣдовать естественному ходу мысли Когена, г. Савальскій слѣдуетъ за возраженіями Спекторскаго, берется тутъ же разяснять по поводу идеи Бога у Когена конецъ его книги, прежде чѣмъ разяснить ея начало, упускаетъ при этомъ изъ виду самое главное и основное понятіе этики Когена, каковымъ является понятіе юридическаго лица, и оставляетъ невыясненной основную методу

моихъ взглядовъ недобросовѣстнымъ, если бы не видѣлъ, что такому же искаженію подверглись у г. Савальскаго и взгляды Когена. Тутъ просто сказалось неумѣнье автора разбираться въ чужихъ воззрѣніяхъ.

этики Когена, т.-е. методу ориентированія этики въ юриспруденціи. Между тѣмъ не выяснить эти два пункта—понятіе юридическаго лица и идею ориентированія этики въ юриспруденціи—это значитъ оставить въ тѣни два центральныхъ и исходныхъ основанія «Этики чистой воли».

Остановимся сначала на второмъ изъ указанныхъ пунктовъ, посмотримъ, какъ понимаетъ г. Савальскій ориентированіе этики въ юриспруденціи. Самъ Когенъ именно въ этомъ полагаетъ главную заслугу своего этическаго ученія, тотъ шагъ впередъ, который онъ дѣлаетъ по сравненію съ Кантомъ. Понятно, какъ важно выяснить, есть ли тутъ дѣйствительная заслуга или нѣтъ. Къ сожалѣнію, г. Савальскій не только не разъясняетъ этого пункта, а, наоборотъ, запутываетъ и затемняетъ его.

На стр. 152—153 онъ различаетъ два вида ориентированія простое и квалифицированное. Ориентировать просто какое-либо понятіе въ «фактѣ науки» значитъ изложить его, какъ принципъ законмѣрности научнаго познанія; ориентировать понятіе квалифицированно, это значитъ ориентировать его въ фактѣ науки съ цѣлью его обоснованія, изложить понятіе какъ принципъ для дедукціи этого факта. Замѣчаемъ это опредѣленіе и идемъ далѣе.

На стр. 198 и 199 г. Савальскій пытается освѣтить частный вопросъ объ ориентированіи этики въ юриспруденціи, при чемъ онъ считается здѣсь съ возраженіями Спекторскаго. Тутъ начинаются собственныя разъясненія нашего автора, и надо сказать въ высшей степени неудачныя. Для понятія ориентированія этики въ юриспруденціи онъ даетъ не одно, а цѣлый рядъ опредѣлений, противорѣчащихъ другъ другу и невѣрныхъ по существу.

Мы до сихъ поръ слышали отъ г. Савальскаго объ ориентированіи понятій въ фактѣ науки. Но вотъ Спекторскій дѣлаетъ замѣчаніе, что юриспруденція наука несовершенная и что ориентированіе этики въ фактѣ несовершенной науки не можетъ быть плодотворнымъ и полемизируя со Спекторскимъ, г. Савальскій дѣлаетъ неожиданный поворотъ въ сторону. На стр. 198 онъ вдругъ объявляетъ, что когда Когенъ ориентируетъ свою этику въ юриспруденціи, то это ориентированіе касается не теорій о правѣ и государствѣ, а факта права и государства и юриспруденціи, какъ науки, поскольку она въ своихъ ученіяхъ констатируетъ этотъ фактъ.

Я долженъ сказать, что это совершенно непонятно и неприемлемо именно съ точки зрѣнія Когена. Оріентированіе какого-либо понятія не можетъ касаться факта права и государства, а только факта науки о правѣ и государствѣ; если же г. Савальскій далѣе говоритъ, что оно касается юриспруденціи какъ науки, поскольку она въ своихъ ученіяхъ констатируетъ этотъ фактъ, то я замѣчу на это, что такой юриспруденціи, которая бы только констатировала фактъ права и государства, нѣтъ, а если бы и была такая юриспруденція, то на ней нельзя было бы оріентировать ни этики, ни чего-либо другого. Юриспруденція существуетъ именно въ своихъ различныхъ направленіяхъ, которыя не только констатируютъ, но и конструируютъ фактъ права и государства; если же г. Савальскому въ данномъ случаѣ юриспруденція нужна только для того, чтобы констатировать фактъ права и государства, то спрашивается, при чемъ тутъ наука.

Но высказавши свое первое положеніе, г. Савальскій сейчасъ же его бросаетъ и замѣняетъ другимъ: «различныя теоріи объясняющія фактъ права и государства, и различное конкретное историческое содержаніе самаго факта, говоритъ онъ, ... все это важно постольку, поскольку удостовѣряетъ наличность факта юридическаго опыта. Оріентированіе происходитъ не въ теоріяхъ объ этомъ фактѣ, а въ самомъ фактѣ, въ тѣхъ его условіяхъ, которыя дѣлаютъ его логически возможнымъ». Но неужели г. Савальскій не понимаетъ, что фактъ юридическаго опыта не то же, что фактъ права и государства, а условія, которыя дѣлаютъ юридическій опытъ логически возможнымъ, не то же, что констатированіе факта права и государства.

Не удовлетворившись этимъ, г. Савальскій дѣлаетъ третій и новый поворотъ мысли: «чтобы сказать предварительно проще и популярнѣе, создается своя теорія юридическаго опыта и въ немъ, этомъ опытѣ оріентируются понятія этики». — Это по крайней мѣрѣ понятно, но сдѣлавъ это утвержденіе, г. Савальскій не замѣтилъ, что попалъ въ очень опасное положеніе и въ противорѣчіе съ своимъ первымъ опредѣленіемъ — тамъ онъ говорилъ, что оріентированіе касается не теорій о правѣ и государствѣ, которыхъ много и которыя противорѣчатъ другъ другу, теперь же онъ утверждаетъ, что для оріентированія создается своя теорія юридическаго опыта, т.-е. берется одна изъ теорій, которая можетъ оказаться и невѣрной.

Но недоразумѣнія этимъ не кончаются. На той же самой 199 стр. г. Савальскій даетъ еще новое, по счету четвертое, опредѣленіе ориентированія: «ориентированіе, говоритъ онъ, отнюдь не означаетъ уравниванія, или подмѣны и замѣны однихъ понятій другими, а является указаніемъ сходства и различія, въ которомъ при подробномъ разсмотрѣніи чѣмъ напряженнѣе выступаютъ сходства, тѣмъ напряженнѣе различіе». Но въ такомъ случаѣ что же новаго представляетъ собою это пресловутое ориентированіе этики въ юриспруденціи. Вѣдь если рѣчь идетъ только о сравненіи этическихъ понятій и юридическихъ и объ указаніи ихъ сходства и различія, то въ такомъ случаѣ всѣ мы согласны съ Когеномъ и не видно, въ чемъ его особенность. Полемизируя со Спекторскимъ, г. Савальскій старается придать мысли Когена по возможности безобидный и удобопріемлемый видъ, но въ результатѣ изъ оригинальной эта мысль дѣлается банальной. Становится совершенно непонятнымъ, почему это ранѣе у г. Савальскаго говорилось о грандіозныхъ замыслахъ Когена, объ его ослѣпительно-яркихъ мысляхъ. Тутъ намъ приходится взять Когена подъ защиту отъ истолкованій г. Савальскаго. Мысль объ ориентированіи этики въ юриспруденціи совершенно неудачна, но она вполне оригинальна, она приводитъ къ совершенно особенному построению этической системы. Это какъ разъ и не выяснено у г. Савальскаго.

Въ связи съ этимъ стоитъ другой пунктъ, на который я указалъ: г. Савальскій совершенно не понялъ той центральной роли, которая принадлежитъ у Когена идеѣ юридического лица. И здѣсь опять-таки мы встрѣчаемся съ совершенно оригинальной особенностью въ этическомъ ученіи Когена: г. Савальскій ея не замѣтилъ.

На стр. 158 нашъ авторъ приводитъ то мѣсто изъ «Этики чистой воли», въ которомъ Когенъ устанавливаетъ свои основныя положенія. Г. Савальскій обрываетъ цитату какъ разъ передъ тѣми словами, гдѣ Когенъ, самъ подчеркивая свою мысль, переходитъ къ идеѣ юридического лица.

На стр. 170 г. Савальскій лишь мимоходомъ роняетъ неясную фразу, что въ юриспруденціи, именно въ понятіи субъекта права, юридического лица, этика находитъ базу для своего понятія человѣка. Тутъ онъ опять подходитъ къ понятію юридического лица, излагаетъ чрезвычайно важныя для Когена стр.

66—78 («Этики чистой воли») и опять упускаетъ въ своемъ изложеніи тѣ пункты, гдѣ у Когена говорится болѣе выпукло о юридическомъ лицѣ. Между прочимъ г. Савальскій упускаетъ изъ вида, что Когенъ говоритъ не объ ассоціаціяхъ вообще, а объ *юридическихъ* ассоціаціяхъ (S. 72), дѣлая удареніе на терминѣ: *юридическій*. Затѣмъ отъ ассоціацій г. Савальскій прямо переходитъ къ государству, между тѣмъ какъ у Когена государство становится основнымъ понятіемъ только чрезъ понятіе юридического лица, являясь, по его выраженію образцовымъ примѣромъ понятія юридического лица для понятія нравственнаго человѣка (Ethik des r. W. S. 75).

На стр. 305 г. Савальскій еще разъ по ходу изложенія приближается къ другому отдѣлу «Этики чистой воли», гдѣ Когенъ снова очень опредѣленно подчеркиваетъ значеніе въ его теоріи идеи юридического лица, и въ третій разъ онъ пропускаетъ соотвѣтствующія разъясненія излагаемаго философа (S. 212 — 257 Ethik d. r. W.).

Въ этихъ систематическихъ упущеніяхъ я вижу результатъ неяснаго представленія о томъ значеніи, которое принадлежитъ у Когена понятію юридического лица. Въ этомъ убѣждаетъ меня и то, что когда г. Савальскій на стр. 311 наконецъ-то кратко и бѣгло касается этого важнаго для Когена пункта, онъ переворачиваетъ ходъ мысли Когена и пропускаетъ болѣе важныя для него мѣста. Это легко показать, сличивъ шагъ за шагомъ изложеніе г. Савальскаго съ подлиннымъ текстомъ Когена.

Понятно, что г. Савальскій даже и не поставилъ себѣ вопроса, правъ ли Когенъ въ своемъ пониманіи юридического лица? Вѣдь это идея далеко не безспорная. Не говоря уже о томъ, что были теоріи, совершенно отрицающія понятіе о юридическомъ лицѣ, какъ особомъ субъектѣ права, въ новѣйшее время выдвигаются ученія, которыя въ опредѣленіи юридического лица противопоставляютъ этическому моменту технической и устраняютъ моральную сторону этого понятія. Такой поворотъ мысли совершенно не подкрѣпляетъ паѳоса Когена въ отношеніи къ юридическому лицу. Если г. Савальскій ни о чемъ этомъ не упоминаетъ, это служитъ только лишнимъ подтвержденіемъ, что онъ не уяснилъ себѣ самаго центрального хода въ ученіи Когена.

Но пробѣлы въ книгѣ г. Савальскаго этимъ не ограничиваются: совершенно неудовлетворительнымъ является и его изложеніе

ученія Когена о государствѣ. Въ апофеозѣ государства самъ г. Савальскій видитъ вѣнецъ этики Когена. Тѣмъ болѣе лежала на немъ обязанность подробнѣе выяснитъ развитіе этой идеи въ «Этикѣ чистой воли».

Что же мы находимъ по этому вопросу у нашего автора? Нѣсколько бѣгло написанныхъ страницъ въ концѣ книги, въ которыхъ самые трудные пункты скрыты, самая серьезная противорѣчія не указаны. Этотъ пробѣлъ тѣмъ болѣе непростителенъ, что самъ Когенъ въ соответствующихъ мѣстахъ указалъ возможность возраженій, которыя могутъ быть ему сдѣланы, и отмѣтилъ затрудненія, которыя связаны съ его ученіемъ. Г. Савальскій вмѣсто этого стремится представить взгляды Когена на государство въ ясномъ и непротиворѣчивомъ единствѣ. Удивительно, что имъ почти не подвергнута анализу IX глава «Этики чистой воли» (объ идеѣ Бога), въ которой понятіе государства представляется въ новомъ освѣщеніи.

Основной взглядъ Когена на государство выражается въ его утвержденіи на стр. 230 («Этики чистой воли»), что значеніе государства лежитъ не въ его актуальной дѣйствительности, а въ его достоинствѣ, какъ *руководящаго этическаго принципа самосознанія*. У Когена есть цѣлый рядъ выраженій, подчеркивающихъ эту руководящую нравственную роль государства, и читая эти выраженія, получаешь впечатлѣніе, что здѣсь воспроизводится ученіе Гегеля съ его признаніемъ за государствомъ значенія нравственной субстанции, на лонѣ которой воспитывается личность. У Когена, какъ и у Гегеля, государство говоритъ лицу: только во мнѣ и черезъ меня ты можешь достигнуть истиннаго человѣческаго самосознанія (S. 231).

Однако, изъ дальнѣйшаго оказывается, что Когенъ не только не раздѣляетъ взгляда Гегеля на государство, какъ на дѣйствительность нравственной идеи, но даже считаетъ этотъ взглядъ тяжелой ошибкой (S. 372). Въ противоположность Гегелю онъ полагаетъ, что дѣйствительность нравственности слѣдуетъ искать въ той цѣли, которая поставлена нравственному дѣйствію,—въ томъ, чтобы быть безконечнымъ (S. 380). Эту безконечность мы находимъ въ человѣчествѣ: въ немъ заключается высшее выраженіе самосознанія нравственной личности (S. 390).

Казалось бы, что тутъ есть очевидное противорѣчіе: ранѣе (S. 76) утверждалось, что высшая цѣль этики—единство чело-

вѣка—достигается въ государствѣ, теперь же дѣйствительность нравственной идеи усматривается въ безконечномъ развитіи человечества. Самъ Когенъ видитъ, что тутъ можно усмотрѣть противорѣчіе, и спѣшитъ отразить его замѣчаніемъ, что между государствомъ и человечествомъ существуетъ соотношеніе, такъ какъ государство только въ союзѣ всего человечества, а человечество только въ союзѣ государствъ находитъ свое завершеніе (S. 411).

Нельзя сказать, чтобы это разъясненіе представляло надежный выходъ изъ затрудненія. Прежде всего естественно спросить, что разумѣется здѣсь подъ союзомъ государствъ? Терминъ *Staatenbund* берется тутъ, очевидно, не въ обычномъ юридическомъ смыслѣ договорнаго соединенія государствъ для извѣстныхъ цѣлей: здѣсь разумѣется та связь между государствами, которая объединяетъ ихъ въ единое человечество и которая стоитъ надъ ними, какъ *ничто высшее*. Но въ такомъ случаѣ то значеніе, которое придавалось ранѣе государству, ослабляется.

Подчиняя государство идеѣ человечества, Когенъ вмѣстѣ съ тѣмъ разъясняетъ, что государство, какъ этническій принципъ, есть государство справедливости, которое своей единственной цѣлью имѣетъ нравственное самосознаніе (S. 582).

Наконецъ, какъ опору для вѣры, что, несмотря на всѣ искаженія и затемненія путей права и государства, человечеству все-таки обезпеченъ вѣчный прогрессъ къ добру, Когенъ вводитъ въ свое построеніе идею Бога (S. 428).

Таковъ сложный ходъ мысли Когена. Идея государства входитъ тутъ въ сочетаніе съ другими идеями и подчиняется имъ, ея руководящее нравственное значеніе ограничивается ея связью съ другими принципами. У г. Савальскаго вся эта сложность исчезаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ разрывается органическая связь отдѣльных элементовъ мысли Когена. Объ идеѣ Бога г. Савальскій говоритъ ранѣе, при разборѣ возраженій Спекторскаго, и внѣ связи съ общимъ ходомъ мысли Когена въ IX-й главѣ; о союзѣ государствъ, къ которому Когенъ возвращается нѣсколько разъ, онъ и вовсе не упоминаетъ, равно какъ не упоминаетъ и о проблемѣ соотношенія между государствомъ и человечествомъ. Но болѣе того: попытка г. Савальскаго разъяснить апофеозу государства не только не освѣщаетъ, а скорѣе запутываетъ дѣло. Разъясняя смыслъ утвержденія, что «государство

является руководящимъ для самосознанія индивида», г. Савальскій на стр. 318 приходитъ къ заключенію, что есть нѣчто третье, чему подчиняются индивидъ и государство, а именно—идея лица, самосознаніе, нравственный разумъ; и потому, какъ утверждаетъ самъ авторъ, индивидъ правъ и подчиняясь государству, и уклоняясь отъ подчиненія ему, соотвѣтственно своему моральному творчеству. Но вѣдь это весьма отличается отъ того, чему учитъ Когенъ: центръ тяжести переносится тутъ въ личное моральное творчество, тогда какъ у Когена онъ лежитъ въ руководящемъ значеніи идеи государства. Нельзя не сказать, что тутъ снова мы достигаемъ пункта, гдѣ подлинная мысль Когена выбрасывается за бортъ. Г. Савальскій устраняетъ оригинальный оттѣнокъ его системы, замѣняя его своими собственными разсужденіями. Если бы вмѣсто этого г. Савальскій произвелъ настоящій анализъ IX главы «Этики чистой воли», онъ, можежъ быть, убѣдился бы, что весь замыселъ Когена объ ориентированіи этики въ юриспруденціи и о трансцендентальной дедукціи моральнаго закона терпитъ здѣсь свое крушеніе.

V.

Я поставилъ своей цѣлью показать, насколько вѣрно изложилъ г. Савальскій Когена. Послѣ разбора *самыхъ основныхъ* пунктовъ «Этики чистой воли» въ освѣщеніи г. Савальскаго, мы могли убѣдиться, что *ни одинъ изъ этихъ пунктовъ* у него не выясненъ: почти сплошь они даже не поняты имъ.

На страницахъ этого журнала нѣтъ направленной покровительствуемыхъ и угнетаемыхъ; но ко всѣмъ направленіямъ специальный органъ русской философской мысли долженъ предъявить одинаковыя требованія законченности и послѣдовательности. Разбирая съ этой точки зрѣнія произведеніе г. Савальскаго, мы должны сказать, что оно заслуживаетъ полной мѣры порицанія, которая въ подобныхъ случаяхъ можетъ имѣть мѣсто. Нѣкоторую пользу могла бы принести первая часть книги, въ которой излагается ученіе перваго періода въ развитіи Когена, но и эта часть проигрываетъ какъ отъ обычныхъ недостатковъ изложенія автора, такъ и отъ связи со второй частью, въ которой позднѣйшее ученіе Когена передается въ совершенно искаженномъ видѣ. Для пользы дѣла г. Савальскому слѣдовало бы всю

эту часть радикально переработать, ибо въ своемъ настоящемъ видѣ она непригодна для ознакомленія съ «Этикой чистой воли».

Но эта переработка можетъ удаться г. Савальскому лишь тогда, когда онъ болѣе серьезно займется своимъ предметомъ и отрѣшится при этомъ отъ ферулы Когена. Обидно и горько, что скудныя у насъ научныя силы вступаютъ на ложный путь суетвѣрнаго догматизма, вмѣсто того, чтобы укрѣплять въ себѣ духъ анализа и критики. И вдвойнѣ обидно и горько, когда въ области философіи права ищутъ руководства въ мертвящей схоластикѣ Германа Когена. Г. Савальскій нашелъ у него бѣшеніе эпохи возрожденія, а въ наше время поднимаются проблемы страшной сложности и остроты, которыя и не снились старымъ эпохамъ и вѣкамъ. Предъ этой совокупностью современныхъ исканій система марбургскаго профессора предстаетъ во всей скудости и безпомощности неудачнаго кабинетнаго измышленія ¹⁾.

П. Новгородцевъ.

¹⁾ Блестящую характеристику этической системы Когена во всей ея недостаточности и односторонности далъ кн. Е. Н. Трубецкой въ этомъ журналѣ, кн. 97. Изъ его краткой статьи читатель почерпнетъ болѣе для знакомства съ Когеномъ, чѣмъ изъ обширнаго тома г. Савальскаго.

Отчетъ о международномъ конгрессѣ по психологіи въ Женевѣ 1909 г.

I.

Шестой международный конгрессъ по психологіи въ Женевѣ отъ 3—7-го августа 1909 года, несмотря на свою разностороннюю программу, не былъ однако слишкомъ хаотиченъ и далъ много цѣннаго его участникамъ. Цѣльности вынесеннаго впечатлѣнія много способствовала инициатива организаціоннаго комитета, заранѣе намѣтившаго программу съ цѣлью ограничить число сообщеній по отдѣльнымъ, произвольно избираемымъ докладчиками вопросамъ. Мѣра эта понизила количество этихъ случайныхъ докладовъ съ 200, фигурировавшихъ на предыдущемъ международномъ съѣздѣ, до 40, что значительно облегчило задачу устроителей и внесло большую стройность и систематичность въ расписаніе занятій.

Собравшаяся многочисленная аудиторія философовъ въ первоначальномъ значеніи слова, т.-е. любителей мудрости (превышавшая вмѣстѣ съ профессиональными философами и психологами 500 человекъ), наглядно убѣдилась на конгрессѣ, какъ широка и всеобъемлюща психологія, какъ велико количество дифференцировавшихся ея вѣтвей и какого жгучаго интереса не только для спеціалистовъ, но и для большой публики, полны ея проблемы, о чемъ свидѣтельствовало уже переполненіе аудиторій на засѣданіяхъ, назначавшихся по одному и тому же вопросу.

Программа конгресса была дѣйствительно разносторонняя.

На ряду съ состояніями сознанія, онъ удѣлилъ особое мѣсто психологіи и подсознательныхъ явленій; оставивъ въ сторонѣ познаніе и волю, сосредоточилъ свое вниманіе на изученіе чув-

ства и, въ частности, религіознаго чувства; удѣлилъ мѣсто и сравнительной психологіи, посвятивъ нѣсколько засѣданій психологіи животныхъ. Наконецъ, кромѣ вопросовъ, касающихся *содержанія* душевныхъ явленій, были разработаны вопросы *методологическіе*, рассмотрѣно *приложеніе* психологіи къ нормальной и врачебной педагогикѣ и поставленъ вопросъ *формальною* характера о внѣшнемъ усовершенствованіи психологической дисциплины, необходимомъ въ видахъ наиболѣе плодотворной коллективной, международной работы въ области изученія душевныхъ явленій.

По этому послѣднему вопросу предложено ввести нѣкоторые общіе приемы при экспериментальномъ изслѣдованіи душевныхъ явленій, главнымъ образомъ, въ примѣненіи къ показаніямъ экспериментируемаго лица (докл. д-ра филос. *Otto Lipmann*, Берлинъ: *Die Wertung der Resultate von Aussage-Experimenten*).

Затѣмъ указана желательность общепринятой классификаціи и номенклатуры (при помощи цифровыхъ знаковъ) красокъ, число которыхъ, по докладу проф. *Thiery* (Louvain) доходитъ до 80.000 оттѣнковъ. Такая классификація значительно облегчила бы работы экспериментаторовъ въ данной области. Въ результатѣ докладовъ (проф. физиол. *Nagel*, Раштокъ, Германія; завѣд. лабор. произв. гобеленовъ *Th. Valette*; проф. физиол. *Asher*, Бернъ; проф. *Thiery*, указывавшихъ на трудности подобной классификаціи, въ связи съ нѣкоторыми проектами)—для выработки классификаціи избрана международная комиссія, въ которую вошли: *Nagel*, *Asher*, *Thiery*, *Yerkes* (Нью-Йоркъ), *Larguier* (Лозанна).

По тому же вопросу *формальною* усовершенствованія ради внутренняго прогресса докладчики проф. псих. *Baldwin* (Америка) и проф. псих. *Claparède* (Женева), каждый со своей стороны, указывали, въ виду существующаго смѣшенія психологическихъ терминовъ и понятій, на необходимость упорядоченія психологической терминологіи каждаго изъ языковъ, взятаго въ отдѣльности, и выработки, если не тождественной, то, по крайней мѣрѣ, соответствующей, равнозначной *международной* терминологіи—на основаніи предложенныхъ ими общихъ принциповъ, въ связи съ требованіями каждаго языка. Делегатъ Франціи проф. филос. *Bertrand* (Ліонъ) предложилъ начать предстоящую работу съ точнаго опредѣленія къ слѣдующему конгрессу

и некоторого, очень небольшого количества психологических терминовъ.

Предсѣдатель общества эсперантистовъ *René de Saussure* (Женева) и три другихъ эсперантиста (Англія, Швейцарія, Россія), говоря на своемъ языкѣ (включенномъ въ число пяти официальныхъ языковъ конгресса, что не мѣшало, однако, нѣкоторой части присутствующихъ выразить неудовольствіе по поводу его употребленія) и отмѣчая его достоинства для международного обмѣна мыслей, обратили вниманіе конгресса на подготовительные труды эсперантистовъ по выработкѣ научной международной терминологіи.

Въ связи съ вопросомъ о терминологіи завѣд. псих. лабор. *Courtier* (Парижъ) внесъ свой проектъ, заслушанный предварительно въ секціи *Institut général psychologique* въ Парижѣ¹⁾ и представляющій цѣлую систему символовъ и знаковъ примѣнительно къ психологіи, по образцу химіи и математики—своего рода стенографію для международного употребленія, подвергнувшуюся критикѣ со стороны проф. псих. *Ferrari* (Болонья).

По обсужденіи вопроса о терминологіи, избрана комиссія (*Baldwin, Claparède, Lipmann, Ferrari*) и на нее возложено составленіе доклада къ слѣдующему конгрессу объ общихъ мѣрахъ единства примѣнительно къ психологіи.

Надо надѣяться, что избранная комиссія отнесется отрицательно къ проекту *Courtier*, такъ какъ при всей желательности исполнѣ установленнаго единообразія въ употребленіи терминовъ, что, дѣйствительно, должно значительно облегчить и упростить пониманіе и разрѣшеніе психологическихъ вопросовъ — предложенная имъ символика не только сдѣлаетъ психологическія сочиненія доступными однимъ специалистамъ и послужитъ препятствіемъ къ весьма желательной и цѣнной популяризаціи науки.

¹⁾ Цѣль этого учрежденія, существующаго со времени международного конгресса по психологіи въ Парижѣ въ 1900 г. содѣйствіе всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами общему развитію психологіи. Институтъ устраиваетъ публичные доклады, организуетъ цѣлый рядъ собственныхъ засѣданій по секціямъ, издаетъ журналъ, открываетъ психологическія и физиологическія лабораторіи. Предс. акад. *d'Arsonval*; секретарь *С. Юргевичъ* (состоитъ при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ). Во время Женевского конгресса въ частномъ засѣданіи члены института повнакомили присутствующихъ съ задачами института.

она, кромѣ того, положить предѣлъ естественному росту психологическихъ понятій, среди которыхъ далеко еще не всѣ вполне опредѣлились; помимо этого, въ интересахъ научности, врядъ ли позволительно совокупность сложныхъ, безконечно подвижныхъ и разнообразныхъ явленій, замыкать въ сухія таблицы ничего не говорящихъ, мертвыхъ буквъ и цифръ.

II.

Переходя теперь къ разсмотрѣнью вопросовъ по существу, раскрывающихъ содержаніе психологій и психологическаго изслѣдованія, мы, прежде всего, отмѣтимъ въ работахъ конгресса въ указанномъ направленіи *методологическую* точку зрѣнія, сказавшуюся не только тамъ, гдѣ специально имѣлось въ виду разсмотрѣть и установить наиболѣе плодотворные приемы душевныхъ явленій, но также въ разработкѣ такихъ общихъ вопросовъ, какъ психологія религіозныхъ явленій, психологія чувства, психологія подсознательнаго и, наконецъ, психологія животныхъ.

Ни по одному изъ перечисленныхъ вопросовъ конгрессъ не могъ придти къ крупнымъ результатамъ, такъ какъ докладчики, пользуясь каждый своимъ методомъ, стояли на разныхъ, часто непримиримыхъ точкахъ зрѣнія и не понимали другъ друга. Во всѣхъ указанныхъ областяхъ обнаружилось удивительное разногласіе въ истолкованіи душевныхъ явленій, и пренія уходили не на углубленіе вопроса, что было бы наиболѣе существенно, но возможно только при условіи *одной* руководящей точки зрѣнія,—а на защиту каждымъ своего метода, и вся работа конгресса во всѣхъ этихъ направленіяхъ можетъ быть охарактеризована не болѣе, не менѣе, какъ исканіе метода. Разумѣется, и это—почтенная задача. Вотъ почему, хотя изъ обсуждения не было вынесено систематически стройныхъ, цѣнныхъ знаній по каждому вопросу, однако, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ получилось нѣчто положительное, такъ какъ всякое разностороннее освѣщеніе вопроса, ничего не разрѣшая и не сообщая по существу, ставитъ тѣмъ не менѣе путеводныя вѣхи изслѣдованія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлаетъ особенно очевидной простую истину: чтобы столкнуться и придти къ чему-нибудь, надо говорить на одномъ языкѣ, употреблять одно и то же орудіе изслѣдованія.

Перейдемъ къ фактамъ. Въ вопросѣ о религіозныхъ состояніяхъ сознанія извѣстный психологъ *Höffding* (Копенгагенъ) въ своемъ докладѣ *Problème et méthode de la psychologie de la religion*, пользуясь чисто *психологической* точкой зрѣнія, охарактеризовалъ данныя явленія, какъ фактъ опыта, независимо отъ того, отмѣчается ли онъ при помощи субъективнаго или объективнаго наблюденія, т.-е. переживаетъ ли его въ себѣ самъ наблюдатель или только отмѣчаетъ религіозныя проявленія въ другихъ. Всякое чувство есть слѣдствіе какой-нибудь потребности низшаго или высшаго характера, потребности къ достиженію извѣстныхъ цѣнностей; что касается религіознаго чувства, оно возникаетъ, въ связи съ сознаніемъ собственной ограниченности, безсилія, какъ слѣдствіе оцѣнки нашего индивидуальнаго опыта въ достиженіи цѣнностей, при чемъ, въ зависимости отъ опыта, принимаетъ тотъ или другой оттѣнокъ: страха, надежды, смиренія радости или горя; благоговѣнія или негодованія и пр.

Разграниченіе потребностей — органическихъ, интеллектуальныхъ, эстетическихъ и моральныхъ совершается только на извѣстной ступени человѣческаго развитія, что отражается на характерѣ религіи.

Въ *классическую* эпоху религія включаетъ въ себя и знаніе, и нравственность, вообще, всю духовную жизнь; все въ Богѣ для Блаженнаго Августина. Обособленіе религіозныхъ интересовъ свидѣтельствуетъ о новомъ *критическомъ* періодѣ, когда только и становится возможной психологія религіи. Съ развитіемъ человѣчества измѣняется и содержаніе религіи: въ *естественной* религіи человѣкъ стремится къ сохраненію своего физическаго существованія, какъ наивысшей цѣнности; въ *моральныхъ* религіяхъ роль цѣнности играетъ нравственность.

Наконецъ, религія должна разсматриваться не только какъ индивидуальный фактъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ социальное явленіе, испытывающее вліяніе среды, традицій, а также личности великихъ основателей религій.

По мнѣнію другого изслѣдователя психологіи религіозныхъ явленій *James Leuba* (*Bryn Mawr*), выдвинувшаго въ своемъ сообщеніи *біологическую* точку зрѣнія, философы слишкомъ субъективно судятъ о всякомъ религіозномъ сознаніи приписывая ему непремѣнно возвышенный характеръ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности религія есть проявленіе *всѣхъ жизненныхъ силъ*,

стремленіе къ удовлетворенію потребностей, къ достиженію цѣнностей при содѣйствіи сверхчеловѣческой силы или Бога. Область религіознаго опыта такъ же подлежитъ научному изученію, какъ и прочія явленія душевной жизни.

Въ преніяхъ, продолжавшихся нѣсколько засѣданій, разбирались вопросы о причинности религіозныхъ состояній сознанія, о значеніи личнаго религіознаго опыта, о связи религіозныхъ явленій съ аномальными состояніями сознанія, о взаимоотношеніи религіи и науки, религіи и социологіи, религіи и теологіи.

Въ защиту теологіи выступилъ краснорѣчивый ораторъ іезуитъ *Racheu*; убѣжденный мистикъ *Лютославскій* (Варшава) свидѣтельствовалъ передъ многочисленной аудиторіей о собственномъ обращеніи къ вѣрѣ и другихъ фактахъ религіознаго опыта; психіатры (*Ladame*, Женева, и др.) предлагали примѣнить къ изученію религіозныхъ явленій психопатологическій методъ; было сдѣлано предложеніе, повидимому, матеріалистомъ, не считающимся съ душевными явленіями и отрицающимъ значеніе самонаблюденія, проф. фізіол. *Raphael Dubois* (Ліонъ) совершенно исключить религію изъ сферы научнаго изученія, какъ чисто догматическую область.

Психологическая, біологическая, теологическая, мистическая, психопатологическая, матеріалистическая точки зрѣнія выдвигались одна за другой. Въ послѣднихъ засѣданіяхъ ораторы (*Лютославскій*, *Racheu*), увлеченные миссіонерскимъ пыломъ, все болѣе и болѣе переходили изъ области науки на религіозную почву, въ область вѣры, вдаваясь въ анализъ мистическихъ переживаній. Въ заключеніе преній проф. *Höfdding* еще разъ указалъ апологетамъ религіи, что наука, какъ таковая, должна искать *естественнаю* объясненія явленій и если мы не можемъ найти причины явленій, мы еще не въ правѣ заключать о причинѣ сверхестественнаго характера.

Предс. конгресса проф. *Flournoy* (Женева), подтвердивъ эту же мысль, напомнилъ, что наука не можетъ ни доказать, ни опровергнуть существованія Бога, и за предѣлами науки намъ остается область вѣры, коренящейся въ нашихъ эмоціяхъ и въ нашей волѣ.

Такимъ образомъ, въ итогѣ четырехъ засѣданій и горячихъ преній получился выводъ, что религіозныя переживанія являются фактомъ психологическаго опыта и должны быть разсматривае-

мы въ психологiи только съ психологической, а не метафизической точки зрѣнія, но этотъ выводъ и былъ исходнымъ пунктомъ доклада Гесфдинга, и пренія (правда, отрицательнымъ путемъ) только подчеркнули его справедливость.

III.

По вопросу о психологiи чувствованій интересный докладъ представилъ проф. филос. *Külpe* (Würzburg). Указавъ отличительные признаки чувствованій и признаки, общіе съ другими душевными явленіями, и представивъ своеобразную классификацію видовъ чувствованій, на ряду съ краткимъ перечисленіемъ теорій, авторъ доклада подробно остановился на *методахъ* и результатахъ изслѣдованія, отмѣчая трудности послѣдняго.

Къ сожалѣнію, за недостаткомъ времени, докладъ не былъ обсужденъ и вызвалъ лишь нѣсколько замѣчаній частнаго характера (напр. наблюденіе проф. филос. *Bovet* (Невшатель), что терминъ чувство прилагалось экспериментируемымъ имъ субъектами къ самымъ разнообразнымъ состояніямъ сознанія и, слѣдовательно, употребляется, вообще, въ самыхъ различныхъ смыслахъ и т. п.).

Докладомъ проф. *Külpe* и небольшимъ сообщеніемъ проф. филос. *Ogden* (Америка) о связи эстетическаго состоянія съ различными проявленіями чувства былъ, собственно говоря, исчерпанъ весь отдѣлъ о чувствованіяхъ, такъ какъ работа д-ра *Sollier* (Франція) *Le sentiment cénesthésique*, тоже причисленная къ этой категоріи, носила чисто специальный характеръ, касаясь явленія, съ одной стороны граничащаго съ ощущеніями, съ другой—проливающего свѣтъ на факты раздвоенія личности.

По теоріи докладчика чувство, называемое имъ *ценестезическимъ*, присоединяясь къ органическимъ ощущеніямъ, (съ которыми его часто смѣшиваютъ), сообщаетъ имъ характеръ *личныхъ* ощущеній; при отсутствіи этого чувства органическія ощущенія переживаются нами, но не относятся къ нашему я (раздвоеніе личности); такимъ образомъ, чувство это составляетъ одинъ изъ элементовъ личности. Иначе говоря, гипотеза *Sollier* указала новый *путь* для изученія явленія раздвоенія личности.

Специалистами по данному вопросу (невр. *Morton Prince*—Бостонъ, д-ръ *Leroy*—Парижъ, проф. *Bertrand*—Лионъ, проф. *Leuba*

и др.) высказаны замѣчанія, отнюдь не подорвавшія методологическую значенія предложенной гипотезы, но отмѣтившія трудности, съ которыми надо считаться при изслѣдованіи, при чемъ г. Лютославскій указалъ на необходимость различенія я и личности.

Явленіе раздвоенія личности естественнымъ образомъ выдвинулось и въ вопросѣ о подсознательныхъ состояніяхъ. Въ этомъ вопросѣ, опять съ поразительной ясностью, обнаружилось различіе принятыхъ докладчиками методовъ изслѣдованія.

Проф. фил. *Dessoir* (Берлинъ), исходя изъ понятія *сознаніе* и отмѣчая въ подсознательныхъ состояніяхъ ту же характерную черту, что и въ сознаніи, а именно—*связываніе, синтезъ*, прибѣгъ для своего изслѣдованія къ *психо-аналитическому методу* и попытался при его помощи отмѣтить основныя особенности подсознательныхъ состояній.

Проф. *Morton Prince*, избравшій *психо-физиологическій методъ*, пошелъ еще далѣе въ своемъ анализѣ и, подраздѣливъ всѣ подсознательныя явленія на *сознательныя* (*conscious*), имѣющія такой же психическій характеръ, какъ и явленія сознанія (то же, что у *Dessoir*) и *безсознательныя* (*unconscious*), являющіяся результатомъ физиологическихъ, мозговыхъ процессовъ и только въ тѣхъ случаяхъ сопровождающіяся сознаніемъ.

Наконецъ, д-ръ *Pierre Janet* (Парижъ) ограничился въ своемъ докладѣ исключительно сферой патологическихъ явленій (различныя разстройства личности, относимыя имъ къ *психастеніи и истеріи*), пользуясь такимъ образомъ *психо-патологическимъ методомъ*¹⁾.

Въ преніяхъ были также высказаны методологическія замѣчанія: такъ, напримѣръ, проф. *Mittelman* (Швейцарія) и г. Лютославскій отмѣтили гипотетическій характеръ физиологической теоріи безсознательнаго. Кромѣ того, послѣдній указалъ, что не должно быть поспѣшности въ обобщеніяхъ, дѣлаемыхъ иногда на основаніи индивидуальныхъ случаевъ. Проф. *Pickler* (Будапештъ) поставилъ докладчикамъ въ упрекъ, что они ограничились однѣми теоріями, между тѣмъ какъ въ подобномъ вопросѣ особенно важно живое наблюденіе и пр.

¹⁾ *Pierre Janet* отсутствовалъ, но прислалъ свой докладъ, который подвергался обсужденію.

IV.

Психологія животныхъ такъ же сильно заинтересовала участниковъ конгресса, какъ и *психологія религіозныхъ явленій*. Конечно, не участіе къ жизни животныхъ играло въ данномъ случаѣ роль, а значеніе *психологіи животныхъ*, какъ *метода* для изслѣдованія душевныхъ явленій человѣка: подробный анализъ реакцій, наблюдаемыхъ въ животномъ мірѣ, естественнымъ образомъ привелъ изслѣдователей къ сложной, неразрѣшимой, но вѣчно волнующей человѣка философской проблемѣ *духа и тѣла*.

Интересный докладъ въ связи съ демонстраціей представилъ предс. общ. коломбофиловъ *Thauziès* (Франція)—какимъ образомъ ориентируются почтовые голуби при своемъ полетѣ. На основаніи многочисленныхъ опытовъ и детального изученія склонностей и привычекъ, обнаруживаемыхъ почтовыми голубями, докладчикъ отрицаетъ, чтобы они руководились зрѣніемъ или обладали спеціальнымъ внѣшнимъ чувствомъ—чувствомъ направленія или, наконецъ, запоминали самыя передвиженія, которымъ ихъ подвергаютъ при перевозкѣ. По его мнѣнію, голуби руководствуются особыми магнетическими токами, исходящими изъ земли—вотъ почему они никогда не поднимаются при своемъ полетѣ высоко надъ землей, очень быстро и вѣрно опредѣляя направленіе, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда отмѣчается совершенно особенное и вполнѣ опредѣленное состояніе атмосферы, затрудняющее воспріятіе ими магнетическихъ токовъ.

Нѣсколько серій голубей, происходящихъ изъ разныхъ мѣстъ, были выпущены докладчикомъ на площади, на глазахъ собравшихся конгрессистовъ и почти всѣ, за очень немногимъ исключеніемъ, принявъ должное направленіе, прибыли по назначенію, о чемъ были получены извѣстія по телеграфу.

При обсужденіи доклада была отмѣчена необыкновенная быстрота полета (120--150 километровъ въ часъ), приведены жѣкоторыя данныя изъ жизни другихъ животныхъ и возбужденъ вопросъ г. *Лютославскимъ*, не наблюдается ли и въ жизни человѣка явленіе, отмѣченное докладчикомъ, на примѣръ,—въ дѣтской игрѣ въ жмурки и т. п.

Было сдѣлано еще нѣсколько частныхъ сообщеній по психологіи животныхъ: проф. *Favre* (Парижъ) представилъ общій

планъ для разработки психологіи животныхъ, проф. экс. псих. *Meuer* (Колумбія) познакомилъ со своими опытами надъ слухомъ рыбъ, проф. зоол. *Yung* (Женева) привелъ нѣкоторыя данныя объ ощущеніяхъ сырости у моллюсковъ.

Интересное сообщеніе прислалъ проф. сравн. психол. *Verkes* (Нью-Йоркъ): *Scientific method in animal psychology*. Онъ проводитъ мысль, что психологія животныхъ должна развиваться при помощи совершенно тѣхъ же *методовъ*, какъ и общее изученіе душевныхъ явленій. Отмѣчая значеніе экспериментальныхъ изслѣдованій (между прочимъ, русскаго фізіолога Павлова, на котораго ссылались въ работахъ конгресса и другіе ученые), онъ особенно подчеркиваетъ необходимость простаго метода *наблюденія*, въ интересахъ наиболѣе вѣрнаго представленія о внутреннихъ переживаніяхъ животнаго. По его мнѣнію, искусственная обстановка эксперимента стѣсняетъ животныхъ и заставляетъ ихъ обнаруживать не тѣ свойства, которыя для нихъ обычны.

Возлагая большія надежды на строго *научную* работу въ области психологіи животныхъ, авторъ сообщенія высказываетъ увѣренность, что изученіе различія красокъ животными, изслѣдованіе ихъ памяти и привычекъ прольютъ свѣтъ на соотвѣтствующіе обще-психологическіе и педагогическіе вопросы.

Изъ всей психологіи животныхъ возбудилъ наибольшее вниманіе и вызвалъ наибольшее количество горячихъ преній, какъ и слѣдовало ожидать, философскій вопросъ о *тропизмахъ*. И хотя тропизмы разбирались докладчиками почти исключительно въ примѣненіи къ животнымъ, — невольно слушавшіе и возражавшіе прилагали полученные выводы къ человѣку, что, разумѣется, отражалось на страстности возраженій и повышало интересъ.

Наиболѣе категорическія утвержденія по вопросу о тропизмахъ заключалъ докладъ проф. фізіол. *Loeb'a* (Калифорнія). Двадцать лѣтъ тому назадъ докладчикъ первый примѣнилъ къ животному міру терминъ *тропизмъ*, употреблявшійся до того лишь въ ботаникѣ для обозначенія реакцій организма на дѣйствіе свѣта, тяжести и т. п. факторовъ, на основаніи физико-химическихъ законовъ. Такой же характеръ носятъ, по мнѣнію проф. *Loeb'a*, реакціи животнаго организма на тѣ же факторы. Животныя необходимымъ образомъ движутся къ источнику свѣта

или отъ него; то, что мы называемъ волей животнаго, на самомъ дѣлѣ есть тропизмъ; *психическія* явленія объясняются при помощи *физико-химическихъ* законовъ.

Не ограничившись сужденіемъ о животныхъ, проф. *Loeb* пошелъ еще далѣе въ своемъ докладѣ и высказалъ предположеніе, что ученіе о тропизмахъ можетъ быть примѣнено не только въ психіатріи, но и въ нормальной психологіи: весьма вѣроятно, по его мнѣнію, что человѣкъ, дѣйствующій подъ вліяніемъ какой-нибудь идеи, на самомъ дѣлѣ выполняетъ свое дѣйствіе вслѣдствіе извѣстнаго совершающагося въ немъ химическаго процесса.

Другой спеціалистъ по тому же вопросу д-ръ *Bohn* (Парижъ) рассмотрѣлъ болѣе подробно въ своемъ сообщеніи самый механизмъ и ихъ свойства, объясняя, какое дѣйствіе животнаго можетъ быть названо тропизмомъ и какое—нѣтъ.

Третій докладъ на ту же тему, присланный проф. *Jennings* (Балтимора), не отрицая, въ общемъ, существованія тропизмовъ въ животномъ мірѣ и подчеркивая ихъ разнообразіе, въ зависимости отъ организма, значительно, однако, ограничилъ ихъ примѣненіе. Проф. *Jennings* предлагаетъ въ своемъ докладѣ твердо держаться разъ установленнаго, опредѣленнаго смысла тропизма, а именно, понимать подъ тропизмомъ реакцію организма на опредѣленный стимулъ извнѣ, реакцію, благодаря которой организмъ *ориентуруется*, т.-е. принимаетъ и удерживаетъ извѣстное направленіе. Всѣ реакціи, не заключающія въ себѣ *ориентированія* (а таковыхъ большинство), не могутъ ни въ какомъ случаѣ быть названы тропизмами.

Различіе точекъ зрѣнія, сказавшееся уже въ докладахъ, особенно ярко обнаружилось въ преніяхъ. Нашлись сторонники теоріи проф. *Loeb'a* и ожесточенные противники, а задача истинныхъ психологовъ состояла въ томъ, чтобы оберечь пренія отъ какой бы то ни было метафизики (т.-е. не только спиритуалистической, но и матеріалистической, которую сторонники ея часто считаютъ строго научной точкой зрѣнія). Проф. *Höffding* указалъ на безсиліе науки передъ проблемой духа и тѣла, остающейся неразрѣшимой, вслѣдствіе чего, вмѣсто того, чтобы ставить одинъ рядъ явленій въ причинное отношеніе къ другому, слѣдуетъ остановиться на точкѣ зрѣнія параллелизма. Вмѣсто того, чтобы отрицать душевную жизнь, не естественнѣе ли, наоборотъ, предположить ее даже въ растеніи, даже въ цвѣткѣ,

который мы втыкаемъ въ петлицу, испытывая при этомъ нѣкоторое угрызеніе совѣсти?

Г. *Лютославскій* упрекнулъ естествоиспытателей въ логической ошибкѣ, заключающейся въ томъ, что они, на основаніи частныхъ посылокъ, почерпнутыхъ изъ опыта, высказываютъ, въ видѣ заключенія, общія отрицательныя сужденія: изъ того, что въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ наблюдаются тропизмы, вовсе не слѣдуетъ, что не можетъ быть никакой другой причинности въ дѣйствіяхъ животнаго или человѣка, кромѣ тропизмовъ, и утвержденіе, что человѣкъ поступаетъ только детерминистически, есть уже метафизика.

Въ итогѣ отмѣчено большое *методологическое* значеніе проф. *Loeb'a*, но вмѣстѣ съ тѣмъ указано, что нѣкоторые факты изъ жизни животныхъ могутъ быть истолкованы и въ пользу, и противъ тропизмовъ (*Pictet—Женева*); что, на ряду съ подчиненіемъ тропизму, животное можетъ проявлять и борьбу за существованіе, такъ, напр., букашка ползетъ въ тѣнь, если свѣтъ ей вреденъ (*Claparède—Женева*).

Проф. *Loeb* отвѣтилъ на послѣднее возраженіе, что могутъ быть разные тропизмы, одинъ сильнѣе другого, но къ нимъ совершенно не приложимо понятіе пользы и вреда. Если и кажется, что дѣйствіе животнаго можетъ быть объяснено безъ помощи тропизма, то это только иллюзія: высшія животныя, и человѣкъ всегда поступаютъ детерминистически, хотя и кажется, что они свободны.

V.

Особое мѣсто въ работахъ конгресса было отведено экспериментальной психологіи, какъ одному изъ *методовъ* изслѣдованія душевныхъ явленій. Работы въ этой области могутъ быть подраздѣлены на двѣ категоріи: 1) доклады о результатахъ изслѣдованія душевныхъ явленій, добытыхъ экспериментальнымъ путемъ; 2) наглядное ознакомленіе съ экспериментальными приборами.

На основаніи экспериментальныхъ данныхъ, а именно—многочисленныхъ опытовъ психо-физиологическаго характера, частью опровергающихъ, частью ограничивающихъ роль трехъ полу-кругныхъ каналовъ лабиринта въ воспріятіяхъ положенія на-

шего тѣла по сравненію съ вертикальной линіей, — докладчикъ проф. *Bourdon* (Rennes), изложилъ новую теорію, согласно съ которой въ составъ данныхъ воспріятій входятъ, главнымъ образомъ, мускульныя ощущенія давленія и усилія, а также ощущенія суставныя и кожныя.

Что же касается лабиринта, онъ можетъ имѣть значеніе, по мнѣнію докладчика, лишь для опредѣленія положенія головы, а не всего тѣла, и если укрѣпить неподвижно голову такъ, чтобы статическое чувство совершенно бездѣйствовало, наклонъ тѣла тѣмъ не менѣе будетъ ощущаться благодаря наличности другихъ перечисленныхъ выше ощущеній. Некоординированность же движеній, на которую ссылаются, какъ на доказательство роли лабиринта, прекрасно объясняется нѣкоторымъ разстройствомъ въ мускульныхъ ощущеніяхъ.

Кромѣ воспріятій положенія нашего тѣла въ пространствѣ рассматривались и другіе виды воспріятій: такъ, на примѣръ, предложена теорія для объясненія ощущенія влажности проф. *Yung* и *Alurtz*.

Докладчикъ г. *Балмалонъ* (Москва) познакомилъ съ результатами эксперимента, произведеннаго надъ тремястами лицъ для опредѣленія сущности эстетическаго чувства. Въ итогѣ разнообразныхъ опытовъ съ различными комбинаціями красокъ и звуковъ получается выводъ, что въ основѣ эстетическаго чувства лежитъ принципъ сходства.

Другой экспериментаторъ д-ръ *Wesely* (Будапешть) представилъ сообщеніе объ анкетѣ по методу Бинэ, доставившей нѣкоторые матеріалы для индивидуальной психологіи. Согласно сообщенію, смотря по описаніямъ видѣнной картины и показаннаго предмета, всѣ экспериментируемыя лица могли быть отнесены къ двумъ группамъ, изъ которыхъ одна отличалась болѣе сильнымъ развитіемъ *воображенія*, другая—*мышленія*, при чемъ обнаружилось превосходство послѣдней группы въ численномъ отношеніи, изъ чего можно заключить, что наша школа больше развиваетъ умъ, чѣмъ прочія свойства. Группа лицъ съ преобладаніемъ мышленія, въ свою очередь, насчитывала нѣсколько подраздѣленій; типы, придерживающіеся точнаго описанія видѣннаго; типы, больше размышляющіе по поводу воспріятого, чѣмъ описывающіе видѣнное; эрудиты, пользующіеся предлогомъ, чтобы выложить собственныя знанія и т. п.

Нѣсколько докладовъ было посвящено ознакомленію съ экспериментальными приборами. Такъ, напримѣръ, проф. *Michotte* (Бельгія) демонстрировалъ усовершенствованный имъ тахистоскопъ; проф. *Leuba* познакомилъ съ приборомъ для измѣренія длительности движеній; проф. *Duceschi* (Аргентина) представилъ сообщеніе о своемъ аппаратѣ, графически регистрирующемъ умственные процессы; проф. психол. *Alrutx* (Швеція) подробно описалъ приборъ, предназначенный для экспериментальнаго изученія медиумическихъ явленій и сообщилъ о произведенныхъ опытахъ, заставляющихъ предположить, что нѣкоторые лица надѣлены интенсивной нервной энергіей, оказывающей свое воздѣйствіе даже на неодушевленные тѣла, чѣмъ и объясняются такъ называемыя спиритическія или медиумическія явленія, и т. д.

Помимо докладовъ, съ усовершенствованными экспериментальными приборами можно было ознакомиться на выставкѣ при конгрессѣ, экспонентами которой явились выдающіеся механики Германіи, Франціи и Швейцаріи—специалисты по изготовленію приборовъ по экспериментальной психологіи: *Zimmermann* (Лейпцигъ), *Joos* (Франкфуртъ), *Spindler und Hoyer* (Геттингенъ), *Tainturier* (Парижъ), *Verdin* (Парижъ), *Schaerer* (Бернъ), *Peuer, Favarger* (Невшатель).

Д-ръ филос. *Peters* (Франкфуртъ) демонстрировалъ здѣсь приборъ, построенный по методу *Marbe* (*Marbe'sche Russmethode*), дающій возможность графически изобразить человѣческую разговорную рѣчь въ видѣ закопченныхъ зигзаговъ отъ подвижного пламени на бумажной лентѣ, примѣнимый также и къ другимъ опытамъ.

Выставлено множество различныхъ хронографовъ и хроноскоповъ, аппаратовъ для изслѣдованія памяти, приборовъ для графическаго изображенія пульсаціи крови, усовершенствованныхъ регистраторовъ и т. п. экспериментальныхъ приборовъ¹⁾.

Помимо экспериментированія, докладчиками конгресса не забыты и нѣкоторые другіе методы. Такъ, проф. полит. эк. *Pareto* (Лозанна) и пр. психол. *Brown* (Лондонъ) сообщили о примѣненіи математическаго метода къ опытному изслѣдованію душевныхъ явленій. Д-ръ филос. г-жа *Hoesch-Ernst* (Мюнхенъ) и

¹⁾ Кромѣ экспериментальныхъ приборовъ выставка заключала въ себѣ литературный отдѣлъ съ новѣйшими сочиненіями по психологіи и отдѣлъ прикладнаго характера по психологіи ребенка.

г-жа *Полозова* (Россія) прибѣгли къ біографическому методу: первая, съ цѣлью выясненія психологіи геніальности, познакомила съ итогомъ своихъ долготѣльныхъ наблюденій, объектомъ которыхъ служили въ высшей степени музыкально одаренный мальчикъ; вторая, говоря о чудесахъ, о силѣ вліянія Іоанна Кронштадскаго, сообщила о немъ біографическія свѣдѣнія и дала характеристику его личности.

VI.

Остается сказать о постановкѣ и разработкѣ конгрессомъ вопросовъ практическаго приложенія психологіи. Вопросы эти слѣдующіе: 1) методы педагогической психологіи, 2) психологическая подготовка педагоговъ, 3) примѣненіе психологическихъ познаній къ воспитанію и обученію нормальныхъ и аномальныхъ дѣтей.

Фундаментальнымъ докладомъ по первымъ двумъ вопросамъ явился докладъ извѣстной своими работами въ области психофизиологіи, а въ послѣднее время и педологіи д-ра мед. г-жи *Лотейко* (Варшава-Брюссель).

Исходя изъ положенія, что ребенокъ есть сложное синтетическое цѣлое, докладчица указала на необходимость анализа этого цѣлаго и изслѣдованія его элементовъ, въ отдѣльности взятыхъ, въ ихъ ростѣ и развитіи. По ея мнѣнію, большую услугу въ подобномъ изученіи природы ребенка можетъ оказать *математическій* методъ, а именно изображеніе результатовъ изслѣдованія съ помощью кривыхъ (кривыя роста, вѣса, объема черепа и пр.; кривыя мускульной силы, чувствительности къ осязанію, близорукости, памяти, вниманія и т. п.) Каждая кривая должна разсматриваться какъ результатъ взаимодѣйствія многочисленныхъ факторовъ, изъ которыхъ одни стремятся повысить, другіе понизить кривую. Математическое разложеніе и вычисленіе такой кривой можетъ помочь при психологическомъ изслѣдованіи полученныхъ результатовъ, такъ какъ математическіе факторы (параметры), полученные вслѣдствіе разложенія кривой, суть не что иное, какъ выраженіе психо-физиологическихъ факторовъ, и количественное взаимоотношеніе послѣднихъ должно равняться отношенію математическихъ факторовъ другъ къ другу. Такимъ образомъ, желательна совмѣстная работа математиковъ и психологовъ.

Этого мало. Въ основу своего доклада г-жа *Ютейко* положила совершенно правильную мысль, что педологія или изученіе ребенка, необходимое въ цѣляхъ наиболѣе успѣшнаго развитія педагогики и общей психологіи, не можетъ разрабатываться безъ участія педагоговъ, но, конечно, имъ должна быть дана соотвѣтствующая подготовка.

Въ горячихъ преніяхъ, послѣдовавшихъ за докладомъ, очень ясно выразился взглядъ участниковъ конгресса на экспериментированіе, какъ общій психологическій методъ и, въ частности, на примѣненіе его, съ приложеніемъ математическихъ вычисленій, къ изученію природы ребенка. Оппонентамъ показалось, будто докладчица пропагандируетъ только свой методъ, пренебрегая остальными (чего на самомъ дѣлѣ не было). Поэтому, не только были перечислены другіе возможные способы изученія ребенка, какъ-то *тесты*, на подобіе составленныхъ *Binet et Simon* (д-ръ *Decroly*—Брюссель), наблюденіе ребенка съ колыбели (г-жа *Szyz*—Варшава) и пр., но особенно было подчеркнуто, что въ педологіи на ряду съ экспериментированіемъ громадную роль играютъ обще-психологическія познанія или такъ называемая чистая, теоретическая психологія (свящ. *Jeanjean*,—Бельгія), и что *качественное* проникновеніе въ самыя явленія важнѣе количественнаго ихъ измѣренія (проф. психол. *Ratini*—Неаполь), при чемъ проф. *Ratini* отмѣтилъ, что экспериментаторы еще не вступили въ фазу настоящей педагогической психологіи и всѣ ихъ работы слѣдуетъ отнести не къ экспериментальной психологіи, а къ экспериментальной методологіи.

Такимъ образомъ, удѣливъ, какъ выше было сказано, особое вниманіе экспериментальной психологіи, конгрессъ, тѣмъ не менѣе, призналъ, что этимъ способомъ изслѣдованія далеко не исчерпываются всѣ психологическіе методы; болѣе того, настойчивые голоса утверждали, что экспериментированіе, при всемъ его *громадномъ неотъемлемомъ* значеніи, не можетъ и не должно стоять на первомъ планѣ, вытѣсняя собой простое наблюденіе.

Что касается второго затронутаго докладомъ г-жи *Ютейко* вопроса о необходимости психологической подготовки педагоговъ, онъ вызвалъ особенно горячо высказанныя замѣчанія, что объясняется наличностью среди членовъ конгресса довольно значительнаго числа педагоговъ средней школы, а кромѣ того, злободневностью, такъ сказать, самаго вопроса. Дѣйствительно, боль-

шинство педагоговъ прекрасно понимаетъ потребность времени и жаждетъ приложить свои силы къ разработкѣ педологіи вмѣстѣ съ психологами, но часто не умѣетъ взяться за дѣло, а отсутствіе общенія и рознь между двумя корпораціями мѣшаетъ, какъ отмѣтила и докладчица, успѣху совмѣстной работы.

Г-жа *Szucs* указала въ своей рѣчи, какъ важно поднять уровень педагоговъ во всѣхъ странахъ и какое большое значеніе это явленіе имѣло бы и для развитія педологіи.

Преп. псих. *Jonckheere* (Брюссель) сообщилъ, что въ Бельгіи принимаются мѣры для ознакомленія будущихъ педагоговъ съ педологіей и что курсъ педологіи съ 1905 года введенъ въ программу *Ecole normale*.

Св. *Jeanjean* подчеркнул настоятельную необходимость общей коллективной работы въ виду сложности педологической проблемы, но вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ, что всякая поспѣшность можетъ повредить дѣлу, подорвать значеніе педологическихъ выводовъ, вслѣдствіе чего требуется большое терпѣніе и осторожность со стороны изслѣдователей.

Главнымъ выразителемъ стремленій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опасеній педагоговъ за свое неумѣніе явился преп. *Jules Dubois* (Женева), въ заключеніе своей рѣчи предложившій избрать международную комиссію, которая бы начертала планъ для совмѣстной работы педагоговъ и психологовъ.

Комиссія, по его мнѣнію, должна: 1) намѣтить вопросы, подлежащіе разработкѣ; 2) изыскать средства для психологической подготовки педагоговъ; 3) согласовать дѣятельность психологовъ, педагоговъ и врачей на поприщѣ педологіи.

Конгрессъ весьма сочувственно встрѣтилъ сдѣланное предложеніе, но не могъ его осуществить за недостаткомъ времени, и выразилъ пожеланіе, чтобы комитетъ по устройству будущаго международного психологическаго конгресса позаботился о назначеніи подобной комиссіи.

Третій вопросъ практическаго приложенія психологіи—примѣненіе психологическихъ познаній къ воспитанію и обученію нормальныхъ и аномальныхъ дѣтей, заинтересовалъ, не менѣе первыхъ двухъ, собравшуюся многочисленную аудиторію.

Къ обсужденію были намѣчены различные проекты классификаціи, по преимуществу аномальныхъ дѣтей, произведенной въ педагогическихъ цѣляхъ. Но проф. *Schuyten* (Брюссель), извѣст-

ный своими работами по школьной психологіи, сообщилъ объ опытахъ классификаціи *нормальныхъ* учениковъ: онъ раздѣлилъ учащихся на три группы и занялся только тѣми двумя группами, ученики которыхъ были ниже и выше средняго уровня, подвергнувъ ихъ подробному, точному изслѣдованію, главнымъ образомъ со стороны физическаго развитія и памяти; въ основу построенной имъ вслѣдъ за изученіемъ классификаціи положено различіе въ обращеніи съ дѣтьми (болѣе или менѣе строгомъ или мягкомъ).

Говоря объ аномальныхъ дѣтяхъ, докладчики подчеркивали, что дѣленіе на аномальныхъ и нормальныхъ имѣетъ лишь практическое значеніе, такъ какъ понятіе нормальности есть понятіе идеальное, только критерій для сравненія, и если трудно иногда установить степень аномальности, то еще болѣе трудно опредѣлить ея причину, почему педагогъ, имѣющій дѣло съ аномальными дѣтьми, долженъ обладать прекрасной психологической подготовкой и въ классификаціи долженъ видѣть лишь вспомогательное средство, придавая ей чисто служебное значеніе.

Д-ръ *Decroly* (Брюссель), настаивая въ своемъ докладѣ на исключительно практическомъ значеніи и поэтому подвижномъ характерѣ классификаціи, отъ школьнаго врача и педагога требуетъ *основательнаго* знанія причинъ подмѣченной аномаліи, затрудняющей успѣхи ребенка; слишкомъ поспѣшное, поверхностное наблюденіе заставляетъ принять за причину и выдвинуть на первый планъ показатель вторичнаго порядка лишь потому, что онъ болѣе бросается въ глаза, и ребенка совершенно неправильно относятъ въ этомъ случаѣ къ разряду *лѣнивыхъ, невнимательныхъ, лживыхъ* и т. п.

Каждый случай аномаліи требуетъ самаго внимательнаго изслѣдованія причинъ, что высказалъ и другой докладчикъ, преп. *Persigout* (Франція), отмѣтившій въ своемъ сообщеніи явленіе множественности причинъ, благодаря которой тождественные случаи часто объясняются совершенно различными явленіями. Предложенная имъ классификація заключаетъ въ себѣ три большихъ группы (аномаліи органическія, умственныя и педагогическія) и массу подраздѣленій.

По мнѣнію д-ра *Heller'a* (Вѣна) наилучшимъ средствомъ для опредѣленія степени аномальности является изслѣдованіе активнаго вниманія.

Что касается изслѣдованія памяти, одни, подобно проф. *Schuyten* придавали ему первенствующее значеніе (д-ръ *Lipmann*—Берлинъ), другіе выразили по этому поводу сомнѣніе (г-жа *Szyc*).

Проекты классификаціи также подверглись критикѣ (проф. *de Sanctis*—Римъ, д-ръ *Ley*—Бельгія, проф. *Nayras*—Лионъ и др.), но общая польза классификаціи, какъ хорошаго вспомогательнаго педагогическаго средства, была признана всѣми, при чемъ подчеркивалось, что классификація, производимая въ педагогическихъ цѣляхъ, какъ имѣющая чисто практическое значеніе, можетъ не имѣть ничего общаго съ медицинской точкой зрѣнія, и проф. *Schuyten* предложилъ дѣлить всѣхъ аномальныхъ дѣтей на двѣ большія группы: способныхъ и неспособныхъ къ школьному обученію, а проф. *Couwelaert* (Фрейбургъ) указалъ на желательность возможно большей индивидуализаціи въ обученіи при минимальной обще-обязательной программѣ.

Интересныя данныя по педологіи, въ дополненіе къ теоретической разработкѣ психо-педагогической проблемы, дала выставка или вѣрнѣе ея крошечный психо-педагогическій отдѣлъ съ качественно цѣннымъ, но количественно очень незначительнымъ матеріаломъ. Центральное мѣсто въ этомъ отдѣлѣ занимала демонстрація способовъ обученія и пособій, употребляемыхъ для занятій съ отсталыми дѣтьми; кромѣ того выставлены ихъ работы.

Выставлено кое-что изъ педагогической литературы (въ томъ числѣ и русской) и собраны нѣкоторыя данныя по психологіи ребенка: таблицы съ кривыми (*Нечаевъ*—Петербургъ); анкета по рисованію (*Claparède*—Женева), дающая возможность судить о памяти, воображеніи, наблюдательности рисовальщиковъ; анкета по дѣтскому чтенію (*Балталонъ*—Москва) и пр.

Кромѣ выставки, дополненіемъ къ психо-педагогическому отдѣлу конгресса послужили предложенныя конгрессистамъ демонстраціи: 1) *ритмической гимнастики* (проф. *Jacques-Dalcroze*—Женев. консерв.), приучающей поступившихъ въ консерваторію дѣтей къ ритму въ музыкѣ путемъ производства ими подъ музыку машинальныхъ ритмованныхъ движеній и вырабатывающей замѣчательную точность движеній, на ряду съ самообладаніемъ; 2) новой школы (дир. *Schwarz-Buys*, Соррет, ок. Женева, основанной по образцу нѣмецкихъ школъ д-ра *Lietz* въ прекрасной сельской обстановкѣ и вырабатывающей изъ своихъ учениковъ

и ученицъ здоровыхъ духомъ и тѣломъ, самостоятельныхъ гражданъ.

Въ общемъ итогѣ конгрессъ 1909 года охватилъ своими работами довольно обширную область малосознательныхъ и малоизученныхъ душевныхъ явленій, разбираясь въ психологическихъ свойствахъ малолѣтняго, подмѣчая аналогичныя себѣ черты въ животномъ мірѣ и погружаясь въ бездонныя мистическія пучины религіозности и безсознательнаго. Область продуманной мысли, яснаго мышленія, сознанія *par excellence* оставлена имъ въ сторонѣ и надо полагать, что будущій международный конгрессъ по психологіи, назначенный на 1913 годъ въ Америкѣ подъ предсѣдательствомъ *Бальвина* (при почетномъ предсѣдателѣ *Джемсѣ*), не оставитъ безъ вниманія этой ожидающей своего разрѣшенія проблемы, и комитетъ предстоящаго конгресса (*Baldwin, Titchener, Cattell, Sanford*)¹⁾ включить ее въ программу.

В. Волковичъ и З. Столица.

¹⁾ Въ международный комитетъ пропаганды избраны отъ Россіи проф. Г. И. Челпановъ и д-ръ І. Ютейко.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи.

Альвердянцъ, М. Я. Пребываніе императора Николая въ Эчмиадзинѣ и въ Тифлисѣ, по даннымъ армянскаго археолога. Спб. 1909. Ст. 20.

Апостоловъ, Л. Я. Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ, великій философъ земли русской. Тифлисъ. 1909. Ст. 53.

Бехтеревъ, В. Задачи и методъ объективной психологіи. Спб. 1909. Ст. 12.

Boistel, M. A. Conception des personnes morales. Genève. 1904.

Vilfredo Pareto, M. L'individuel et le social. Genève. 1904.

Виндельбандъ, В. Философія въ нѣмецкой духовной жизни XIX столѣтія. Пер. М. Рубинштейна. Москва. 1910. Ст. 150. Ц. 80 к.

Gaupp, R. Психологія ребенка. Спб. 1910. Ст. 136. Ц. 75 к.

Голинская, Софія. Товарищество для улучшенія сельскаго хозяйства въ разныхъ земляхъ. Москва. 1909. Ст. 58.

David, I.-E. Observations de psychologie canine. Genève. 1903.

James William. Précis de Psychologie. Trad. par. E. Bouclin и G. Bertier. Paris. 1909. Ст. XXXVI + 623. Ц. 10 fr.

Demoor, Jean. Ненормальныя дѣти и воспитаніе ихъ дома и въ школѣ. Москва. 1909 Ц. 1 р. Ст. XIX—364.

Demolius, Ed. Classification sociale. 1904.

Зайцевъ, Л. М. Отвѣтственность при массовыхъ преступленіяхъ. Кіевъ. 1909. Ст. VIII + 52. Ц. 50 к.

Zbinden, H. Influence de la vie psychique sur la santé. Genève. 1903.

Seligmann, R. Kausalität. Berlin. 1909. Ст. 12.

Его же. Zur Philosophie der Individualität. Berlin. 1909. Ст. 5.

Его же. Synthese der Empfindungen. Leipzig. 1909. Ст. 13.

Claparède, Ed. Quelques mots sur la définition de l'hystérie. Genève. 1907. Ст. 22.

Его-же. Rapport sur le laboratoire de psychologie. Genève. 1907. Ст. 36.

Колоцца, Д. А. Дѣтскія игры, ихъ психологическое и педагогическое значеніе. Пер. съ итальянскаго подъ ред. Н. Д. Виноградова и А. А. Громбаха. Москва. 1909. Ст. XVIII + 264. Ц. 1 р. 50 к.

Кондорсе, М. Прогрессъ челоѣческаго разума. Перев. І. А. Шапиро, подъ ред. В. Н. Сперанскаго съ вступ. очерк. проф. М. М. Ковалевскаго. Спб. 1909. Ст. XV + 251. Ц. 1 р. 50 к.

Лай, В. А. Экспериментальная педагогика. Москва. 1909. Ст. XII + 211. Ц. 65 к.

Левитовъ, Павелъ. На современныя темы. Екатеринославъ. 1909. Ст. 104. Ц. 50 к.

Лзанъ, Н. А. Новые пути ознакомленія дѣтей съ математикой. Ст. 131. Ц. 55 к.

Maeder, Alphonse. Contributions à la psychopatologie de la vie quotidienne. 1906 г. Genève.

Markowa, Klawdia. Contribution à l'étude de la perception stéréognostique. Genève. 1909. Ст. 82.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Императорскаго С.-Петербургскаго университета за 1908 годъ. Спб. 1909. Ст. 277 + 82 + 49.

Penel, R. Science et atheisme. 1907. Genève.

Постановленія перваго всероссійскаго съѣзда учителей городскихъ училищъ по положенію 1872 г. Спб. 1909. Ст. 20.

Reinke, Johannes. Néovitalisme et rôle de la finalité en biologie. Genève. 1904.

Синорскій, И. А. Начатки психологіи. Кіевъ. 1909. Ст. VI + 138. Ц. 1 р. 35 к.

Списокъ главнѣйшихъ періодическихъ изданій, имѣющихся въ библиотекѣ Спб. университета. Спб. 1909. Ст. 100.

Stein, Ludwig. Was heisst philosophie? Genève. 1904.

Струве, Алексѣй. Надъ моремъ. Драма. Москва. 1909. Ст. 58.

Судницынъ, Д. Краткій историческій обзоръ главнѣйшихъ философскихъ ученій. Владиміръ. 1909. Ст. XII + 93. Ц. 60 к.

Фишеръ, Куно. Исторія новой философіи. Т. VI Фихте, его жизнь, сочиненія и ученіе. Спб. 1909. Изд. Д. Е. Жуковскаго. Ст. 733. Ц. 4 р. 50 к.

Flournoy, Th. Automatismes téléologiques antisuicide. 1907 г. Genève.

Вопросы философіи, кн. 99.

Volkmanн, Paul. Naturwissenschaften und Monismus. Leipzig. 1909. Ст. 38. Ц. 1 М.

Шульцъ, Іоганнъ. Разъясняющее изложеніе «Критики чистаго разума». Пер. подъ ред. Б. А. Фохта. Москва. 1910. Ст. II. +145. Ц. 1 р. 10 к.

Эйкенъ Р. Основные проблемы современной философіи религии. С. И. Поварнина. Спб. 1909. Ст. Ц. 75 к.

Jung, C.-G. Associations d'idées familiales. 1907 Genève.

Изданія «Посредника»:

В. Савихинъ. Кривая доля. Ц. 1¹/₂ к.

О. Шмидтъ. Галя. Ц. 1¹/₂ к.

А. Юшно. Божья земля. Ц. 3/4 к.

И. Горбуновъ-Посадовъ. Красная дѣвица. Ц. 1 к.

Его же. Золотое колечко. Ц. 1 к.

С. Голинская. Товарищества для улучшенія сельскаго хозяйства въ разныхъ земляхъ. Ц. 12 к.

И. Горбуновъ-Посадовъ и С. Дурылинъ. Памяти Н. В. Гоголя. Ц. 25 к.

И. Горбуновъ-Посадовъ. Свободное воспитаніе № 8. Ц. 25 к.

А. Юшно. Божья земля, лучш. изд. Ц. 2 к.

Кэтъ Дугласъ - Виггинъ. Счастье бѣднаго малыша. Въ облож. Ц. 20 к.

Л. Н. Толстой. Ассирійскій царь Ассархадонъ. Ц. 1 к.

Его же. Богу или мамонъ? Ц. 1 к.

А. Аполловъ. Борьба свѣта съ тьмою. Ц. 1 к.

В. Гюго. Бѣдные люди. Ц. 1 к.

Ю. Безродная. Великодушный Голиафъ. Ц. 1 к.

Л. Н. Толстой. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Ц. 1 к.

Н. Телешовъ. Домой. Ц. 1 к.

Е. Некрасова. Іоаннъ воинъ. Ц. 1 к.

Л. Н. Толстой. Любовь. Ц. 1 к.

Его же. Много ли человѣку земли нужно? Ц. 1 к.

А. Аполловъ. Необыкновенный случай. Ц. 1 к.

Д. Никольскій. О табакѣ и вредѣ его куренія. Ц. 1 к.

В. Короленко. Пріемышъ. Ц. 1 к.

В. Гаршинъ. Сигналъ. Ц. 1 к.

И. Горбуновъ-Посадовъ. Христіаночка. Ц. 1 к.

К. Лезанъ. Свободное обученіе математикѣ. Ц. 1 к.

Извѣстія и замѣтки.

Анкета по вопросу о постановкѣ преподаванія психологіи въ мужской гимназіи.

Московское Психологическое Общество поставило цѣлью ознакомиться съ результатами четырехлѣтняго *опыта* въ преподаваніи психологіи въ средней школѣ. Оно желаетъ получить обоснованный отвѣтъ на вопросъ, *въ какой мѣрѣ введеніе психологіи въ кругъ предметовъ гимназическаго преподаванія оказалось целесообразнымъ, и какія желательны измѣненія или реформа въ постановкѣ преподаванія этого предмета.* Для этой цѣли оно рѣшило обратиться къ преподавателямъ психологіи съ просьбой отвѣтить на вопросы, которые содержатся въ прилагаемомъ при этомъ вопросникѣ.

Отвѣты желательны по возможности подробные, но Общество можетъ довольствоваться и краткими отвѣтами.

Общество желаетъ ознакомиться со взглядами преподавателей, основанными на *опытѣ* преподаванія, а не теоретическихъ соображеніяхъ. Желательно, чтобы тѣ или другія сужденія, оцѣнки и т. п. сопровождались указаніемъ на какіе-либо примѣры, случаи и т. п., вообще подтверждались какими-нибудь фактическими доказательствами. Но Общество можетъ довольствоваться и просто сужденіями по тому или другому вопросу.

Желательно получить отвѣты на всѣ поставленные вопросы, но если кто-либо изъ преподавателей дастъ опредѣленные отвѣты только на нѣкоторые изъ вопросовъ, то Общество будетъ довольствоваться и этимъ.

Отвѣты могутъ быть присылаемы съ подписью или анонимно. Предпочтительнѣе съ подписью, чтобы въ случаѣ сомнѣнія можно было обратиться за личнымъ разъясненіемъ.

Если авторъ желаетъ, чтобы его имя отнюдь не опубликовывалось, то объ этомъ просятъ заявить. Во всякомъ случаѣ, если отвѣты даже будутъ присланы съ подписью, то Общество гарантируетъ полную анонимность.

Въ виду особенной важности разрѣшенія поставленной задачи Психологическое Общество надѣется, что всѣ преподаватели психологіи отнесутся сочувственно къ его предложенію и пришлютъ отвѣты на поставленные вопросы.

Предсѣдатель Психологическаго Общества *Л. М. Лопатинъ*.

Товарищъ Предсѣдателя *Г. И. Челпановъ*.

Отвѣтъ просятъ прислать по возможности скорѣе и не позже 1-го декабря по адресу: Москва, редакція журнала «Вопросы Философіи и Психологіи», Чернышевскій пер., д. № 9.

1) Въ какой мѣрѣ психологія, какъ учебный предметъ, оказалась доступной пониманію учащихся. Каковъ приблизительный процентъ совсѣмъ не усваивающихъ психологію. Въ какой части психологія оказывается наименѣе доступной. Если предметъ оказывается совсѣмъ недоступнымъ, то какова, по вашему мнѣнію, причина этого, напр., недостаточное развитіе учащихся, недостатокъ времени или вообще какая-нибудь другая причина.

2) Привнесъ ли этотъ предметъ что-либо новое въ учебной жизни, или онъ остается совершенно незамѣтнымъ. Вызываетъ ли онъ интересъ. Способствуетъ ли умственному развитію учащихся. Если да, то въ чемъ это выражается. Можно ли что-нибудь сказать о благотѣльномъ воздѣйствіи этого предмета на учащихся. Способствуетъ ли болѣе сознательному отношенію при изученіи другихъ предметовъ, напр.: литературы, физики, исторіи и проч. Каковъ отзывъ объ этомъ другихъ преподавателей.

3) Не вызываетъ ли этотъ предметъ желанія дальнѣйшаго изученія при помощи чтенія. Какія книги или статьи читаютъ учащіеся и въ какой мѣрѣ ихъ усваиваютъ. Не ведутся ли какія-нибудь внѣклассныя практическія занятія, въ чемъ они состоятъ и каковы результаты. Не пишутъ ли они сами сочиненій, не составляютъ ли конспектовъ. Нельзя ли получить тѣ или другіе для ознакомленія. (По использованіи они будутъ возвращены.)

4) Не наблюдали ли вы случаевъ, когда учащіеся благодаря изученію этого предмета въ гимназіи возымѣли желаніе впоследствии отдаться спеціально изученію этого предмета.

5) Считаете ли вы въ конечномъ счетѣ этотъ предметъ желательнымъ въ средней школѣ или думаете, что онъ былъ бы болѣе умѣстенъ въ университетѣ. Каково отношеніе преподавателей другихъ предметовъ къ психологіи.

6) Каково отношеніе учащихся къ этому предмету. Считаютъ для себя обременительнымъ. Не выдѣляютъ ничѣмъ отъ другихъ предметовъ. Придаютъ особенную важность этому предмету.

7) Не желательно ли сокращеніе или увеличеніе программы. Какіе именно вопросы желательно прибавить или какіе вопросы желательно исключить изъ программы. Какіе вопросы по преимуществу интересуютъ учащихся. На какихъ вопросахъ вы сами останавливаетесь наиболѣе. Какое приблизительно количество уроковъ приходится въ теченіе учебнаго года на преподаваніе психологіи.

8) Не излагаете ли вы вопросовъ, выходящихъ за предѣлы программы, напр., подробно разсматриваете вопросы объ эстетическомъ чувствѣ, моральномъ чувствѣ и т. п. Каковы ваши наблюденія относительно ознакомленія учащихся съ подобными вопросами.

9) Не пользовались ли вы при преподаваніи психологіи приборами для психологическихъ экспериментовъ. Есть ли у васъ приборы и какіе именно. Какіе именно вы производили эксперименты. Находились ли эксперименты въ связи съ курсомъ, или демонстрированіе носило случайный характеръ. Производили ли вы эксперименты только въ классѣ или вели практическія занятія и внѣ класса. Каково ваше мнѣніе относительно результатовъ преподаванія экспериментальной психологіи.

10) Обнаруживается ли у учащихся какой-либо интересъ къ вопросамъ философскимъ, съ которыми приходится сталкиваться при преподаваніи психологіи. Напр., вопросы объ отношеніи души и тѣла, о свободѣ воли и т. п. Не считаете ли вы желательнымъ расширить преподаваніе философской пропедевтики путемъ «введенія философіи».

11) Не желательны ли вообще какія-либо реформы въ постановкѣ преподаванія психологіи. Въ какомъ отношеніи психологія должна стоять къ логикѣ. Не желательно ли преподаваніе психологіи предварять преподаваніемъ логики. Какія вообще существуютъ препятствія для правильной постановки преподаванія психологіи.

12) Не можете ли вы отъ себя сообщить какія-нибудь свѣдѣнія относительно положенія психологіи въ средней школѣ, независимо отъ тѣхъ вопросовъ, которые предложены въ данномъ вопросникѣ.

Полемика.

Что такое объективная психологія.

На страницахъ «Вопросовъ философіи и психологіи» нѣсколько времени тому назадъ ¹⁾ появилась статья г. Щербины подъ заглавіемъ «Возможна-ли психологія безъ самонаблюденія». Изъ этой статьи можно убѣдиться, что, хотя она и испещрена подлинными выдержками изъ различныхъ мѣстъ одной моей работы, относящейся къ объективной психологіи ²⁾, тѣмъ не менѣе она вовсе не даетъ представленія ни о задачахъ, ни о методѣ объективной психологіи.

Въ этомъ, конечно, я нисколько не виню автора статьи; его задача и не состояла въ томъ, чтобы познакомить читателя съ основой того ученія, которое я называю объективной психологіей; напротивъ того, его задача была исключительно полемическаго характера; это-то обстоятельство и останавливало меня до сихъ поръ отъ того, чтобы войти въ объясненія по этому поводу съ авторомъ вышеуказанной статьи,—тѣмъ болѣе, что послѣдній уже въ первыхъ же строкахъ своего труда даетъ совершенно неправильное освѣщеніе предмета, заявляя, что моя работа объ «Объективной психологіи» будто бы даетъ «ясное представленіе о взглядахъ на сущность психологіи, господствующихъ среди лицъ, специально занятыхъ изученіемъ отправленій чело-вѣческаго тѣла».

Врядъ ли нужно говорить здѣсь, что ни о какомъ господствѣ взглядовъ въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи, особенно

¹⁾ „Вопросы философіи и психологіи“. Ноябрь 1908 г.

²⁾ В. Бехтеревъ. „Обоснованіе объективной психологіи“. „Вѣстникъ Психологіи“. Г. IV, вып. I и III—1907 г. „Объективная Психологія“, вып. I—1907 г.

если принять во внимание, что самое учение, именуемое мною «объективной психологией», возникло лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

При томъ, если подъ лицами, специально занятыми изученіемъ отправленій человѣческаго тѣла, авторъ понимаетъ врачей, то онъ допускаетъ при этомъ сугубую погрѣшность, полагая безъ достаточныхъ основаній, что именно среди врачей господствуютъ взгляды объективной психологіи. Врядъ ли нужно приводить здѣсь имена врачей-психологовъ съ чисто субъективнымъ направленіемъ. Они должны быть извѣстны лицамъ, занимающимся психологіей. Въ частности, по отношенію къ себѣ лично замѣчу, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, что, выдвигая объективную психологію, какъ особую научную дисциплину, я вовсе не исключаю тѣмъ самымъ субъективной психологіи, которой были посвящены еще недавно нѣкоторыя изъ моихъ изслѣдованій. Въ доказательство укажу на работу «О личномъ и общемъ сознаніи», помѣщенную нѣсколько времени назадъ въ томъ же «Вѣстникѣ Психологіи» (1904 г.) и на опубликованную мною ранѣе работу «О локализациі сознательной дѣятельности»¹⁾ и еще ранѣе на мою же работу «Границы сознанія»²⁾.

Что касается моихъ взглядовъ на вопросъ объ отношеніи объективной психологіи къ субъективной, то я говорю объ этомъ вполне опредѣленно въ своей амстердамской рѣчи, посвященной объективному изслѣдованію нервно-психической дѣятельности³⁾. Эту рѣчь я заключаю между прочимъ слѣдующими словами:

«Само собой разумѣется, что выступленіе объективной психологіи на арену научнаго развитія *ни въ чемъ не можетъ ограничивать вполне законнаго развитія субъективной психологіи*, которая, вооружившись экспериментальнымъ методомъ изслѣдованія, сдѣлала за послѣднее время замѣчательные успѣхи, но всегда и вездѣ должно имѣть въ виду строгое разграниченіе одной на-

¹⁾ Рѣчь, сказанная на Пироговскомъ съѣздѣ въ г. Кіевѣ. Отд. изд. Спб., 1906.

²⁾ Рѣчь, сказанная на годичномъ актѣ Казан. Университета 1896 г. и отд. изд. Казань, 1896.

³⁾ В. Бехтеревъ. «Объ объективномъ изслѣдованіи нервно-психической дѣятельности». Рѣчь, сказанная 4-го сентября 1907 г. на международномъ конгрессѣ по психіатріи, психологіи и обществ. призрѣнію душевно-больныхъ. См. Труды упомянутаго Съѣзда, «Обозрѣніе Психіатріи» 1907 г. и отд. изд. К. Риккера, 1908 г.

учной дисциплины отъ другой. Тотъ, кто изслѣдуетъ субъективный мѣръ человѣка, долженъ помнить, что это изслѣдованіе можетъ вестись только путемъ самонаблюденія, хотя бы и поставленнаго въ условія эксперимента, при чемъ результаты своего самонаблюденія онъ не долженъ *произвольно* переносить на другихъ лицъ, а тѣмъ болѣе на душевно-больныхъ или на животныхъ. Тотъ же, кто будетъ отдавать свой трудъ объективной психологіи, долженъ имѣть въ виду только одинъ *объективный* методъ изслѣдованія и вмѣстѣ съ тѣмъ строго воздерживаться отъ *невольнаго увлеченія субъективными терминами и субъективными же объясненіями* внѣшнихъ проявленій нервно-психической дѣятельности человѣка».

Такимъ образомъ, утверждая, что вышеуказанная работа даетъ ясное представленіе о взглядахъ на сущность психологіи «среди лицъ, специально занятыхъ изученіемъ отправления человѣческаго тѣла», авторъ по отношенію ко мнѣ опять-таки не правъ, потому что онъ совершенно не говоритъ о *моихъ* взглядахъ на психологію вообще и субъективную въ частности и останавливается лишь на томъ предметѣ, которому были посвящены мои позднѣйшія изслѣдованія въ данной области, ограничившись притомъ лишь одной моей работой и не касаясь вовсе другихъ моихъ изслѣдованій въ той же области ¹⁾.

Цѣлый рядъ такихъ и другихъ подобныхъ недоразумѣній, встрѣчающихся повсюду въ статьѣ автора, заставилъ меня долгое время воздерживаться отъ объясненій по поводу вышеупо-

¹⁾ Здѣсь я не говорю о болѣе старой своей работѣ въ этой области „Объективная психологія и ея предметъ“, помѣщенной въ „Вѣстн. психологіи“ за 1904 и въ „Revue scientifique“ за 1906, но о болѣе позднѣйшихъ работахъ, напечатанныхъ однако до появленія въ свѣтъ упомянутой статьи г. Щербини. Изъ этихъ работъ назову здѣсь работу: „О методахъ объективнаго изслѣдованія нервно-психической сферы“ сообщ. въ научныхъ собраніяхъ клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней 24 мая 1907 г. (реф. имѣются въ медицинской литературѣ). „Объективное изслѣдованіе нервно-психической дѣятельности“. Труды международного съѣзда по психіатріи и психологіи въ г. Амстердамѣ за 1907 г.—„О репродуктивной и сочетательной дѣятельности въ движеніяхъ“. „Обозрѣніе Психіатріи“, 1908 г.—„Первоначальная эволюція дѣтскаго рисунка въ объективномъ изученіи“, сообщ. въ Р. Общ. Норм. и Патол. Психологіи за 1908 г. (реф. въ мед. литературѣ и въ „Нивѣ“).—„Объективное изслѣдованіе нервно-психической сферы въ младенческомъ возрастѣ“. Докладъ сдѣланный въ Комитетѣ Педологическаго Института въ апрѣлѣ 1908 (реф. въ мед. литературѣ и вышло отд. изд.).

мянутой статьи и ограничиться только разъясненіями по существу вопроса, которыя изложены были на страницахъ «Новаго Слова» ¹⁾).

Но то обстоятельство, что статья г. Щербины появилась на страницахъ столь уважаемаго журнала, какъ «Вопросы философіи и психологіи», склонило меня послѣ многихъ колебаній къ тому, чтобы отказаться отъ первоначально принятаго рѣшенія и дать на его страницахъ соотвѣтствующія разъясненія въ устраненіе тѣхъ недоразумѣній, которыя могла оставить въ умахъ читателей вышеуказанная статья г. Щербины.

При этомъ я не нахожу возможнымъ входить въ какія-либо подробности, дабы избѣгнуть сказаннаго мною въ другихъ работахъ, и не разбиваться въ мелочахъ, а потому ограничусь только самыми краткими разъясненіями, освѣщающими сущность предмета,—тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя разъясненія моихъ взглядовъ въ связи со статьею г. Щербины читатели могутъ найти въ упомянутой моей рѣчи, сказанной въ ноябрѣ 1908 г. и помѣщенной въ «Новомъ Словѣ» за февраль 1909 г.

Остановимся съ самаго начала на коренномъ положеніи, которое ставитъ авторъ въ резюме своихъ разсужденій по поводу множества отрывочныхъ и безсистемныхъ выдержекъ изъ моей работы, представляющей въ сущности лишь введеніе въ объективную психологію: на страницѣ 540 авторъ говоритъ буквально слѣдующее: 1) «Г. Бехтеревъ стремится создать *объективную* (курсивъ автора) науку, которая, оставивши безъ вниманія данныя самонаблюденія, изслѣдовала бы физическіе и фізіологическіе процессы: внѣшнія раздраженія, вызываемыя ими измѣненія въ организмъ и проистекающія отсюда внѣшнія дѣйствія послѣдняго. Правда, главное вниманіе при этомъ обращается на изученіе мозга и нервной системы; но, строго говоря, такое предпочтеніе извѣстныхъ фізіологическихъ явленій слѣдуетъ считать простой непослѣдовательностью, несознанной зависимостью отъ метода самонаблюденія. Лишь принимая во вниманіе психическія переживанія, доступныя непосредственному только самонаблюденію, мы можемъ ставить вопросъ: какими фізіологическими процессами сопровождаются эти переживанія? Въ против-

¹⁾ В. Бехтеревъ: „Задачи и методъ объективной психологіи“. Рѣчь, сказанная въ память открытія клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней въ ноябрѣ 1908. См. „Новое Слово“. Февраль 1909.

номъ случаѣ у насъ нѣтъ *объективнаго критерія* (курсивъ мой), руководясь которымъ, мы могли бы оказывать предпочтеніе однимъ явленіямъ, происходящимъ въ организмѣ, по сравненію съ другими». Далѣе авторъ подчеркиваетъ, что объективная психологія вводитъ въ кругъ своего изслѣдованія сердечныя и сосудодвигательныя функціи организма, и не признаетъ для себя яснымъ, почему при этомъ приходится говорить о новой наукѣ, называемой «объективной психологіей», которая, по его мнѣнію, ни по предмету изслѣдованія, ни по методу будто бы не отличается отъ физиологіи. По мнѣнію автора «въ такомъ нововведеніи, очевидно, сказывается, помимо желанія самого автора, признаніе за міромъ психическихъ переживаній самостоятельнаго значенія».

Здѣсь авторъ не правъ отъ начала до конца. Даже въ первыхъ строкахъ своего положенія, когда онъ говоритъ, что объективная психологія изслѣдуетъ «внѣшнія раздраженія, вызываемыя ими измѣненія въ организмѣ и проистекающія отсюда внѣшнія дѣйствія послѣдняго», онъ не правъ, такъ какъ научная дисциплина, которую я стараюсь защищать, имѣетъ цѣлью изучать не просто внѣшнія раздраженія, вызываемыя ими измѣненія въ организмѣ и проистекающія отсюда внѣшнія дѣйствія послѣдняго, а внѣшнія проявленія нервно-психической сферы въ связи съ прошлымъ индивидуальнымъ опытомъ, о чемъ я опредѣленно говорю въ цѣломъ рядѣ страницъ, особенно 14, 20, 22, 23, 29 и 30, своего труда ¹⁾, а это далеко не то, что утверждаетъ г. Щербина. Дѣло, слѣдовательно, не въ раздраженіяхъ, не въ вызываемыхъ ими измѣненіяхъ организма и не въ проистекающихъ отсюда внѣшнихъ дѣйствіяхъ, а именно въ тѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ нервно-психической сферы, которыя стоятъ въ связи съ прошлымъ индивидуальнымъ опытомъ.

Если бы авторъ обратилъ вниманіе на этотъ пунктъ, то онъ, безъ сомнѣнія, не сталъ бы утверждать, что предпочтеніе извѣстныхъ физиологическихъ явленій, т.-е. отправленій мозга, въ этомъ случаѣ слѣдуетъ считать «простой непослѣдовательностью, несознанной зависимостью отъ метода самонаблюденія». Дѣло не въ методѣ самонаблюденія, а въ томъ, что вліяніе прошлаго индивидуальнаго опыта на внѣшнія реакціи обуславливается въ

¹⁾ Ссылку даю на страницы отдѣльнаго изданія „Объективная Психологія“, вып. I, такъ какъ соответственнаго номера „Вѣстника Психологіи“ подъ рукой у себя не имѣю.

животномъ царствѣ отпавленіями высшихъ центровъ нервной системы (гдѣ, конечно, она имѣется). Это же вліяніе прошлаго индивидуальнаго опыта безъ обращенія къ методу самонаблюденія даетъ и *объективный* критерій тѣхъ отпавленій нервной системы, которыя принято называть психическими и которыя мы предпочитаемъ называть нервно-психическими, признавая, что нѣтъ ни одного психическаго акта безъ нервнаго процесса.

Дѣло въ томъ, что всѣ обыкновенные рефлексъ суть тѣ отпавленія, на проявленія которыхъ личный или индивидуальный опытъ ничѣмъ не сказывается и которыя, развиваясь машинообразно отъ начала до конца, являются результатомъ природенныхъ и унаслѣдованныхъ условий.

Врядъ ли нужно говорить, что прошлый индивидуальный или личный опытъ проявляется болѣе всего въ двигательной сферѣ, и потому эта сфера и является главнымъ предметомъ изслѣдованія объективной психологіи¹⁾. Однако, нѣтъ основанія исключать изъ ея вѣдѣнія вазомоторныя и секреторныя функціи организма. Хотя эти послѣднія функціи чаще всего обнаруживаются въ условіяхъ проявленія обыкновеннаго рефлексъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что при развитіи аффектовъ или т.-наз. эмоцій они стоятъ въ извѣстной зависимости отъ прошлаго индивидуальнаго опыта и съ этой стороны должны входить въ предметъ изученія объективной психологіи, какъ все, чѣмъ характеризуется психическая или нервно-психическая дѣятельность.

Когда человекъ, хога бы остающійся неподвижнымъ, при извѣстныхъ условіяхъ краснѣетъ въ лицѣ, или у него появляются на глазахъ слезы, то всякій, безъ сомнѣнія, согласится, что это обозначается иногда больше въ проявленіяхъ его нервно-психической сферы, нежели цѣлый рядъ движеній въ другомъ случаѣ. Равнымъ образомъ ребенокъ, глотающій слюну при видѣ лакомаго блюда, представляетъ собою не менѣе яркій примѣръ внѣшнихъ проявленій его нервно-психической сферы, нежели его движенія въ томъ или другомъ случаѣ.

Итакъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что въ сферу вѣдѣнія «объективной психологіи» должны входить не одни только двигательные акты, но и такія функціи, какъ движеніе сосудовъ

¹⁾ См. подробнѣе въ моей работѣ „Значеніе изслѣдованія двигательной сферы для объективнаго изученія нервно-психической дѣятельности человека“. Р. Врачъ 1909.

тѣла и отдѣленіе пищеварительныхъ железъ (слюнные железы вѣдь относятся къ пищеварительнымъ), а въ условіяхъ эксперимента надъ животными (о чемъ собственно и шла рѣчь въ цитируемомъ г. Щербиной мѣстѣ моей работы ¹⁾ и отдѣленіе почекъ, половыхъ органовъ и т. п.

Однако, изученіе внѣшнихъ проявленій всѣхъ этихъ функций въ «объективной психологіи» производится не съ той цѣлью, чтобы распознать, что при этомъ творится въ «душѣ» человѣка или животнаго или въ ихъ субъективномъ мірѣ, иначе говоря, какія переживанія при этомъ они испытываютъ, а для того, чтобы выяснитъ соотношеніе этихъ внѣшнихъ проявленій нервно-психической сферы, обнаруживающихся при данныхъ внѣшнихъ условіяхъ, съ прошлымъ индивидуальнымъ опытомъ.

Теперь возникаетъ вопросъ: чѣмъ же обособляется новая научная дисциплина отъ физиологіи? Конечно, если подъ физиологіей понимать изученіе всѣхъ вообще отправленій организма въ широкомъ смыслѣ слова, тогда не останется мѣста не только для объективной психологіи, но и для субъективной психологіи, такъ какъ вѣдь и субъективныя переживанія не могутъ быть представляемыми отдѣльно отъ организма и его отправленій ²⁾. Но до сихъ поръ было принято подъ физиологіей понимать науку о жизни, а такъ какъ психическія отправленія, какъ признавалось многими, не необходимы въ жизненныхъ отправленіяхъ организма, или по крайней мѣрѣ не составляютъ существа жизненныхъ отправленій, то они обособлялись въ особую науку, именуемую психологіей.

Этому, конечно, существенно помогало то обстоятельство, что психологія до послѣдняго времени пользовалась совершенно особымъ методомъ,—методомъ самонаблюденія. Но что не въ одномъ только методѣ состоитъ разграниченіе другъ отъ друга научныхъ дисциплинъ, доказываетъ то, что та же физиологія пользуется для своихъ цѣлей исключительно механическими, физическими и химическими методами, и тѣмъ не менѣе она обосо-

¹⁾ В. Бехтеревъ: „Объективная психологія“, стр. 34.

²⁾ Въ доказательство можно сослаться на то, что ни одно руководство по физиологіи до сихъ поръ не обходится безъ разсужденій о произвольныхъ движеніяхъ, психическихъ процессахъ и т. п.; притомъ же данныя „физиологіи органовъ чувствъ“ основаны въ значительной мѣрѣ на субъективномъ методѣ самонаблюденія.

бляется и отъ механики, и отъ физики, и отъ химіи самымъ предметомъ изслѣдованія, а не однимъ только методомъ своимъ. То же самое явленіе наблюдается и въ другихъ научныхъ дисциплинахъ: вездѣ и всюду главнымъ критеріемъ для обособленія одной науки отъ другой служитъ предметъ изслѣдованія.

Если теперь мы скажемъ, что предметомъ «объективной психологіи», какъ и «субъективной психологіи», служитъ психическая или собственно нервно-психическая сфера, то станетъ понятнымъ, почему «объективная психологія» должна быть обособлена отъ физиологіи и почему она въ названіи своемъ удерживаетъ понятіе психологіи, хотя и съ добавленіемъ «объективной».

Это положеніе уяснится еще болѣе, если мы примемъ во вниманіе, что всѣ происходящія въ насъ психическіе процессы не могутъ быть *de facto* обособляемы отъ нервныхъ процессовъ, происходящихъ въ мозгу. Какого бы возрѣнія ни держались мы на природу психической сферы, но нынѣ, кромѣ спиритовъ, кажется, уже никто изъ серьезныхъ представителей науки не отрицаетъ самаго факта существованія того или другого (и во всякомъ случаѣ—неразрывнаго) соотношенія между субъективными переживаніями и объективными измѣненіями нервной ткани головного мозга. Иначе говоря, субъективные процессы, нами переживаемые, мы не можемъ мыслить внѣ мозга и не можемъ ихъ допускать безъ тѣхъ или иныхъ объективных измѣненій, происходящихъ въ мозгу.

Пусть эти измѣненія не всегда ближе намъ извѣстны, но они тѣмъ не менѣе должны существовать въ видѣ пресмственныхъ измѣненій въ цѣлой цѣпи нервныхъ элементовъ или нейроновъ, начиная съ измѣненій въ воспринимающемъ раздраженія внѣшнемъ органѣ, въ центростремительныхъ его проводникахъ, въ воспринимающихъ центрахъ мозга, въ междоцентральныхъ связяхъ и въ рядѣ другихъ центровъ до отводящихъ нервныхъ возбужденія или отвѣтныхъ центровъ включительно, и, наконецъ, въ центробѣжныхъ волокнахъ, достигающихъ периферическихъ аппаратовъ въ видѣ мышцъ и железъ.

Это положеніе, хотя и согласуется вполне съ данными субъективной психологіи, но ничуть не составляетъ прямого изъ нея вывода. Оно скорѣе является необходимымъ постулатомъ изъ данныхъ анатоміи и особенно физиологіи и патологіи мозговыхъ

полушарій. Если же это положеніе признать непреложнымъ или по крайней мѣрѣ вполне допустимымъ, какъ гипотезу, то, очевидно, является возможнымъ изучать соотношеніе внѣшнихъ проявленій нервно-психической сферы, обнаруживающихся при данныхъ условіяхъ въ связи съ прошлымъ индивидуальнымъ опытомъ, безъ обращенія къ анализу одновременно происходящихъ субъективныхъ переживаній,—тѣмъ болѣе, что послѣднія непосредственно доступны изученію только на себѣ самомъ, а не на другихъ.

Какъ бы то ни было, объективная психологія, не мѣшая насколько субъективистамъ ставить свои задачи изслѣдованія, имѣетъ въ виду выяснить тѣ соотношенія, которыя существуютъ между внѣшними нервно-психическими реакціями и возбуждавшими ихъ внѣшними же поводами не только въ настоящемъ, но и въ прошломъ.

Объективнымъ критеріемъ для отличія собственно нервно-психическихъ процессовъ отъ чисто нервныхъ функцій или обыкновенныхъ рефлексовъ, какъ мы говорили уже выше, служитъ то, что во внѣшней нервно-психической реакціи мы открываемъ всегда вліяніе прошлаго индивидуальнаго опыта, основанное на репродуктивной и сочетательной дѣятельности нервной системы, тогда какъ въ чисто нервныхъ или простыхъ рефлекторныхъ реакціяхъ обнаруживается всегда лишь дѣйствіе прирожденнаго или наслѣдственнаго нервнаго механизма, устанавливающаго вполне опредѣленное, неизмѣнное и притомъ не стоящее ни въ какой зависимости отъ прошлаго индивидуальнаго опыта соотношеніе между внѣшней реакціей и подѣйствовавшимъ на организмъ внѣшнимъ раздраженіемъ. Иначе говоря, въ первомъ случаѣ дѣло идетъ о такихъ внѣшнихъ реакціяхъ, выполняемыхъ нервной системой, въ которыхъ играютъ роль слѣды отъ бывшихъ ранѣе воздѣйствій или раздраженій, а во второмъ случаѣ мы имѣемъ лишь простую впередъ и навсегда предопредѣленную дѣятельность прирожденнаго или наслѣдственнаго нервнаго механизма.

Г. Щербина почему-то полагаетъ, что, когда рѣчь идетъ о «слѣдахъ», то въ этомъ случаѣ дѣло идетъ собственно о привычкѣ «мыслить процессы въ терминахъ фізіологіи» и о гипотетическихъ предположеніяхъ, а не о «фактахъ, доступныхъ непосредственному наблюденію и провѣркѣ; вѣдь въ самомъ дѣлѣ,—

замѣчаетъ онъ, — никто не можетъ видѣть тѣхъ слѣдовъ, которые отпечатлѣваются при каждомъ отдѣльномъ раздраженіи въ мозгу».

Конечно, если подъ «фактами, доступными непосредственному наблюденію и провѣркѣ», авторъ понимаетъ случаи, когда можно что-нибудь непосредственно видѣть и осязать, то о «слѣдахъ» въ этомъ смыслѣ не можетъ быть и рѣчи, но развѣ достовѣрнымъ въ наукѣ признается только то, что можно «видѣть» или «непосредственно наблюдать»? Вѣдь въ такомъ случаѣ нельзя будетъ говорить и о многомъ другомъ, хотя бы даже о простомъ ощущеніи, о которомъ такъ много трактуетъ субъективная психологія и которое недоступно непосредственному самонаблюденію, такъ какъ мы распознаемъ въ себѣ лишь представленія, основанныя на ощущеніяхъ, а не сами ощущенія.

Во всякомъ случаѣ, если мы говоримъ о «слѣдахъ» въ объективной психологіи, то понимаемъ подъ ними, вопреки мнѣнію г. Щербины, нѣчто доступное строго-объективной научной провѣркѣ. Для этого ненужно, конечно, «видѣть тѣ слѣды, которые отпечатлѣваются при каждомъ отдѣльномъ раздраженіи въ мозгу». Достаточно имѣть въ виду лишь точно доказанные научные факты, а таковые несомнѣнно въ данномъ случаѣ имѣются. Между прочимъ, убѣдительно объективное доказательство существованія объективныхъ слѣдовъ въ нервно-психической сферѣ можно почерпнуть изъ опытовъ съ воспроизведеніемъ внѣшнихъ впечатлѣній. Такъ, производившіеся у насъ опыты г-жи Штакельбергъ показали, что если изъ ряда воспроизведенныхъ и невозпроизводимыхъ непосредственно зрительныхъ впечатлѣній брать затѣмъ для воспроизведенія половину новыхъ впечатлѣній и половину прежнихъ изъ числа невозпроизводимыхъ непосредственно, то результаты въ отношеніи дальнѣйшаго воспроизведенія оказываются безусловно болѣе благоприятными для тѣхъ впечатлѣній, которыя давались раньше, но совершенно не воспроизводились непосредственно ¹⁾. Изслѣдуя затѣмъ репродуктивно-сочетательную дѣятельность въ сферѣ личныхъ дви-

¹⁾ Здѣсь можно видѣть между прочимъ доказательство того, что методъ объективнаго изученія въ смыслѣ сохраненія „слѣдовъ“ въ нервно-психической сферѣ даетъ больше, нежели методъ самонаблюденія, какъ чисто субъективный.

женій по методу, выработанному въ нашей лабораторіи ¹⁾, мы убѣждаемся, что можно получить репродуктивную отвѣтную реакцію въ движеніяхъ въ теченіе нѣкотораго времени даже и послѣ того, какъ рядъ раздраженій (напр. звуковыхъ или свѣтовыхъ), на который должна производиться отвѣтная двигательная реакція, уже прекратился (опыты ж. в. Нернень и Добро-творской) ²⁾. При этомъ сохраняется и прежній темпъ этихъ отвѣтныхъ движеній, обнаруживающихся послѣ прекращенія соотвѣствующихъ раздраженій. Врядъ ли можно объяснить себѣ эти факты иначе какъ тѣмъ, что въ этомъ случаѣ оживляется съ прежнимъ темпомъ слѣдъ, оставшійся отъ бывшаго ранѣе возбужденія центровъ и дающій при оживленіи импульсъ къ возобновленію втеченіе нѣкотораго времени прежней двигательной реакціи.

Такимъ образомъ здѣсь въ существованіи слѣдовъ, оставляемыхъ въ нервныхъ центрахъ внѣшними впечатлѣніями можно убѣдиться строго объективнымъ путемъ, не обращаясь къ субъективнымъ показаніямъ, которыя, кстати сказать, въ этомъ случаѣ ничего и не даютъ.

Далѣе при работахъ съ т. наз. сочетательными рефлексами мы имѣемъ слѣдующій фактъ: если мы возьмемъ раздраженіе, вызывающее обыкновенный двигательный рефлексъ, напр., электрическій токъ въ примѣненіи на подошву человѣка, вызывающій рефлекторный актъ въ видѣ отдергиванія ноги, и будемъ его сочетать, т. - е. давать его одновременно нѣсколько разъ съ такимъ индифферентнымъ для даннаго случая впечатлѣніемъ, какъ, напр., свѣтъ электрической лампочки накаливанія или звукъ обыкновеннаго электрическаго звонка, то уже вскорѣ мы получимъ то же отдергиваніе ноги на свѣтъ или на звукъ безъ примѣненія электрическаго раздраженія. Явленіе это, объективно доказуемое и регистрируемое пишущими приборами, безъ сомнѣнія можетъ быть объяснено съ точки зрѣнія сочетанія «слѣда» отъ электрическаго раздраженія съ впечатлѣніемъ отъ свѣта или звука. Эти опыты удаются даже и въ томъ случаѣ, если сочетаніе обоихъ раздражителей будетъ производиться не

¹⁾ В. Бехтеревъ. „О репродуктивной и сочетательной дѣятельности въ сферѣ движеній“. „Обозр. Психіатр.“, 1908 г.

²⁾ См. В. Бехтеревъ. О репродуктивной и сочетательной реакціи въ движеніяхъ. „Обозр. психіатріи“ 1908.

одновременно, а, напимѣрь, свѣтовое или звуковое раздраженіе будетъ раздѣлено отъ электрическаго раздраженія извѣстнымъ промежуткомъ времени, въ чемъ мы имѣемъ также безспорное и строго объективное доказательство существованія слѣдовъ, оставаемыхъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ въ нервно-психической сферѣ.

Само собою разумѣется, что подъ «слѣдами» мы понимаемъ не какія-либо грубо-анатомическіе отпечатки, а лишь молекулярныя измѣненія нервной ткани мозговыхъ центровъ, остающіяся послѣ временнаго ихъ возбужденія и облегчающія съ теченіемъ времени развитіе прежняго процесса возбужденія.

Кстати замѣтимъ, что гипотеза «физиологическихъ слѣдовъ» въ объясненіи памяти допускается и психологами-субъективистами, о чемъ почему-то г. Щербина не упоминаетъ въ своей замѣткѣ.

Теперь мы можемъ сказать по второму и послѣднему изъ положеній автора, которое онъ ставитъ въ резюме своей статьи. Это второе его положеніе гласитъ такъ:

2) «Вопреки основному требованію—тоже оставить безъ вниманія самонаблюденіе, какъ методъ, не обладающій полной объективностью, г. Бехтеревъ, о чемъ мы уже упоминали выше, все-таки не находитъ возможнымъ отказаться отъ употребленія такихъ понятій, какъ психическій, психика, сознательный, безпокойство, пріятное извѣстіе, голодъ и т. п., которыя пріобрѣтаютъ опредѣленный смыслъ лишь благодаря непосредственному знакомству съ собственными переживаніями». (Не выписываю дальше этого положенія, такъ какъ въ остальномъ дѣло идетъ главнымъ образомъ о развитіи той же самой мысли; о томъ же, что заслуживаетъ особаго вниманія, будетъ сказано мною особо.)

Это второе положеніе автора также основано на явномъ недоразумѣніи. Прежде всего въ своихъ работахъ объ объективной психологіи я рѣшительно устраняю такіе термины, какъ «сознательный» «сознаніе». «Пріятное извѣстіе» въ цитированной авторомъ статьѣ фигурируетъ лишь, тамъ, гдѣ я пользуюсь примѣромъ въ видѣ поясненія своей мысли, а вовсе не въ основоположеніяхъ объективной психологіи.

Если рѣчь идетъ въ другомъ мѣстѣ о безпокойствѣ, то г. Щербина, вѣроятно, упускаетъ изъ вида, что есть не только психическое, но и «физическое» безпокойство, которое не имѣетъ ничего общаго съ безпокойствомъ въ сферѣ субъективныхъ пе-

реживаній. Напротивъ того, можно признать, что именно терминъ безпокойство перенесенъ въ субъективную психологію изъ міра физическаго. Равнымъ образомъ и голодъ—терминъ вполне объективный и чисто физиологическій. Поэтому нѣтъ никакого основанія устранять эти термины изъ объективной психологіи.

Что послѣдняя должна устранить изъ своего обихода спеціальныя термины субъективной психологіи, но, конечно, не тѣ, которые введены въ послѣднюю изъ физическихъ наукъ,—объ этомъ я опредѣленно говорю и въ томъ трудѣ, который подвергся критикѣ г. Щербины: «Имѣя своей прямою цѣлью изучать соотношеніе между внѣшними раздраженіями и объективными проявленіями нервно-психической дѣятельности,—говорю я,—объективная психологія должна выбросить изъ своего обихода и всѣ метафизическіе термины, усвоенные субъективной психологіей,—какъ воля, разумъ, желаніе, влеченіе, чувство, память и т. п.»¹⁾

О томъ же предметѣ я говорю и въ другихъ своихъ работахъ, относящихся къ области объективной психологіи. Такъ, въ работѣ «Объективное изслѣдованіе душевно-больныхъ»²⁾ я высказываюсь не менѣе опредѣленно въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Въ учебникахъ психологіи и психіатріи говорятъ обыкновенно о сознаніи, о волѣ, о вниманіи и т. п., не подозрѣвая, что эти термины на самомъ дѣлѣ и мало опредѣленны и опираются исключительно на самонаблюденіе. Держась объективной точки зрѣнія при изслѣдованіи нервно-психической сферы душевнобольныхъ, слѣдовало бы говорить о положительномъ или отрицательномъ общемъ тонѣ или настроеніи—вмѣсто веселаго или грустнаго расположенія духа, о процессахъ впечатлѣнія—вмѣсто процессовъ воспріятія, о закрѣпленіи или фиксированіи слѣдовъ и ихъ оживленіи—вмѣсто заповинанія или воспоминанія, о смѣнѣ и сочетаніи слѣдовъ другъ съ другомъ—вмѣсто теченія и ассоціаціи идей, о раздвоеніи личности—вмѣсто раздвоенія сознанія, о внѣшнихъ реакціяхъ психо-рефлекторнаго (мимика, жесты и пр.), психо-органическаго (отношеніе къ пищѣ, половыя проявленія и пр.), психо-автоматическаго (походка и

¹⁾ В. Бехтеревъ. „Объективная психологія“. Вып. I. 1907 г. Стр. 30.

²⁾ В. Бехтеревъ. «Обозрѣніе Психіатріи» 1907 г.

локомоція вообще, рядъ сложныхъ привычныхъ движеній, игра на инструментахъ, шитье и пр.), психо-индивидуальнаго (поступки и дѣйствія) и символическаго характера (рѣчь, письмо и пр.)».

Въ томъ же положеніи г. Щербина отмѣчаетъ, что объективная психологія стремится познать не только языкъ, нравы, обычаи и законы народовъ, но также науку, религію, философію, поэзію и изящныя искусства. По автору, всё эти вещи «могутъ сдѣлаться предметомъ изученія лишь для того, кто способенъ воспроизвести ихъ въ своемъ сознаніи (sic!) и затѣмъ изслѣдовать ихъ при помощи самонаблюденія». Для меня непосильно уяснить себѣ, какъ можно воспроизвести въ своемъ сознаніи языкъ, нравы, обычаи, законы, науку, религію, философію, поэзію и изящныя искусства нѣлыхъ народовъ и особенно какъ ихъ строго-научно изслѣдовать при помощи самонаблюденія.

Стоя на двухъ противоположныхъ точкахъ зрѣнія, мы, какъ мнѣ кажется, въ этомъ именно пунктѣ врядъ ли можемъ сойтись другъ съ другомъ,—если г. Щербина полагаетъ, что всё вышеуказанныя явленія подлежатъ *только* субъективному изученію, благодаря воспроизведенію ихъ въ своемъ сознаніи и «при помощи самонаблюденія» Если субъективныя проявленія нервно-психической сферы отдѣльнаго лица можно еще, руководясь аналогіей, воспроизводить въ себѣ самомъ (дурно ли, хорошо ли—это другой вопросъ), то никакъ нельзя представить себѣ, какъ можно съ такой же субъективной точки зрѣнія,—признавая мнимую аналогію съ самимъ собою, при помощи воспроизведенія въ своемъ сознаніи, строго-научно изучать проявленія собирательной психики цѣлаго народа, его языка, нравовъ, обычаевъ, быта отдѣльныхъ племенъ, законовъ, общественнаго устройства, индустріи и науки, ихъ философіи, религіи, ихъ поэзии и изящныхъ искусствъ ¹⁾, Я держусь того мнѣнія, (которое было высказано мною и въ другой работѣ ²⁾, что общественная психологія и психологія народовъ болѣе, чѣмъ какая-либо другая

1) Во избѣжаніе излишнихъ недоразумѣній, считаю нужнымъ оговориться, что, обходя здѣсь молчаніемъ сложный *вопросъ о солицизмѣ*, я напередъ заявляю отводъ противъ всякихъ преній по этому предмету, какъ не имѣющему прямого отношенія къ содержанию настоящей статьи.

2) В. Бехтеревъ. «Объективное изслѣдованіе нервно-психической дѣятельности». Рѣчь на съѣздѣ въ Амстердамѣ 4-го сентября 1907 г. См. Труды названнаго съѣзда и „Обозрѣніе Психіатріи“, за 1907 г.

психологія, должны пользоваться методомъ объективной психологіи, такъ какъ всѣ эти проявленія дѣятельности народныхъ массъ изучаются и должны изучаться не съ точки зрѣнія субъективныхъ народныхъ переживаній, о чемъ вообще трудно и судить, а въ соотношеніи съ тѣми вліяніями въ настоящемъ и прошломъ, которыя послужили для нихъ внѣшними условіями.

Послѣ всего сказаннаго не приходится вовсе останавливаться на заключительномъ утвержденіи автора, будто бы «для объективной психологіи возникаетъ трудная дилемма: либо, пользуясь методами, заимствованными у физики и фізіолоіи, и сохраняя полную научную *объективность*, она должна оставить *совершенно въ сторонѣ психическіе процессы*,—либо, *признавая дѣйствительность этихъ послѣднихъ*, но заранѣе отвергнувъ самонаблюденіе, она *не находитъ метода для изученія этихъ фактовъ*» (курсивъ автора).

Вышеуказанная дилемма существуетъ лишь въ воображеніи г. Щербины, который никакъ не хочетъ отрѣшиться отъ пониманія психическихъ процессовъ, какъ исключительно лишь субъективныхъ процессовъ. Авторъ видитъ поэтому внутреннее противорѣчіе въ попыткѣ создать науку о фактахъ, «доступныхъ», по его мнѣнію, будто бы «непосредственно только самонаблюденію», отвергая въ то же время пользованіе самонаблюденіемъ. Я же вижу внутреннее противорѣчіе въ томъ, что субъективная психологія, имѣя дѣло съ фактами, «доступными непосредственно только самонаблюденію» и пользуясь лишь «методомъ самонаблюденія», простираетъ право изслѣдованія не только на свое «я», что вполнѣ законно, но и на чужое «я», что уже безъ особыхъ основаній предполагаетъ полную аналогію или даже тождественность чужого «я» съ своимъ «я» (а какъ велика эта тождественность, показываетъ намъ пышное развитіе за послѣднее время такъ наз. индивидуальной психологіи) и даже простираетъ право изслѣдованія съ тѣмъ же методомъ самонаблюденія,—предполагая, опять-таки, пресловутую аналогію,—на психику народовъ, на психику душевнобольныхъ до идиотовъ включительно, на ребенка и, наконецъ, на животныхъ, не исключая даже и такихъ, какъ наѣкомья ¹⁾.

¹⁾ Даже великій Ч. Дарвинъ, создатель чисто механическаго ученія о происхожденіи видовъ, въ своей работѣ о выраженіи эмоцій, очевидно, подѣ

«Нѣтъ!—скажемъ мы субъективистамъ-психологамъ въ этомъ случаѣ:—Довольно уже и безъ тогоросло за періодъ цѣлаго ряда вѣковъ тяжелыхъ заблужденій на почвѣ приложенія субъективной мѣрки (основанной на самонаблюденіи) къ разнымъ проявленіямъ общественной и личной жизни человѣка ¹⁾. Довольно испытаній и притомъ испытаній самыхъ тяжелыхъ и позорныхъ для своей исторіи пережило человѣчество отъ одного только понятія объ «абсолютно-свободной волѣ» человѣка, основаннаго на неограниченномъ субъективизмѣ въ психологіи. Настало время дать мѣсто и строго-объективному изученію нервно-психической дѣятельности человѣка, которое имѣетъ свою прямую цѣлью изслѣдованіе соотношеній между внѣшними раздраженіями и внѣшними же нервно-психическими реакціями,—соотношеній, основанныхъ на прошломъ опытѣ.

В. Бехтеревъ.

вліяніемъ господствующихъ взглядовъ, не воздержался мѣстами отъ чисто «субъективныхъ» объясненій разсматриваемыхъ явленій въ животномъ царствѣ, которыя однако вполне могутъ быть истолкованы съ чисто объективной стороны, какъ я доказываю въ своей рѣчи въ память Ч. Дарвина въ торжественномъ засѣданіи совѣта Психо-Неврологическаго Института въ апрѣлѣ 1909 г. («Биологическое развитіе мимики съ точки зрѣнія объективной психологіи»).

¹⁾ См. Бехтеревъ. „Объективно-психологическій методъ въ примѣненіи къ изученію преступленія“. Докладъ, сдѣланный при открытіи Криминалогическаго Института въ С. П.—гѣ. «Вѣстникъ Европы», за 1909 г.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ ПРОДАЮТСЯ:

Проф. А. И. Введенскій. Философскіе очерки. *Вып. I.* О философіи въ Россіи, о мистицизмѣ и критицизмѣ В. С. Соловьева, о свободѣ воли, о смыслѣ жизни, объ отношеніяхъ вѣры къ знанію. Цѣна 1 руб.

В. Виндельбандъ. Исторія древней философіи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. 4-е изд. Цѣна 2 руб.

В. Виндельбандъ. Исторія новой философіи въ ея связи съ общей культурой и отдѣльными науками. 2-е изд., вновь редактированное проф. А. И. Введенскимъ по 4-му нѣмецк. 2 тома. Цѣна 4 руб.

Т Р У Д Ы

С.-Петербургскаго Философскаго Общества:

Выпускъ I. Декартъ. Метафизическія размышленія. Перев. подъ редакціей и со статьей проф. А. И. Введенскаго. Декартъ и рационализмъ. Цѣна 1 р.

Выпускъ II и III. Малекбраншъ. Исканіе истины. Перев. подъ ред. и со статьей Э. Л. Радлова. Цѣна 5 руб.

Выпускъ IV. Беркли. Трактатъ о началахъ чело-вѣческаго знанія. Перев. подъ ред. и со статьей Н. Г. Дебольскаго. Цѣна 40 коп.

Выпускъ V. Аристотель. Этика. Перев. и вступительная статья Э. Л. Радлова. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Вышла изъ печати новая книга:

Памяти Л. И. Поливанова.

(Къ 10-лѣтію его кончины).

Изданіе Общества бывшихъ воспитанниковъ гимназій
Л. И. Поливанова.

Портретъ. Біографическій очеркъ.—Влад. Соловьевъ: Некрологъ Л. И. Поливанова.—Л. Лопатинъ: Личность и взгляды Л. И. Поливанова.—Л. Бѣльскій: Л. И. Поливановъ какъ педагогъ.—В. Гиацинтовъ: Къ характеристикѣ Льва Ивановича.—А. Венкстерна: Л. И. Поливановъ и Шекспировскій кружокъ.—А. Сливицкій: Л. И. Поливановъ по личнымъ моимъ воспоминаніямъ и по его письмамъ.—Изъ бумагъ Л. И. Поливанова: Философскія размышленія. Письмо къ начинающей романисткѣ.—Приложеніе: Положеніе о преміи имени Л. И. Поливанова.

Особенный интересъ представляетъ матеріалъ, принадлежащій перу Л. И. Поливанова: двѣ вышеупомянутыя статьи его изъ неизданныхъ бумагъ и вошедшіе въ „Воспоминанія“ А. Сливицкаго многочисленные отрывки изъ писемъ Л. И. Поливанова (отъ поры гимназической до послѣднихъ лѣтъ его жизни).

Предназначая сборникъ главнымъ образомъ для тѣхъ, кто лично зналъ и цѣнилъ Л. И. Поливанова, и прежде всего для его многочисленныхъ учениковъ, составители сборника надѣются, что оригинальная личность Л. И. Поливанова и его дѣятельность на поприщѣ науки, литературы и общественно-педагогическомъ привлекутъ къ себѣ и общій интересъ, за предѣлами круга людей, его знавшихъ.

Цѣна 1 р: 75 к.

Доходъ отъ изданія поступаетъ въ Общество бывшихъ воспитанниковъ гимназій Л. И. Поливанова.

Складъ изданія при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. (Москва, Пименовская ул., с. д.) ◆ Телефонъ № 5—26, 66—13.

НОВАЯ КНИГА: ПУТИ КЪ ИСТИНѢ

СОЦІАЛЬНО-ФИЛОСОФСКІЙ ОЧЕРКЪ

соч. П. Е. СТОЯНА.

До сихъ поръ въ русской популярно-философской литературѣ ни разу не затрагивался вопросъ о соціальномъ характерѣ истины, объ общихъ условіяхъ ея нахождения и о способахъ выработки міросозерцанія. Предлагаемая вниманію читателей книга г. Стояна является первою попыткой такого рода. Широкий вопросъ о „путяхъ къ истинѣ“ въ ней впервые обсуждается по методу научнаго сопоставленія голыхъ фактовъ, безъ замалчиванія или обхожденія щекотливыхъ вопросовъ.

Содерж. Что такое истина и какъ ее ищутъ. Наука и философія. Ложныя идеи и предрасудки. Ораторы и профессора. Книжное дѣло и библіотеки. Какъ искать истину. Ломка взглядовъ. Новая область познанія. Душа и мѣръ. Реформы. Эсперанто.

Цѣна 1 р. 25 к.

Того же автора брошюра „Безсмертіе души“ (съ научной точки зрѣнія). Цѣна 15 коп.

Продаются въ главныхъ магазинахъ.

Выписывающіе изъ склада изданія пользуются безпл. пересылкой. Налож. платежъ на 10 коп. дороже. Деньги можно прислать почт. марками (новаго образца). Съ требованіями обращ. въ г. Трубчевскъ (Орлов.) В. Я. Макушкину. (Складъ изданія.)